

Князь Тьмы и я
Книга вторая

ЕЛЕНА
ЗВЕЗДНАЯ

Annotation

В мире, где даже полицейские чувствуют себя незащищенными и слабыми, правят вампиры. Они главенствуют над нами потому, что сильны, могущественны и коррумпированы. Они во главе правительства, под них подстраивают законы, они неприкосновенны, но...Одна попытка спасти девушку, одно неосторожное слово, столкновение двух сильных характеров и... капец вампирам. Основательный, полный и сокрушительный.

- [Предисловие](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)

- [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
-

Елена Звездная

Князь Тьмы и я. Книга вторая

❧Предисловие❧

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

Предупреждение — рейтинг 21+

В тексте присутствуют: Насилие над логикой, принесение логики в жертву, жесткий интим с логикой, насилие над стереотипами, мат и шах, БДСМ, Стокгольмский синдром, Космосомольский синдром, Синдром Повышенной Вредности, кровь, стрельба, гонки со стрельбой, гонки без стрельбы... Короче не читайте это.

Внимание!!! Помните, автор — нежная, ранимая и трепетная личность, обижать автора не рекомендуется, а то автор уйдет в несознанку и добьет логику. А ей, логике, между прочим, и так уже не весело.

У меня появилась новая горничная. Ее звали Грэя. Она смотрела на меня с немым обожанием во взгляде, была быстра, предугадывала любые просьбы прежде, чем я успевала их даже озвучить, и первая входила в мою комнату, чтобы обследовать ее на предмет змей, тараканов и мало ли кого еще. Казалось – она знает обо мне все. О моих страхах, моих мыслях, моих чувствах и моих желаниях. Это было... жутко. И стало лишь еще более жутко, когда Грэя налила мне минеральной воды ровно столько в высокий стакан, сколько наливала себе всегда я. Даже пить расхотелось.

Я еще от странности в поведении Навьена не отошла, а тут эта... Грэя.

Но одна мысль не давала мне покоя — кто копает под дом Даркан? Кто-то ведь копал – долго, расчетливо, основательно и при этом профессионально замывая следы. Они весьма изобретательно убрали Малисент с пути, в нужный момент предоставили Ивгену Женьер, а когда дело не выгорело — попытались свалить все на сопротивление. Причем свалили вину качественно, если бы не дело с Майком у них бы все получилось идеально. Но Майк, видео в сети, Малисент у которой оказалось мозгов и благородства куда больше, чем они ожидали и я – так некстати подвернувшаяся князю. И вот эту вот меня раздирали два совершенно противоположных желания. С одной стороны, я бы очень хотела, чтобы под дом Даркан не только копали, но и чтобы его закопали, прикопали, и могильной плитой сверху прикрыли. Я бы порадовалась, причем совершенно искренне. Но с другой стороны в этом доме были Навьен, и теперь Грэя. Желала ли я смерти им? Ответ был мне известен. Может быть и желала бы, но после того как тысячник очень аккуратно водил автомобиль по городу, чтобы никого из людей не покалечить и не испугать... во мне что-то изменилось. Изменилось настолько, что, боюсь, если он попросит, я встану за ним и буду подавать ему патроны, даже если против него будут все вампиры мира.

Вампиры, а не люди.

Потому что если против нас будут люди, боюсь я встану между ними и Навьеном — одному не дам стрелять, другим не дам попасть в тысячника...

Грзя принесла еще какое-то масло, подлила мне в ванну, пахло чем-то умиротворяющим... как на кладбище.

«Я люблю тебя»... эти три слова жгли до сих пор. И не каленым железом там, а слезами невыплаканными.

Потому что... я могла сказать ему тоже самое.

«Я люблю тебя, Навьен»...

Хрен его ведает почему и как так вышло, ты же кровосос тысячелетний, кэпа Маера вообще ни за что убил... И тут вот моя любовь стала как-то чуточку меньше. Она все равно осталась, но... съежилась что ли. Словно ей самой было не по себе и в целом стыдно от того, что она появилась на этом свете. Наша с Навьеном любовь хорошо бы смотрелась где-нибудь на кладбище. Типа его могила со словами «Я люблю тебя» и моя с теми же самыми. И от одного памятника к другому рука тянется. Его такая мускулистая, и моя такая тощая, жалкая, слабая... в общем такая, какая есть. Ну и любовь если между нами и могла быть, то тоже только вот такая вот... посмертная.

— Княгиня, вы печальны? — вежливо, участливо и лишь самую малость вкрадчиво спросила Грзя.

Посмотрела на нее с нескрываемым подозрением. Просто... ну слишком уж профессионально прозвучало.

— Ты психотерапевт? — враждебно поинтересовалась я.

— Психиатр, — мягко поправила Грзя. — Несомненно, человеческая психология несколько отличается от нашей, но я учусь.

Зашибись!

Мыслечитателей мне тут было мало, теперь у меня еще и персональный обучающийся мозгоправ имеется. Здорово, что сказать! Чем дальше, тем больше я хочу в психушку, причем нормальную, а не вот это вот все.

— Вы не замерзли? — последовал новый вопрос.

Предпочла бы замерзнуть, и желательно насмерть.

— Суицидальные мысли — не выход, — проявила свои профессиональные качества Грзя.

Интересно, если я в нее мочалкой запущу, это будет выход?

— Нам пора заняться прической, — не успокаивалась вампирша.

Мне не хотелось заниматься прической, мне хотелось плакать. И мне бы даже не было за себя стыдно, устрой я банальную истерику. Потому что у меня, к моему огромному сожалению, было будущее. В чем-то даже радужное, в смысле когда на бриллианты падает солнечный свет, от них радужное такое сияние идет, а бриллиантов у меня будет завались, да хоть закопайся. Еще у меня будет много боли, много отчаяния, много унижения, много кошмаров... и вообще ничего хорошего.

А теперь мне даже самоубийством заняться страшно, потому что я знаю, кто пострадает в то самое мгновение, когда вскрыется, что я не вампир — Навьен. Навьен, не выполнивший приказ.

И тут такой поганый выбор — я могла бы позвать Навьена и попросить его завершить обращение, искушать там меня, и все прочее... Но я предпочитала смерть.

В общем, мы с Навьеном оказались в одинаковом положении — мы оба не могли спасти друг друга. Все что мог подарить мне он — лишь отсрочку неминуемого обнаружения правды. Все, что я могла подарить ему — лишь отсрочку его казни.

Придется налаживать контакт с князем.

Не особо хочется, но выбора нет.

— Грэя, что вам известно о молодом князе Даркан? — заставив вампиршу отвернуться и закутываясь в полотенце, спросила я.

Мгновенно развернувшись ко мне, вампирша просияла настолько счастливой улыбкой, что мне стало даже как-то не по себе.

После, все так же радостно, мне отвесили поясной поклон, и только затем реверанс. И Грэя радостно куда-то умчалась.

К тому моменту как я переоделась в халат, Грэя уже примчалась обратно и принесла мне две книги. Я бы даже сказала — книжечки. Книжки были огромными и тяжеленными — по-моему, у Дарканов есть тяга ко всему большому и тяжелому, одна семейная диадема чего стоит.

Пока Грэя колдовала над моей прической (я решила счесть ее бормотание чем-нибудь кроме ругательств, хотя вампирша явно ругалась, пусть и шепотом), я изучала «высокое чтение». В одной книге оказались собраны названия всех книг и фильмов, которые высоко оценил князь, и страниц она была тысячи на две. В другой страниц было поменьше, ну в целом, как оказалось, в еде князь был

неприхотлив. Честно говоря, когда я все это просматривала, в голову закралась одна нехорошая мысль, и я была бы не я, если бы после всего этого не спросила:

— А где книга про предпочтения князя Даркана в сексе?

Я полагала мне не ответят, или еще одну книжечку принесут, но горничная быстро нагнулась, перелистнула страницы с рецептами до самого конца, и вот там как оказалось таки да — имелись предпочтения князя в отношении секса. И значилось в этих предпочтениях всего одно слово: «Искренность».

Искренность!

Обалдеть не встать, держите меня семеро! То есть для того, чтобы стать идеальной княгиней надо было десять лет учить всю эту тонну предпочтений князя в области литературы, искусства, киноискусства и театра, чтобы в итоге получить в качестве основного параметра «Искренность»!

Твою мать!

К слову моя мать на телефонные звонки не отвечала. И не то, чтобы у меня оставались глубокие родственные чувства, после всего, что было, и где-то в глубине души, там, где должны были существовать любовь и привязанность уже давно зияла черная дыра, но все же. Обычно она отвечала хотя бы через несколько часов, а сейчас — тишина. Гнетущая, пугающая тишина. Я даже взяла телефон и перезвонила еще раз — ответом были лишь гудки.

— Ваша матушка в полном порядке, — проворковала Грэй.

— Серьезно? — скептически поинтересовалась я. — Говорите вы с такой уверенностью, словно знакомы лично.

И вот я ожидала, что Грэй смутится хотя бы, но смущаться пришлось мне, едва она ответила:

— Несомненно, знакомы. Князь поручил мне оказать помощь госпоже Меттланд в организации похорон вашего отца.

«Отчима», — мгновенно поправила про себя.

И не смогла удержаться от вопроса:

— Как она?

Грэй на миг замерла, вытягивая феном очередную прядь моих никакущих вообще волос, на миг перестала отражаться в зеркале, что выдавало в вампирах определенное эмоциональное смятение, и все же ответила:

— Намного лучше после назначенных ей препаратов. Я была рядом с ней все эти дни. Если вам интересно — похороны прошли достойно.

Мне вот про похороны вообще было не интересно. А за маму... хотелось сказать спасибо.

— Князь Даркан согласился с моим выбором нужного лечебного заведения, — добавила Грэй.

И про «спасибо» я передумала.

— Вы поместили мою мать в психушку? — потрясенно переспросила я.

Вампирша снова на миг растворилась в отражении, так что мне представилась сомнительная возможность посмотреть на висящие в воздухе фен, прядь волос и расческу, но затем, вновь взяв себя в руки, Грэй вернулась в полной мере, и высказала:

— Княгиня, ваша мать много лет подвергалась разрушительному влиянию энергика. Даже вампирам в подобной ситуации требуется лечение. И нет, это не психиатрическая лечебница, это курортный санаторий с услужливым и профессионально обученным персоналом. За вашей матерью так же буду присматривать я, лично. Если вы хотите ей что-то передать, я...

— Прости, — едва слышно прошептала я.

Грэй подняла взгляд на меня, помолчала и вежливо произнесла:

— Это вы простите меня. Мне следовало сообщить вам сразу. И так же я прошу прощения, за предложение передать что-либо вашей матери... Она не желает общаться с вами, и, боюсь, вам это известно лучше, чем мне.

Мне хотелось разреветься прямо тут. Сейчас. Только боюсь, глава о предпочтениях князя в сексе пострадает. Пусть там и всего одно слово только...

— Князь рано потерял мать, — вдруг сказала Грэй.

Серьезно? А та клыкастая в черном это кто была?

— Ему сложно понять ваши чувства, — продолжила горничная, — но он старается не допускать фатальных ошибок в ваших отношениях.

А жениться на мне без моего согласия типа не фатальная ошибка, да?

— Поэтому, он уделил пристальное внимание вашим близкородственным связям. У вас чудесные волосы.

И тут я поняла, что врать Грэя не умеет. В смысле всё до фразы про волосы звучало убедительно, а вот с комплиментом не вышло.

— Подчеркнем ваши глаза, — вдохновенно продолжила горничная, теперь уже искренне и полностью уйдя в работу, — и скулы.

То есть волосы соберем. Ну я бы их на ее месте тоже бы собрала, впрочем и вариант постричься налысо тоже был неплох. Все было неплохо, но... за маму я была благодарна Даркану.

Мы ужинали.

Такой милый семейный ужин — я, стол, и князь.

На мне было шелковое темно-синее платье, в тон к нему сапфировое ожерелье, в ушах дрожащими капельками мерцали сапфировые серьги, волосы мне перекрасили, в смысле взяли и вернули им прежний цвет. И все это Грэя проделала с фантастической аккуратностью, старательностью и заботой, она меня даже подкрасила, причем помада, как оказалось, была несмываемая, и обалденно так контрастировала с моей бледной от недосыпа, обстановки и тревоги мордой лица. Короче, я была как упырь женского рода — идеально вписывалась в обстановку.

— Ты довольна новой горничной, любимая? — небрежно-галантно поинтересовался князь, когда нам налили вино, ему нормальное, мне безалкогольное.

— Ну, типа да, — вдруг поняла, что нервничаю.

Не то, чтобы у меня не было причин для этого, но все же.

Даркан пристально посмотрел на меня через весь стол. Поднял свой бокал, вдохнул аромат напитка, и сообщил:

— Грэя прежде была личной горничной Малисент. Леди умоляла меня позволить ее лучшей из слуг служить княгине Даркан. Я счел, что тебя порадует мое согласие.

И ошибся!

В смысле не в том, что взял Грэю — она была потрясающая, только вот она дохрена лет прожила в долбанутой на всю голову вампирской семейке Малисент, и что-то мне подсказывало, что раз Грэя у этих чокнутых на доброте вампиров прижилась, значит и она сама тоже чокнутая, в смысле добрая, в смысле — нехрен ей в этом гадюшнике делать!

— Я против! — уверенно сообщила князю.

Я была в целом абсолютно против, чтобы мне преданно служили, да еще и по той причине, что Малисент чувствовала себя виновной во всем этом кошмаре, который превратился в мою жизнь. Обидно. За

мою жизнь обидно. Она и так никогда не была сахаром, а теперь вовсе стала кошмаром — жутким, непредсказуемым, кровавым кошмаром. И в общем мне в этом кошмаре еще преданной Грэи не хватало. Пусть лучше к Малисент возвращается, а то этот ребенок без горничной вообще ничего не умеет, даже чай заваривать.

— Ммм? — Даркан сделал маленький глоток вина, оценивая его вкус. — Она тебе не понравилась? Что ж, прикажу оторвать ей голову.

— Да твою нахрен мать! — я подскочила.

Стул с грохотом свалился за моей спиной, а князь странно улыбнулся, не особо скрывая эту проницательно-понимающую ухмылку.

— Полагаю, горничную мы оставляем, — с насмешкой произнес он.

Лакеи подошли, подняли мой стул, помогли мне присесть, пододвинули стул к столу.

Типа короче ужин продолжается, все зашибись как круто, и можно продолжать эту милую бесячую до зубного скрежета беседу!

Я откинулась на спинку стула, в бессильной ярости глядя на князя.

И не глядя в окно.

Потому что там, во дворе, стоял старший сын и наследник лорда Сторса. У него отобрали телефон и надежду на светлое будущее. Навьен очень серьезно отнесся к моим словам: «Хочу, чтобы он понял, каково это — не знать, жив ли твой ребенок», и потому лорд Сторс не знал. Он привез сына на закате, и теперь заехав в лес, чтобы не загораживать подъездную дорогу, ждал. Ждал, не ведая, чего вообще можно ждать. И мне бы торжествовать — я проучила самого лорда Сторса главу ВСБ, вот только... не было ни радости, ни торжества справедливости, ни чего-либо вообще.

Был молодой вампиреныш лет двадцати, который стоял посреди двора, бледный как привидение, то есть даже по вампирским меркам бледный, и где-то в лесу стоял его отец, сходя с ума от тревоги и неизвестности. И мне было мерзко от этого. Гораздо проще относиться к упырям с ненавистью, когда не знаешь таких, как Малисент, к примеру.

— У меня просьба, — невольно обняла себя за плечи, чувствуя могильный холод своей собственной души, которой и в могиле было

бы явно комфортнее, чем в этом дворце, — пусть младшего лорда Сторса отведут к его отцу, я...

— Удовлетворилась мстью? — язвительно поинтересовался князь.

Не глядя на него, раздраженно ответила:

— Я хотела не мести, я хотела, чтобы он понял, что... Не важно. Пусть мальчика отпустят.

— Каиль, ты не последовательна, — укорил князь.

И шевельнул пальцем, отдавая приказ.

Я проследила за тем, как мальчику возвращают телефон, затем как открываются замковые ворота, и... лорд Сторс стоял там. Не в лесу, куда отогнал свою машину, а прямо за воротами. Один, бледный, неестественно прямой, убитый горем. И когда он сжал в крепких объятиях подбежавшего к нему сына, я поняла, что картинка расплывается, и смахнула набежавшие слезы.

Отвернулась.

Посидела, успокаиваясь. Постаралась отвлечься и уныло посмотрела на свой «ужин». Все та же сырая рыба, соус, зелень, яблоки. Ненавижу упырей. Ненавижу всем сердцем, но... наверное, чтобы их убивать, нужно стать такой же как они. Я такой не была. Мне было тяжело... мне было тяжело, даже от осознания, что княжну Мортем вчера убили, потому что я ее подставила и спровоцировала на нападение. Я...

Я ведь полицейский, моя работа находить преступников, а не карать их, я...

Я посмотрела, как Сторс уводит сына, обнимая за плечи, не отпуская ни на миг, кажется, не веря в то, что вообще получил сына обратно живым.

Стук в двери, и вошел второй тысячник князя. Тэранс был массивен, массивнее Навьена, так что кто есть, кто становилось ясно сразу и даже издали.

Он бесшумно подошел к хозяину, склоненная голова, почтительный поклон, и тихое:

— Исполнители найдены.

— Обращенные? — спросил князь, задумчиво глядя на меня поверх бокала с вином, который безучастно рассматривал уже некоторое время.

— Частично, — ответил Тэрэнс. — В основном люди из движения сопротивления.

Я замерла.

Князь пугающе прищурил глаза, заставив похолодеть от этого взгляда.

— Что-то не так, милая? — спросил он.

И это было не просто вопросом. Это было скорее допросом, иначе не назовешь. Одно только радовало — князь был в очках, И мне нужно было что-то делать. Что-то очень-очень быстро делать. Потому что если Даркан вцепится в сопротивление... хана придет сопротивлению. Быстрая и беспощадная. И обиднее всего то, что сопротивление вообще не причем, их тупо подставили. Но если я прямо об этом скажу, я подставляю Навьена. Ведь князь определенно захочет узнать, откуда это знаю я, а там повсюду Навьен!

Черт!

Что делать?

— Странное дело, мне вдруг безумно захотелось снять очки, — с намеком протянул князь.

— Не надо!!! — чуть ли не заорала я. Мгновенно осознала, что произошел явный перебор с эмоциями, и нервно-кокетливо добавила: — Они вам очень идут, князь.

Князь медленно сузил глаза.

Так, кажется, есть шанс, что теперь меня тоже отправят в психушку. Кстати, а неплохой вариант, может продолжить в том же темпе? И главное, Навьен тогда не пострадает.

— Сомнительная перспектива, — медленно сняв очки и небрежно бросив их на стол, произнес князь.

Я судорожно сглотнула, понимая, что все... мне хана.

— Это вряд ли, — улыбнулся Даркан. — Но меня очень заинтересовал один момент.

И не давая мне передохнуть, он этот самый момент обозначил одним коротким словом:

— Навьен.

Мама...

Даркан усмехнулся, намекая что откосить не выйдет, и уточнил:

— Так что у тебя с Навьеном?

Млять...

Мне очень хотелось бы заткнуться. Вот просто взять и заткнуться. Но молчание не всегда золото, и я сказала как есть:

— Он сожрал мой пончик.

В следующий миг у Тэранса вытянулась морда. Выражение лица князя тоже стало поистине непередаваемым, но спросил почему-то именно Тэранс:

— Пппончик?

Я вдруг поняла, что они явно что-то не то поняли. Или даже не знаю, может у них тут какие-то свои заморочки по поводу пончиков?

— Какой пппончик? — все так же Тэранс.

Даркан сидел молча, но уже нахмурился, явно что-то соображая... Он сообразительный, к сожалению.

— Сочту за комплимент, — холодно произнес князь.- Ответь на вопрос моего тысячника. А после лично мне, наедине, объяснишь, как, когда, и при каких условиях Навьен посмел даже думать о подобном.

И от слов Даркана повеяло холодом... ну или огнем, учитывая, что осужденных по приказу князей тупо сжигают, даже без морга.

— Каиль! — тихо, но так что я вздрогнула, окликнул князь.

— Мой пончик с глазурью, — с перепугу мигом ответила я.

В столовой воцарилось напряженное молчание.

И тут вдруг подала голос Грэя:

— Это кулинарное изделие из дрожжевого теста. Углеводы, дрожжи, сахар. Глазурь — дополнительный сахар. Княгиня, мне очень жаль, но подобная пища для вас недопустима. Тысячник Навьен, вероятно сообщил вам об этом, не так ли? А после, дабы гарантированно уберечь вас от вредной пищи, съел пончик сам. Так?

Так. Я даже кивнула, подтверждая.

Только вот я сейчас одного не поняла — а о чем князь с Тэрансом подумали? Посмотрела на Даркана, тот неожиданно отвел взгляд. А я взяла и отвела душу:

— Еще Навьен сожрал мои мюсли!

Князь и Тэранс разом посмотрели на Грэю.

— Мюсли — сухая смесь из овсяной каши и сухофруктов и сушеных ягод. — Тут же отчиталась она. — Продукт быстрого приготовления. Среди людей считается крайне полезным компонентом здорового питания.

И уже мне:

— Княгиня, овсяная каша — это углеводы. Углеводы на данном этапе вашей трансформации запрещены. Тысячник Навьен обязан был устранить данный продукт из вашего рациона. Но я удивлена, что столь интересным... методом. И как ему на вкус?

— С последним куском моего масла умял за милую душу, — пробурчала я, все еще размышляя над моментом с пончиком. — Теперь холодильник совсем пустой стоит. Надо было выключить. А то счетчик намотает, за электричество потом плати...

И тут я подумала, что отпуск взяла за свой счет, значит, зарплаты в этом месяце будет кот наплакал, а мне еще и кредит за этот самый холодильник плати. Хорошо хоть телевизор новый не купила, пусть он был на скидках и консультант очень уговаривал. А потом я подумала — о чем я вообще думаю? Я теперь даже домой не вернусь... Но кредит надо бы выплатить, мало ли. Вдруг выживу, а тут кредит с процентами конскими. Опять же на маму могут повесить, и я...

— Разберусь с твоим кредитом, уговорила, — язвительно произнес князь, и взявшись за бокал, несколько нервно отпил глоток вина, Чтобы в итоге произнести: — Благодарю за информацию, Грэя.

— Всегда рада услужить, — поклонилась вампирша.

— Сама выплачу, — проявила неуступчивость я.

И после повернувшись к Грэе, не удержалась от вопроса:

— А почему присутствующим потребовались объяснения по поводу пончика?

Не знаю, показалось мне или нет, но Даркан вроде как попытался остановить горничную, однако та, приблизившись, почти на ухо мне прошептала:

— Вампиры плохо разбираются в выпечке. В данном случае уважаемый князь и его тысячник вероятно перепутали слова «пончик» и «пирожок», восприняв последнее слово с точки зрения распространенного у человеческого общества сленгового значения.

— Это какого? — не поняла я.

Грэя очень выразительно на меня посмотрела, и с выражением повторила слово:

— Пирожок.

После чего еще более выразительно опустила взгляд.

И до меня дошло, о чем подумали князь и Тэранс. Потом я поняла, что невольно краснею. Потом, что краснею еще сильнее. Потом...

— Я сама выплачу свой кредит, — понятия не имею, зачем я это повторила.

Даркан насмешливо посмотрел на меня, я окончательно решила выплатить самостоятельно, во что бы то не стало и...

— Извращенцы!

На это что князь, что Тэранс вообще не обиделись, более того — они переглянулись и обменялись такими ухмылками, что сходу стало ясно — они извращенцы на сто процентов, но я пока не в курсе даже про один процент их извращенности... Короче пора валить. Хотя валить пора было еще вчера, и позавчера, и...

— Ужин, Каиль, — изящным движением берясь за вилку и нож, напомнил князь.

Да чтоб ты подавился!

— Едва ли я смогу удовлетворить это твое желание, но все что касается извращений... ммм... ты оценишь.

Я посмотрела на князя — он ел, делая вид что сосредоточен на ужине. Я посмотрела на Тэранса — он стоял, делая вид, что изображает мебель. Я посмотрела на Грэю — вампириша вновь приблизилась, наклонилась ко мне и прошептала:

— Князь шутит. Это юмор. И вам совершенно не о чем беспокоиться.

Да ладно!

Мне хватило взгляда на князя, чтобы понять — он вообще ни хрена не шутил. И на Тэранса, чтобы понять абсолютно точно — тысячник в курсе, что князь ни хрена не шутит. По-моему, в то, что Даркан хороший наивно верила тут только одна Грэй. И то явно потому, что только приехала. Ничего, проживет пару дней в этом аду — быстро изменит мнение.

И тут Даркан посмотрел на меня.

Пристально. Внимательно. Разъяренно.

— Позволь спросить, — разрезая сырое мясо на своей тарелке, произнес он, — и в чем же выражается...

Пауза, и ледяное:

— Оставьте нас.

И не раздалось даже шороха.

Вот кто-то тут был, просто я лично разглядела не всех, пара вампиров скрывалась в тени, а вот уже никого нет, и только Грэя

осторожно закрывает дверь за собой, послав растерянной мне напоследок ободряющую улыбку. Толку мне с той улыбки! Лучше вернись! Там в гостиной делать вообще нечего, тут самое интересное же... Да блин! Не уходите хоть кто-нибудь...

— Прекрасный внутренний монолог. Я оценил. Овации требуются?

— Я не в цирке, обойдусь, — ответила раздраженно.

И поняла, что с трудом сдерживаю слезы.

— Я рад, что ты понимаешь разницу между цирком и моим домом, — своеобразно даже похвалил Даркан.

Но от этой похвалы страх начал подниматься в душе, и уже не мутный и пугающий — а леденящий и замораживающий. Мне казалось в груди все покрывается изморозью, и вот еще пару секунд и ледяные иглы проткнут сердце.

— Поэтично, — счел необходимым отметить князь.

Сволочь, а помолчать нельзя? Обязательно комментировать, да?

— Да, — холодно ответили мне.

И мыслей вдруг не стало. Никаких. Вот только что было страшно, и обидно и в целом да сколько можно уже, и вдруг — пустота. Как на северном полюсе — только белая покрытая вечными снегами пустыня и свист ледяного ветра... и все. Вообще все. Лишь удары сердца отдаются в висках.

И это было жутко!

— Впечатлилась? — поинтересовался Даркан, возвращаясь к еде.

И ледяной пустоши не стало...

Моргнув, я посмотрела на князя, который элегантно ел, огляделась по сторонам, взглянула на свою тарелку...

Черт, что все это было?

— Демонстрация, — галантно уведомили меня.

Кажется, я перестала дышать, да и сердце замерло тоже, оставив артерии в полном недоумении, а вены в тихом охненении.

— Мужик, — у меня голос дрогнул, — я всего лишь по глупости села в твою машину и все! На этом моя вина заканчивается, не успев начаться.

Даркан молча поднял на меня взгляд своих пугающих серо-асфальтовых глаз. И я увидела, как в его глазах медленно загорается бешенство. А я... я была слишком напугана только что случившейся

«демонстрацией», чтобы на чем-то там настаивать и что-либо доказывать. Поэтому, все, на что хватило меня, это лишь на тихое и практически жалобное:

— Отпусти меня... пожалуйста.

Я знала, каким будет ответ. Я знала это, еще до того, как эту просьбу произнесла. Я все знала, и все равно вздрогнула, услышав спокойное:

— Ни-ког-да.

Вообще – это жутко, оказаться вот в такой ситуации. В полиции говорят, что даже самые отбитые на всю голову садюги и маньяки собственной смерти боятся до одури, и готовы на все, только бы выжить. И не важно, в каких условиях жить, главное это оставаться живым. Я не могла их понять, особенно сейчас.

— Каиль, — Даркан сделал глоток вина, — давай смотреть на ситуацию объективно — если бы ты не села в мою машину, тебя бы уже не было в живых. Навьен, тот самый, с которым у вас внезапно образовались вполне мирные рабочие отношения, убил бы тебя в тот же вечер, под хруст твоего догрызаемого Малисент кактуса.

Судорожно сглотнула, вспомнив взгляд Навьена в тот вечер... да, убил бы. Это точно. Он в бешенстве был.

— Зато убил бы быстро, — почему-то решила вступить за тысячника я.

— С этим спорить не буду, — согласился со мной князь. — Тебе повезло, что Навьен не интересуется женщинами, так что да — убил бы быстро.

И тут... тут офигела уже я.

— Что? — голос вышел чем-то средним между визгливым и писклявым.

Даже не подозревала, что моя гортань способна на подобные звучания вообще.

— М? — предложил уточнить вопрос Даркан.

Но я уточнять не рискнула. И вообще чувство такое возникло, словно хожу по тонкому льду, и... и где-то на горизонте маячит либо ледяная пустошь полного безмыслия, либо... секс с Дарканом, и второе точно хуже.

— Уверена? — насмешливо поинтересовался князь. — Я могу удерживать твое безмыслие и до, и после, и частично даже во время

исполнения супружеского долга. Впрочем, нет — во время не стану, предпочитаю концентрироваться на удовольствии.

И вот он назрел страшный, но действительно крайне интересующий меня вопрос:

— А что, ваша трансформированная форма позволяет получать удовольствие?

И тут бы мне заткнуться, наверное, стоило бы, но как вспомню вполне милые груди княжны Мортем на нечеловеческом и невампирическом теле хрен его ведаёт чего...

— Кстати, чуть не забыл, — Даркан посмотрел мне в глаза и сообщил, — семья Мортем настаивает на твоём присутствии во время похорон княжны.

— Идут нахрен! — сходу ответила я.

Едва заметно улыбнувшись, князь сообщил:

— Что ж, я был гораздо более сдержан, но смысл ответа был примерно тем же.

И я почему-то улыбнулась, но померкла улыбка быстро, едва я вспомнила, что рядом с головой княжны, на пороге стояла и голова кэпа Маера... Да и голова княжны тоже не радовала.

— Ну почему же? Ведь ты хотела её смерти.

— После следствия и суда, — высказала, стараясь больше не думать о Маере в принципе.

И о том, кто его убил.

— Считай что я судья, а следствие не потребовалось — ты превосходно справилась и сама, — ещё одна похвала от Даркана меня напрягла.

И я не знаю, в чём дело — то ли в страхе, что он заставил ощутить в полной мере, то ли в намеке на другие «следствия». Но стало жутковато.

И так, если посмотреть со стороны — то напротив меня сидел аристократичного вида совершенно потрясающий парень, такой фантастически-нереально-красивый, уверенный в себе и словно окруженный ореолом этой уверенности, харизматичный и располагающий к себе с первого взгляда... И этот парень весьма своеобразно, но тактично обо мне заботился — помог моей маме, послал нахрен Мортемов, Грэю приставил ко мне, и даже ещё ни разу не изнасиловал, хотя мы уже три дня как женаты, и плевать, что я

замуж не хотела от слова – вообще. Но в целом — красивый же парень, заботливый очень... Только вот одна мааааленькая деталь – он гребанный вампир и манящая нежность его обаятельной улыбки, способна смениться хищным звериным оскалом в любой момент.

— Знаешь, — Даркан смял салфетку и бросил ее на стол, — кажется, с меня достаточно!

Это называется – хотела наладить отношения с князем.

— А ты хотела? – с вызовом спросил он. — Неужели? Возможно, ты удивишься, Каиль, но я что-то ни одной попытки наладить хоть что-то не заметил.

Мне хотелось ответить что-то язвительное, но очень напугало пребывание сознания в ледяной пустоши абсолюта безмыслия, и вообще, внутри начала нарастать паника... Да меня просто затрясло от этой паники!

— Каиль, — Даркан определенно хотел встать, но почему-то остался на месте, — давай попытаемся начать все с начала.

Это с какого? Нет, вслух я этого не говорила, полностью парализованная ужасом, но так, в целом, реально интересно стало.

— Это с сейчас, — уточнил князь. — Полагаю, все прежние счета мы сравнивали.

Это какие?!

Нелепые вопросы, понимаю, но, мать его – какие счета еще?

Даркан выглядел так, словно реально заслужил премию за Терпение и Благодетель. Хотя с благодетелью это я явно зря, благодетели тут не наблюдалось.

— Хорошо, я поясню, — почти прорычал Даркан. — Ты обманула меня, солгала, практически глядя в глаза, и исчезла, оставив дожидаться тебя у дверей аптечного туалета. Не могу назвать это приятным времяпрепровождением. Особенно когда из упомянутого помещения вышла женщина неопределенного возраста, и, вероятно, неопределенного веса, так как не все весы способны измерить то, что с трудом протискивается в двери.

И тут я представила себе картину — прекрасный парень, словно сошедший с обложки какого-нибудь супер глянцевого издания стоит близ не самого приятнопахнущего помещения в ожидании идиотки, которая по тупости не заметила в какую машину села, а тут появляется ОНА.

— Это была я, — даже не знаю, зачем солгала, — просто корсет сняла! И белье утягивающее!

И губы князя дрогнули. Всего на миг, но я точно видела. И стало ясно по какой причине он улыбнулся, едва Даркан добавил:

— Что ж, в таком случае должен заметить, что ты значительно выросла в плане гордости, этики и морали. Потому как та... дама, обратилась ко мне с просьбой о деньгах, коих ей не хватало на бутылку, и предложила расплатиться за «займ» практически не сходя с места, причем речь шла об оплате натурой.

— Надо было соглашаться, — высказала свое мнение я. — Интим практически на халяву, где еще такое встретишь?

— В браке, — мрачно и с намеком уведомил князь.

Черт.

И да — всегда знала, что вампиры жмоты.

— Это ты все еще налаживаешь наши отношения? — любезно поинтересовался Даркан, но я точно знала, что он вот прямо сейчас издевается.

Но издевался князь недолго.

— Каиль, — взгляд его темно-серых глаз стал более чем серьезным, — я понимаю, что это тебя пугает. Я понимаю причины. Я постараюсь быть максимально нежным и аккуратным.

Охренеть, да.

То есть это значит — насиловать мы тебя, деточка, будем, но, мы добрые и заботливые, так что для начала водочки нальем.

— Плохая аналогия, — прокомментировал Даркан.

Несколько секунд я сидела, глядя на него, а после не выдержала:

— Я никогда, просто вот НИКОГДА не соглашусь на подобные отношения с вами!

Похолодевший взгляд и ледяное:

— У тебя нет выбора.

Мне хотелось сказать: «У тебя тоже. Также нет выбора. Потому что у тебя нет меня! Нет и никогда не будет!». И я могу лгать самой себе, могу лгать Даркану, могу лгать всему миру, но я точно знаю правду.

— Ты ничего не знаешь, — как-то бесконечно устало, вдруг произнес князь.

Несколько бесконечных секунд он молчал, я резонно опасалась издать хоть звук, не говоря о мыслях. Кажется, ледяное безмыслие я

практически научилась вызывать у себя сама.

— У тебя выбора нет, — продолжил Даркан, — выбор есть лишь у меня, Каиль. Так было, есть и будет. А ты... привыкнешь.

«Уже!» — мрачно подумала я.

И князь это услышал.

Внимательный взгляд на меня, легкая усмешка в уголках губ и... все вдруг как-то изменилось. Из позы Даркана исчезла усталость и опустошенность, из глаз пугающая пристальная внимательность, и вот спустя миг передо мной просто потрясный парень. Немного наглости, много уверенности, толика галантности, изысканность манер, скрывающая силу изящность движений. И притягательность до такой степени, что я не смогла отвести взгляда и пялилась на Даркана как замороженная.

— Давай поиграем... в любовь, — голосом, от которого по всему телу побежали мурашки, вкрадчивым, немного хриплым, очень проникновенным, произнес князь.

Но я вдруг очень отчетливо поняла — это не игра. Это и есть любовь. Когда на тебя смотрят так, словно вся вселенная сжалась до маленького солнца, и это солнце — ты. И любовь, она похожа на сияние солнца, на бесконечную нежность, и на теплое, тягучее желание стать ближе, ближе и ближе...

— Знаешь, я всегда любил скорость, — произнес Даркан, не отрывая от меня по-настоящему любящего взгляда. — Если бы кто-то спросил меня, что лучше, секс или скорость, я бы ответил — скорость. Фантастическое ощущение полета, силы, уверенности в том, что сумеешь справиться с автомобилем или мотоциклом в любой ситуации и зашкаливающий адреналин, когда действительно справляешься. Я всегда любил скорость, Каиль, фанатично любил... до того мгновения, как в моем автомобиле появилась ты. Ты, возможно, не помнишь, но с тобой я тащился на двадцати километрах в час, и мне хотелось ехать еще медленнее.

Почему-то я судорожно сглотнула.

— Меня не покидало ощущение, — продолжил князь, не сводя с меня полного нежности взгляда, — что едва ты выйдешь из машины — я тебя потеряю. Знаешь, я ведь впервые в жизни испытывал страх. Станный, совершенно иррациональный, ничем не объяснимый страх тебя потерять. Это ведь глупо, ты не находишь?

Я не находила. Я все так же в полнейшем оцепенении смотрела на князя, и видела что-то жуткое... любовь, превращающуюся в одержимость.

— Одержимость... — задумчиво повторил Даркан, — да, в этом что-то есть. Забавно, но сейчас, глядя на тебя, я не могу понять, как мог жить, как мог дышать без тебя. Забавно, но немного пугающе. Мне кажется, что я и не жил вовсе. Все было как в тумане, часы, дни, месяцы, года — сумеречные, бесцветные, беспросветные. И вдруг мир обрушился на меня красками, звуками, запахами... Я словно проснулся. Выплыл из какого-то беспросветного кошмара, и начал дышать... тобой, Каиль.

У меня похолодели руки, и по спине тоже прошелся холодок... Стало не по себе. Захотелось встать, выйти и забыть все, что я услышала.

— Нет, — очень спокойно произнес князь, — ты не встанешь, не уйдешь и не забудешь. Но есть момент, который тебе придется мне объяснить. Почему я до сих пор ощущаю страх? Почему не покидает ощущение, что я потерял тебя в тот миг, когда ты вышла из моего автомобиля? Ты моя. Ты принадлежишь мне. Мои сила и положение не оставляют тебе никакого выбора — ты не сможешь уйти и никто не сможет тебя у меня отнять. Но почему-то страх никуда не уходит, он только растет. Я боюсь потерять тебя даже сейчас. Почему, Каиль?

Напряженно глядя на князя, я вдруг высказал:

— Это ваше «поиграем в любовь», как-то больше похоже на допрос.

Даркан улыбнулся.

Потрясающе красивый парень, от одной улыбки которого сердце замирало, вызывал во мне неловкость. Неловкость от ситуации, от слов, от положения, в котором я оказалась. Если отбросить все подробности моего брака, то, вот если совсем честно, мне здесь не место. Я обычная девушка, меня вполне устраивает вечер с пиццей перед телевизором, а не изысканный ужин с платьем, драгоценности и нереально красивым вампиром. Это все не мое, и не для меня, и...

— Ты себя недооцениваешь, — с нежной чуть снисходительной улыбкой произнес Даркан. — Нереально красивая здесь ты. Нереально нужная — тоже ты. Безумно необходимая — снова ты. Забавно, я всегда презирал мужчин, готовых отказаться от всего ради любви

женщины. Теряющих честь, гордость, положение. Я этого не понимал. Считал слабостью, недостойной настоящего мужчины. Но вчера ночью я поставил под удар себя, свой дом, положение своего дома, только лишь потому, что ты решила поиграть в народного мстителя. И знаешь, что в этом самое чудовищное?

Я не знала. Но мне уже было страшно.

Даркан усмехнулся, и совершенно искренне произнес:

— Самое ужасное в этом то, что я не жалею. Ты была счастлива в этот момент. Ты улыбалась так, как не улыбнулась ни разу со дня нашей свадьбы. Ты почти сияла... А я оказался одержим тобой настолько, что был готов убить всех представителей всех княжеских домов ради одной твоей улыбки. Любовь оказалась страшной штукой, Каиль, я бы даже сказал — чудовищной. Но мне плевать. Я готов вынести все, выдержать любой удар, ввязаться в любую схватку, но я не готов потерять тебя. И все же не могу понять, почему, несмотря на все исходные данные, чувствую, что теряю...

Всем что я сейчас ощущала — был почти безотчетный ужас. А чувства князя... Черт, я как-то вообще не виновата в том, что кого-то там переклинило на мне. В подростковом возрасте я увлеклась солистом одной мальчуковой группы. О, я была влюблена по уши. Я покупала плакаты с его мордой на все свои последние деньги, я слушала альбомы, его голос крутился в моей голове, кажется, даже когда я спала... Но мне как-то вообще даже не приходило в голову выкрасть своего кумира, запереть его где-то в подвале и трындец как любить. Это был мой выбор — любить или не любить, и я свой выбор никому не навязывала, тем более не навязывала насильно. И, в общем мне, конечно, было немного жаль сейчас Даркана, но будем откровенны — кому из нас сейчас хуже? Мне, запертой и скованной по рукам и ногам, вырванной из моей нормальной жизни и притащенной в эту вампирскую психушку с перспективой самой стать психованной вампиркой, или ему, который вдруг взял да и влюбился.

И, в общем, решительно выпрямившись и вскинув подбородок, я четко ответила:

— Любовь — это обоюдное чувство. Его не навязывают. Им не угрожают. И...

Темный взгляд князя стал еще темнее, и вампир тихо произнес:

— Скажи это тому, у кого отнимают кислород, лишая возможности дышать.

Черт, вот это постанова вопроса.

Но дальше все было только хуже.

— Как его звали? — отстраненно и даже несколько безразлично спросил Даркан.

— Кого? — не поняла я.

Легкая усмешка, остро-бритвенная опасность проскользнувшая в серо-черных глазах и уточнение:

— Того, в кого ты была влюблена.

Ааа... Твою мать!

— Я тут подумала, — торопливо проговорила, — идея поиграть в любовь очень даже интересная. Пожалуй, присоединюсь... дорогой.

И усмешка князя стала какой-то горькой, надломленной, что ли. Я себя даже на секунду мразью почувствовала — мне ведь в любви признались, а я... А я никогда не забуду оторванную голову кэпа Маера.

— Забудешь, — холодно произнес Даркан.- Но, — насмешливый взгляд на меня, — мы ведь играем и ты в игре, не так ли? Что ж, постарайся. Ведь на кону теперь стоит жизнь.

Я отвела взгляд, несколько секунд смотрела на свой бокал с алым спиртоисключенным напитком, сдерживая нервную дрожь. Я была в панике, паника вообще нарастала с каждой секундой этого «семейного ужина», а теперь, кажется, заполнила все пространство до краев. Прямо как это фальшивое вино заполняло мой бокал. Надо было выкручиваться! Срочно! И понимая, что играть сейчас придется на грани, я представила себе что... напилась. Вдрызг. И, в общем, я представила себе, что я пьяная. И тупая. Идеальное сочетание, особенно когда собираешься раскрыть заговор, и при этом еще играешь в любовь. Вообще охрененная тема — «Влюбись в меня, если сможешь». А если не сможешь, то каюк всем и вся, кому не посчастливилось. Не посчастливилось многим — я потом была влюблена в одного блогера, и в сержанта в полицейской академии, и еще в парочку парней, но там влюбленность была дня на два-три. И я просто ходила себе никого не трогая, безответная любовь вообще моя тема, ибо у меня ни разу смелости не хватило признаться объекту чувств в этих самых чувствах, а теперь... им всем запросто могут

оторвать голову, только потому что одной больной на всю голову мне довелось испытывать к ним что-то. Да я даже не уверена, что любила — так, просто увлечения. Ну, или восхищение на расстоянии — тоже бывало.

— М-да, — только и произнес князь.

Так только между прочим, он был красивее, умнее, увереннее и сильнее всех, кого я когда-либо любила, но при этом я сильно сомневалась в том, что сумею испытать к нему хоть что-то кроме панического ужаса.

— Мы играем. Ты не забыла? — вернул мои мысли в «здесь и сейчас» Даркан.

Сто пудово уверена, что эту идею ему предложила Грэя. Психотерапевт гребанный. Но я в игре, да, и выбора у меня особо нет. И я похлопала ресничками, сексуально улыбнулась... не уверена, что это было прямо секси, но Даркана не перекосило, мне воды никто не предложил, и в психушку никто не звонит, а значит, работаем дальше, офицер Каиль Меттланд. И я невинно произнесла:

— Князь, а...

— «Любимый», — издевательски поправил меня Даркан.

Тварь, да чтоб ты сдох! И я тебя может тогда даже полюблю, посмертно.

Но выдавив улыбку, я мило продолжила:

— Любимый, а где... твой личный секретарь?

Даркан отреагировал приподнятой левой бровью, затем одно едва заметное движение рукой и дверь открылась, впуская остальных участников «спектакля». Вампиры вломились к нам беззвучно и почти незаметно — как тени. И рассредоточились тоже как тени — их вообще не было видно.

Еще одно движение и из сумрака, а в этом зале освещался только наш стол, вышли оба секретаря разом — личный с залысиной, который уже был знаком мне, и второй, который деловой или как его там. Тэранс замыкал шествие.

Что ж, кто-то хотел игры? Сейчас сыграем. По моим правилам.

Итак, передо мной имелось трое подозреваемых — два секретаря и тысячник. И всего одна попытка, чтобы раскрутить их на эмоции. Точнее не их — мне нужен был один. И вот этого одного нужно было раскручивать.

— Ближе подойдите, — цепко оглядывая каждого, приказала княгиня Даркан.

Я хорошо натренировалась за ночь, и повелительно-приказной тон вышел что надо — они подошли. Оба секретаря и остановившийся на середине пути Тэранс. Тысячник нервно оглянулся на князя, но Даркан не отреагировал, с мрачной настороженностью ожидая моих дальнейших действий. Что-то заподозрил? Ну, не зря.

Я внимательно посмотрела на каждого из секретарей и четко произнесла:

— «Твой шанс».

Честно говоря, ожидала, что как-то отреагирует лысик с папкой, но... но... внезапная бледность до трупной синевы накрыла второго секретаря, и тот час же в него практически вонзил взгляд князь Даркан.

Однако меня бледность второго секретаря как-то не убедила. И даже его падение на колени перед князем. И даже задрожавшие руки. И...

— Нет, это как-то слишком просто, — я откинулась на спинку стула, сложила руки на груди, и посмотрела на князя.

Даркан, ощутив мой взгляд, повернулся ко мне и вот тогда:

— Это точно не он, — не то чтобы я была точно в этом уверена, но — как-то слишком очевидно все было, как-то... фальшиво, что ли.

И я обратилась ко второму тысячнику:

— Тэранс, вы не могли бы передать мне телефон первого секретаря?

Тысячник посмотрел на хозяина, получил утвердительный кивок от князя, быстро и профессионально обшманил карманы вампира, и вскоре подал мне белый телефон. Гаджет был мгнофункциональным, с забитым расписанием, записной книжкой, информацией и... среди всего этого было бы сложно разобраться, но я вбила номер Ивгены Женьер, и в удаленных сообщениях нашла то самое: «Передай леди М. «Автомобиль черный, тонированный, старый, полустертые номера».

Нашла и стерла. Уже окончательно. И вместе с тем — никаких иных сообщений не было. На телефоне Ивгены Женьер сам номер не определялся, там было только это поднадоевшее «Твой шанс», зато номер почившей уже вампишки был более чем определен, и на него с

этого конкретного телефона отправили всего одно сообщение... Вопрос, с какого тогда поступали все иные?

Я посидела, нервно постукивая покрашенными, причем виртуозно покрашенными, Греей ноготками — в любом салоне красоты ее бы с руками оторвали, уникальная девушк... вампирша в смысле, и посмотрела на князя.

— Вердикт? — спросил он.

— Подставили, — ответила ему.

— Уверена?

— Процентом на девяносто.

Первый секретарь повернулся и посмотрел на меня. В его взгляде было многое — удивление, потрясение, благодарность, и страх. Страх, потому что рядом с князем страшно было всем.

— Я слушаю, — произнес Даркан, и вопрос был обращен не ко мне.

Вампир средних лет с темными, короткими волосами, не поднимая головы, судорожно сообщил:

— Запись была обнаружена мной после всего... после... вашего скоропаления... в смысле очень продуманного и, безусловно, более чем обоснованного заключения брачного союза и...

Оговорочка была в тему. Более чем в тему, и она сама по себе несла достаточное количество информации — то есть первый секретарь все еще считал меня сладкой, или чего там у них, что-то вроде избранной, не важно. В любом случае, он был уверен, что я что-то значу, а те кто пытался меня убить, уже были осведомлены о том, что я пустышка. И лично я снова посмотрела на личного секретаря.

Неприметный полулысик стоял с безучастным выражением лица. Как любой простой человек я бы сказала — не виновен, а как полицейский со стажем могла уверенно сказать «вот он наш предатель».

В этот момент открылась дверь, без стука, и меня мгновенно окутало аурой спокойствия — о том, что вошел Навьен, я знала, даже не оборачиваясь. И я отслеживала каждый из его практически неслышных шагов, с трудом подавив желание обернуться, едва он подошел ко мне, и вовсе постаралась выкинуть любые мысли из головы, когда тысячник поставил передо мной стакан с ягодным смузи и трубочкой.

— Я, полагаю, княгине требуется некоторое время, чтобы привыкнуть к новому... прикусу, — произнес он, объясняя и свое появление и свою заботу.

— Спасибо, — выдохнула я.

И подавилась фразой, едва заметила взгляд князя на себе.

Черт, а что вы знаете о рентгене?! Кажется, я теперь знала о нем все.

— Оставьте нас, — вдруг приказал Даркан.- Тэранс, личного секретаря под стражу.

Полулысый вампир было вскинулся, но на него никто и не смотрел – все снова беззвучно покидали столовую, и уходили из нее вампиры, а вползали, казалось тени, жутким сумраком жуткого предзнаменования.

Я с трудом подавила желание попросить Навьена, чтобы он остался — но просить не пришлось, тысячник стоял по правую руку от меня, и даже не сдвинулся с места.

А Даркан продолжал смотреть на меня. Пристально, изучающе... паршиво.

И так ровно до той секунды как захлопнулись двери, как задернулись шторы, как нас троих отрезало от всего мира. И мне хотелось заорать от надвигающейся паники, но рядом молча стоял Навьен и я... я тоже заставила себя сидеть, не дергаясь.

— И-так... — медленно произнес князь.

Меня начало трясти. Просто трясти. Жуткая мысль «Он все знает! Он все знает!» пульсировала в висках, сердце колотилось безумно, пальцы стали ледяными, ладони дрожали.

«Он все знает»! Он...

А потом вдруг в голову пришла совершенно другая мысль: «А что конкретно он знает?». Конкретно — что?

Неизвестность напрягала. Неизвестность вдруг начала напрягать куда сильнее, чем страх. Неизвестность требовала действий, слов. Неизвестность давила. Неизвестность...

Неизвестность ли?

Мой взгляд перестал метаться по мрачнейшей столовой, и я посмотрела прямо на князя.

— И-так что? — спросила практически враждебно.

Нет, правда, что?!

— Итак — вас подставили, — продолжила я. — Итак — у вас тут крыса завелась! Итак — сегодня меня пытались убить, причем кто-то близкий к вам! Итак — Малисент пытались устранить, подставив движение сопротивления! Какое еще «итак» вас интересует?!

Даркан усмехнулся и произнес:

— «Итак, у меня интрижка с Навьеном»?!

Что?

Сердце рухнуло куда-то в пропасть, но я все равно смогла выговорить:

— Ого...

Сглотнула, отпила из стакана, и, чувствуя, как задыхаюсь, и начав играть на грани фола, потрясенно спросила:

— И... давно... вы двое вместе?..

Я спросила, я выговорила это с трудом, но мысли... Вот передо мной князь вполне половозрелой наружности, и у него, судя по словам Навьена, никогда не было жен, а когда жена потребовалась... Жену для Даркана выбирал Навьен! Самому князю это даже не было интересно... И князь, как не раз говорил тысячник, ему очень дорог, и... И что если личный секретарь знал об этой особенности их «отношений», и сделал все возможное, чтобы подсунуть князю Ивгену Женьер, которая, даже догадавшись, смолчала бы, ради сохранения своего статуса? И тогда, получается, личный секретарь просто заботился о господине? И... как же это...

— Ты!!! — прошипел, поднимаясь, князь.

Из него тут же вылезла дымчатая субстанция, окинула меня внимательным взглядом, и задумчиво произнесла:

— А что, неплохая теория. Хм, странно, что я сразу не догадался.

— Испарись! — прорычал Даркан.

Субстанция испарилась, на прощание подмигнув мне.

А разъяренный князь молниеносно покинул столовую, хлопнув дверью.

И вот после этого, я взяла бокал со смузи, потянула действительно ягодное содержимое, и да — хорошо, что Навьен о трубочке подумал, ибо есть с этими клыками действительно было бы малоудобно.

— Каиль, ты что сейчас провернула? — прошипел вампир.

Блин, я бы сказала, но ты же меня потом сам прибьешь!

Продолжаю безмятежно пить смузи.

— Что за теория? — Навьен наклонился, упираясь рукой в стол.
— О чем ты думала?!

Пожав плечами, улыбнулась, всеми наращенными клыками, и милостиво призналась:

— Тебе лучше не знать.

На самом деле можно было ответить: «Я никогда не рискну тебе об этом рассказать», но к чему слова, если я и так не рискну. Реально не рискну. Зато стало ясно, что князь молод. Действительно молод — думать о том, что скажет кто-либо, и психовать по данному поводу, свойственно только молодым.

— Сколько Даркану? — спросила, сделав очередной глоток.

Навьен, все так же согнувшийся, и глядевший на меня упираясь сильными ладонями о стол, ответил:

— В вашем летоисчислении, или в нашем?

А что, они разные?

— Давай оба.

Тысячник всмотрелся в мои глаза и хрипло ответил:

— Не надо с ним играть.

— Почему сразу «не надо»?

— Если я скажу «не смей» прозвучит лучше? — с яростью спросил Навьен.

И холодно добавил:

— Это князь, Каиль. Не играй с ним.

Я посмотрела в темные глаза вампира, и тихо спросила:

— А что мне еще остается, Навьен?

Вопрос по существу.

Мы разорвали зрительный контакт одновременно, я, опустив взгляд, он отвернувшись. Несколько секунд тишины, в которой одной минорной нотой звучала безысходность. Исключительно безысходность.

Я могла трепыхаться и играть из последних сил, но итог мне был известен — не сегодня, так завтра князь узнает, что я не вампир, что мне удалось остановить оборот, пусть и ценой того, что я чуть не сварилась в горячей воде, и что Навьен не только не выполнил приказ, но и помог мне с клыками. В общем конец и мне и тысячнику, я это отлично понимала, но... но...

— Навьен, — позвала, не знаю зачем.

Он тоже понимал, что смысла во всем этом нет, просто никакого смысла, не знаю, зачем позвала, но стало как-то стыдно и неловко от собственного порыва, как-то не по себе, словно попросила о помощи, и ощущение, будто упала в своих собственных глазах. Ведь попросила, практически попросила, причем отчетливо понимая — это ничуть не поможет мне, лишь подставит под удар его. Хотя итак под ударом оба...

«Мама, смотри, звезды падают»

«Они не падают, они умирают»...

Что ж, теперь я вполне могла сказать:

«Мама, смотри, я умираю...»

В этот момент на телефон тысячника пришло сообщение. Он активировал гаджет, прочел сообщение и показал его мне.

Там значилось только одно: «Я понял», и имя «лорд Сторс» в отправителях.

Почему-то улыбнулась. Не знаю, надолго ли он понял, но очень хотелось верить, что до него дошло. В хорошее всегда хочется верить.

Но хорошее закончилось, едва особняк князя Даркан потряс чей-то крик, переходящий в вой.

Я застыла, потрясенно глядя на Навьена — крик реально пробирал до костей, но тысячник лишь равнодушно повел плечом, разминая шею, и пояснил:

— Шестое оживление вещь не безболезненная.

— В смысле шестое оживление? — не поняла я.

Навьен постоял, глядя на меня, странно улыбнулся и ответил:

— Как ты думаешь, почему вампиры, при всем их свободолюбии, терпят абсолютное владычество князей?

Ну, причин могло быть множество, например те же князья сильнее.

Однако...

— Князья обладают способностью оживлять убитых вампиров, — не дождавшись предположений от меня, сообщил Навьен. — Причем не только ритуально убитых, а всех.

Я посидела, вспоминая местный морг, головы, хранящиеся отдельно от тел, все что удалось узнать, и переспросила:

— Только князья? Никто больше, одни князья, да?

Навьен снисходительно улыбнулся, для него это было само собой разумеющимся.

Это мне вся полученная информация рвала сознание на мелкие тряпочки, а ему норм, для него это проза жизни, нечто естественное, понятное и давно осознанное. А для меня — нет! Потому что одно дело просто услышать, и совсем другое — реально осознать.

— Так, — я всосала остатки смузи с тем жутким звуком, который издает пластиковая соломинка когда в стакане заканчивается жидкость, откинулась на спинку стула и подвела итог: — Князя обладают силой, властью, и способностью оживлять, так?

— Ты уже знаешь ответ, — ровно ответил Навьен.

— Знать то я знала, а вот осознание нахлынуло только сейчас, — я посидела, ощущая накатывающую истерику.

Почему истерику? Так у меня вся ночь впереди! С князем! Будем играть в любовь. О том, в какой момент все перейдет от игры в занятие любовью думать не хотелось совершенно. Хотелось орать и в панике бегать, причем желательно не по потолку, а подальше от этого замка. И я была готова бежать даже в туфлях на каблуках по непролазному лесу. Я на все была готова, кроме... ночи с Дарканом.

— Давай сбежим? — едва слышно попросила я.

Навьен посмотрел на меня с такой болью во взгляде, что мне опять стало стыдно. Стыдно просить о помощи у того, кто и хотел бы, но абсолютно не в силах помочь.

И в этот момент к нему на телефон пришло сообщение. Звук резкий, словно в отдалении сквозь грохот надвигающейся бури, прорвался вой сирены. Тысячник достал телефон, посмотрел на экран, помрачнел, перевел взгляд на меня.

— И? — я и так нервничала, а тут еще он молчит.

Навьен повернул экран ко мне позволяя воззриться на что-то нечитаемое. И не понять, то ли рунная вязь, то ли иероглифы.

— А, ты же мелкая! — вспомнил «вдруг» этот тысячеклетный тролль вампирской наружности.

И под моим мрачным взглядом, снизошел до перевода:

— Сообщение от доктора Савадж.

Я вспомнила блондинку в морге. Кивнула с умным видом и спросила:

— Как она?

Пришел звук второго сообщения.

— Она? — читая второе сообщение, задумчиво произнес Навьен.-
Она нормально.

Посмотрел на меня и произнес:

— Ивгену Женьер забрали.

Я как-то даже не сразу поняла, о чем он. Ивгена была мертва. Ее казнили еще в обувном бутике, ей же принадлежащем, и, насколько я понимаю, родственников у нее не было, так что тело...

— О, черт! — я вспомнила, что наличие тела, еще не гарантирует собственно наличие смерти. — Кто? — с замиранием сердца спросила у Навьена.

Тот ответил явно нехотя:

— Княгиня Мортем.

У меня не было слов. Не было эмоций, не было ничего... кроме пары-десятков тысяч вопросов.

— Княгиня Мортем?.. — начала было я.

— Да, способна оживлять, как и все рожденные князьями, — голос Навьена был отражением моих собственных эмоций и чувства абсолютной безнадёги.

Черт!!!

— Мы можем?.. — начала было я.

— Сунуться в замок семьи Мортем? Нет. Князь Мортем и его сыновья слишком... чувствительны. И если князь Даркан тягу к тебе воспринимает естественным продолжением уже неоспоримо имеющихся чувств, то... — Навьен посмотрел на меня.

Он больше ничего не сказал, но оно и не требовалось.

В принципе как бы не требовалось, но:

— Мы же не можем это так оставить? — нервно проговорила я.

— Мы — можем, я — нет, — спокойно ответил тысячник. — Я разберусь с ней сам.

То есть он пойдет себе геройствовать, вести расследование, мотаться по городу, жить в конце концов, а мне тут... заниматься сексом с Дарканом? Так получается?

Посидела, нервно кусая губы, и высказала:

— Ты не можешь так поступить со мной, Навьен.

Шаг ко мне, тысячник наклонился, посмотрел мне в глаза и тихо выдохнул:

— Я не могу поступить с тобой иначе, Каиль. Ты — его женщина. Ты его жена. И он тебя искренне любит, к моему бесконечному сожалению. Я сделал все, что мог. Я пытался. Я убрал доктора и зачистил следы. Я... Ты слышала слова князя.

Подавив судорожный вздох, тихо переспросила:

— Это те слова, среди которых было: «Каиль вполне устраивает меня и такой, какая она есть»?

Тысячник молча кивнул.

Что ж, эти я слышала.

— Это после твоей фразы: «Обычная девка, таких миллиарды. Я уберу ее быстро, найду максимально похожую вампиршу, пара операций и никто никогда не заметит подмену, а у вас будет достойная княгиня без вывертов и склонности к диверсиям»? — поинтересовалась у Навьена.

— Хороший слух, — весьма цинично похвалил он.

Да, слух у меня, к сожалению, хороший.

— Это был наш единственный шанс? — спросила едва слышно.

И Навьен устало произнес:

— Да.

Помолчал и добавил:

— Прости.

Когда он выпрямился — я все еще смотрела на него. Когда развернулся, и вышел — я смотрела в пространство, где еще секунду назад стоял он, и чувствовала как глаза жгут слезы. Когда за ним захлопнулась дверь, две соленые капли сорвались с ресниц.

Дверь открылась снова, вошла моя новая горничная, которую я абсолютно точно верну Малисент, как только придумаю иной вариант увольнения Грей, в смысле тот вариант, в котором Даркан не отрывает ей голову, я...

— Княгиня, — Грэй неожиданно подошла очень близко, наклонилась к моему уху, и прошептала, — князь приказал покинуть столовую и спуститься вниз. Приказ немедленно надлежит исполнить.

Очень хотелось сказать нет, ответить как-нибудь грубо, хотя бы просто заорать, но... я внимательно посмотрела на горничную. Взгляд вампирши выражал что-то такое, чего явно не могла выразить речь, и... она переживала за меня. У меня как-то вдруг сложилось такое

ощущение, что Малисент в своем доме всех заразила этой несвойственной вампирам добротой.

— Игрой «в любовь» ты князя надоумила? — мрачно поинтересовалась.

— И не только, — с энтузиазмом и сияющей клыкастой улыбкой подтвердила она. — Я предложила двенадцать действительно работающих методик.

Да чтоб тебя!

И я собиралась высказаться по поводу всей ее психотерапии, но Грэй вдруг перестала улыбаться, и напряженно произнесла:

— Княгиня, я ощущаю опасность. Поднимайтесь очень тихо. Идите туда.

И Грэй указала на стену. Там действительно стена была. И темно-зеленые в черные тrefы обои, и серебряная окантовка, и... там оказалась дверь. Я это поняла, едва Грэй ее открыла, а так ни за что бы не догадалась. И еще одна маленькая деталь, которую я несколько упустила из виду — вампирша забрала со стола и мой стакан с соломинкой, и салфетку, которая лежала передо мной.

Случившееся далее меня потрясло!

Грэй практически втокнула меня в темный проход, для женщины ее расы это труда не составляло вовсе, и она же, захлопнув дверь, и погрузив все пространство в темноту, придержала меня, оберегая от удара о противоположную стену.

И почти сразу в доме что-то взорвалось.

Не то чтобы взрыв оказался критическим для здания, но окна в столовой определенно были выбиты, и следом послышался хруст битого стекла, по которому ходили... самоубийцы.

В смысле — наемные убийцы, просто тупые очень, потому как не понимать, чем для них закончится этот «заказ», могли только полные идиоты.

У них была секунда, может две. После быстрое голосовое сообщение кому-то по телефону: «Нет, она не особенная». И три взрыва. Тупо три взрыва.

Когда Грэй отпустила меня и я ринулась к узкой щели дверцы, все что я увидела — трех полыхающих негасимым огнем вампиров, которые рухнули сначала на колени, затем повалились на пол ничком. Их взорвали. Причем несложно было догадаться кто — заказчики

нападения, потому как сгоревших вампиров допросить нельзя, вот их и сожгли. Ну и от столовой князя Даркана нихрена не осталось. Вообще нихрена — наверху под потолком плавилась металлическая люстра, хрусталя на ней не осталось.

А потом я увидела стоящего в проеме выбитых взрывом дверей ведущих в холл абсолютно белого как полотно Навьена. Он выглядел страшно — никогда не видела такого ужаса в чьих-то глазах. Я видала разные степени отчаяния и горя, когда работаешь в полиции увидишь и не такое, но то, что сейчас выражал взгляд тысячника... казалось весь его мир только что рухнул.

Просто рухнул.

Превратился в ничто.

Исчез, оставляя пустоту и отчаяние. Если бы вампир мог бы сдохнуть вот так, без нанесения тяжких телесных, то Навьен сейчас подышал.

Единственное, что держало его на этом свете — взгляд, судорожно мечущийся по столовой в поисках меня... того, что от меня осталось, хотя бы чего-то, что было бы мной.

— Ты странно себя ведешь, — раздался вдруг флегматично насмешливый голос князя.

Тысячник даже не вздрогнул, лишь глухо спросил:

— Где Каиль?

— «Каиль»? — вопрос-насмешка, за которой скрывалась уже практически явная угроза.

И Навьен понял, как сильно попал.

Опустил голову, рухнул на одно колено, и произнес:

— Не Каиль — Княгиня. Я прошу прощения, за ффривольность в отношении вашей супруги, князь.

Он почти стал нормальным, в том понимании нормы, которая была типична для тысячелетних вампиров, но хватило его менее чем на секунду, и Навьен глухо спросил:

— Где княгиня?

Вопрос, в котором ничем не завуалированная звучит мольба на грани унижения.

И я как-то скорее интуитивно поняла, что сейчас Навьен именно просит, и именно униженно. Я лишь не могла понять смысла его

поведения. Он же выдавал себя с головой! Он же рисковал сейчас этой самой головой. Он...

— Ты солгал мне, — очень тихо произнес князь.

Тихо, но от озноба, пробежавшегося по спине, содрогнулась даже Грзя.

И это не было вопросом – Даркан просто знал. Он все уже знал!

И Навьен был слишком умен, чтобы не понять этого.

Но вместо того, чтобы сейчас просто заткнуться, или выкрутиться, этот тысячелетний идиот, хрипло сказал:

— Да.

И у меня остановилось сердце.

— Ты возжелал недопустимого, Навьен, — продолжил князь, произнося каждое из слов с железобетонной уверенностью.

Я вспомнила слова тысячника «Не надо с ним играть» и поняла, что Навьен был прав — с Дарканом играть определенно не стоило. Это как дразнить тигра, причем не в зоопарке, а прямо в саванне, не имея с собой даже револьвера или ножа. Хотя хрен с тигром поможет и первое и второе. Но хоть попытаться же стоило! Пусть безнадежно, пусть без шансов, пусть даже зная заранее, что все обречено на провал, но покорно ждать расправы тоже не выход.

Я рванулась к двери, даже не осознавая этого, и всхлипнула, когда Грзя удержала, сильно, жестко, накрыв мои губы ладонью, чтобы ни одно судорожное рыдание не прорвалось. Я дернулась, даже зная, что мне нечего противопоставить вампирше в плане силы, и замерла, услышав тихий голос горничной:

— Если князь увидит ваши чувства, лорд Навьен будет сожжен. На ваших глазах. Возьмите себя в руки, княгиня, у вас нет ни шанса спасти его от наказания, но есть шанс уберечь от гибели.

Я дернулась, пытаюсь вырваться и Грзя жестко добавила:

— Отрывание головы – еще не смерть. Не усугубляйте, княгиня. Навьен всегда был предан дому Даркан, князь, несомненно, примет это во внимание. Но если он поймет что и вы равнодушны к тысячнику, от Навьена останется лишь пепел. Возьмите себя в руки.

Когда она уводила меня прочь по темным переходам, мое сердце билось там, в разгромленной столовой. Мое дыхание осталось там, в разгромленной столовой. Все мои мысли тоже оставались там...

Со мной были лишь слезы.

Только слезы.

Это было страшно. Страшно лежать на постели, где-то в глубине даже не дома — подземелья, и прислушиваться к каждому звуку, каждому шороху, каждому отголоску... которых не было.

Все что имелось в наличие — тишина. Абсолютная, давящая осознанием своей слабости, безнадёги и сжирающим душу страхом, причем даже не за себя. Мне не стоило слушаться Грэю. Нужно было вмешаться, остановить Навьена с его треклятым приступом откровенности, или хотя бы дать понять, что я жива, что со мной все в порядке, что я... я тут, я рядом, я даже буду с князем, если хочешь, только не надо из-за меня умирать...

— Княгиня, я приготовила для вас ванну, — Грэя стояла рядом с моей кроватью уже даже не знаю сколько.

Я почти ненавидела ее, когда она эту ванну набирала и шум воды мог заглушить... даже не знаю что, что-нибудь, какой-нибудь из звуков, слов, обрывков крика... Я ненавидела ее, когда она притащила меня в эту нижнюю мою комнату, которую превратили в полностью идентичную комнате верхней, все с той же подсветкой по контуру пола. Я ненавидела каждое ее слово, потому что оно могло заглушить последний крик того, кого я... за кого я так боялась.

— Княгиня, так нельзя, — Грэя присела перед кроватью, заглянув в мое мокрое от слез лицо, — князь — это теперь ваша судьба, ваша жизнь, ваше всё.

Мне было мерзко от собственной слабости, от того, что лежу здесь, беззвучно глотая слезы, но сил сказать правду, хватало:

— Я ненавижу его, Грэя.

Вампирша устало вздохнула, покачала головой, как-то разом и с сочувствием и с неодобрением, и тихо произнесла:

— Как бы пламенно вы его не ненавидели, вам придется его полюбить, княгиня.

Любить? Князя? Seriously? Да я скорее сама себе горло перегрызу!

— Однажды, — Грэя поднялась с пола, и присев на край моей постели, взяла меня за руку, — леди Малисент спросила меня — каково это, быть княгиней?

Она грустно улыбнулась мне, и продолжила:

— Что я могла ей ответить? Ей, которую растили, изолировав от темной стороны этого мира. Разве можно рассказать девочке с нежным и ранимым сердцем, воспитанной с верой в справедливость, о том, что такое семейная жизнь?.. Я не смогла.

Грэя вновь улыбнулась. В этой улыбке было уже больше, чем грусть — боль, горечь сожалений, ощущение безвозвратной утраты.

— Вы будете ненавидеть его, княгиня, вы будете его пламенно ненавидеть, сгорая в этом пламени, но пройдет время, и вы найдете спасение в его объятиях, в его глазах, в его любви. Вы будете засыпать, глотая слезы, и молясь, чтобы сердце перестало болеть, а просыпаться — с надеждой, что новый день принесет только хорошее. Вы будете преданы, не раз и не два, вы будете сгорать заживо от ревности и боли, но прекрасным фениксом восставать из пепла, едва князь вновь переступит порог вашей спальни. Это семейная жизнь, княгиня. Она не простая и для людей, но очень сложна для вампиров, а вам предстоит строить семью с князем вампиров, и сложнее этого едва ли сыщется хоть что-то. Вы девочка, княгиня, девочка с ранимым и отважным сердцем, девочка которая, как и все девочки, живет скорее эмоциями, чем разумом, вам будет сложно, больно, трудно. Но после, когда появятся дети, вы станете жить и дышать ими, радоваться их достижениям даже больше них самих, ощущать их счастье как свое собственное, разделять их боль с ними и глядя на них понимать, что все это было не зря — слезы по ночам, ощущение полной безнадежности, боль, горечь... Это все уйдет, княгиня, и наступит день, когда вы поймете, что все это не имеет значения, ничего не имеет значения кроме вашей семьи и детей.

Млать!

— Грэя, — я села на постели и вытерла слезы, — слушай, не в обиду тебе будет сказано, но психотерапия явно не твое. Вообще не твое. Даже не берись за это.

Посидела, в шоке глядя на удивленную вампиршу, и добавила:

— Слава небесам ты все это хоть Малисент не рассказывала. Не рассказывала ведь?

— Нннет, — несколько запнулась она.

— Ну, хоть что-то хорошее, — обозначила я то самое «хоть что-то хорошее» во всей этой ситуации.

Потому что больше ничего хорошего не было.

— Что будет с Навьеном? — у меня душа содрогнулась от боли, когда я задавала этот жуткий вопрос.

Грэя посмотрела мне в глаза и тихо ответила:

— Навьен возжелал недопустимого. Он будет наказан.

Я же уже знала ответ. Знала, еще до того, как задала вопрос, и все же:

— Каким будет наказание?

И получила чудовищный ответ:

— Смерть.

— Но ты ведь сказала, что если я уйду с тобой, князь его не... не...

Я поняла, что вою раненной волчицей, только когда Грэя заботливо предоставила мне подушку, в которую я могла повить.

И едва мой вой затих, она размеренно продолжила:

— Простите, это была неверная формулировка. Смерть произойдет не в самом фатальном смысле данного слова. Княгиня, это будет его первая смерть. Это больно, но не фатально. Если вы хотите, чтобы Навьен был помилован и оживлен, вам придется скрыть свои чувства от князя. Потому что чувства у вас, к сожалению, есть. Их необходимо уничтожить. Другого пути нет. И постарайтесь выть потише, вас могут услышать.

Это подействовало — выть я перестала. И слезы вытерла. И села на постели.

В голове созрел очень четкий и простой план — изображать любовь к Даркану и этим спасти Навьена. Это был шикарный план. Надежный, мать его, как швейцарские часы.

А в целом в голове не укладывалось, что Навьена убьют. Сильного, матерого, опытного — убьют только потому, что он немного разумом помутился, решив, что меня больше нет. Это нечестно! Это несправедливо! Так же нельзя...

— Почему... Почему? Почему?! — я рухнула, захлебываясь беззвучными рыданиями.

За что?

Он ведь всего лишь хотел найти тех, кто копал под дом Даркан. А потом... ну поцеловал случайно, но в целом пытался помочь... Он просто хотел мне помочь... А теперь его убивают. Его убивают...

— Княгиня, это не ваша вина, — с абсолютной убежденностью произнесла Грэя. — Несомненно, у вас много общего с тысячником, даже сходные профессиональные интересы и навыки, но вы никогда бы не предали князя!

— «Не предала князя»?! — потрясенно переспросила я. — Грэя, а как можно предать того, кому никогда не был предан от слова совсем? Я не выходила замуж за князя, Грэя! Я не давала согласия на этот брак! Я не принадлежу ему!

Полный искреннего сочувствия взгляд, и выворачивающая всю мою логику фраза:

— Вы — принадлежите. Вы княгиня и принадлежите своему князю. Это факт. Примите его как данность.

Как данность?

— Меня украли, Грэя! — прошипела я, зло вытирая слезы. — Как вещь. А я не вещь и есть вещи, которые я никогда не приму. Например, обязательства перед вашим князем. Или секс с вампи... с ним же.

Я оборвала себя на полуслове, потому что вдруг поняла — с одним конкретным вампиром я бы на секс согласилась. Но этим одним вампиром был вовсе не князь Даркан.

— Княгиня, — очень мягко произнесла Грэя, — никто не ждет от вас энтузиазма по поводу исполнения супружеского долга. Князь... не обычный вампир, он особенный и вы, несомненно, испытаете боль, а сейчас испытываете вполне объяснимый страх, и это нормально.

Мрачно воззрившись на горничную, я лишь поинтересовалась:

— Ты осознаешь, что сейчас говоришь?

Грэя осознавала.

Более того, у нее даже было обоснование для всего этого бреда:

— Роды — процесс болезненный, но радость материнства затмевает все страхи. В вашем случае будут болезненны как процесс зачатия так и роды, но радость материнства излечит все. В конечном итоге вы будете счастливы!

Охренеть, да.

С кровати я слезала на четвереньках, просто с моей стороны сидела Грэя, а старую одноместную кровать заменили двуспальным

интимодромом, так что ползти пришлось изрядно. И только встав на пол, я осознала, что все еще в туфлях. Сняла нахрен!

Постояла, кусая губы имеющимися клыками и судорожно размышляя над извечным «Чего делать?!».

Нет, вообще в целом мне до вот этого вот откровения Грэи было жалко только Навьена, но теперь я четко осознала – есть штуки похлеще смерти. К примеру — такая вот семейная жизнь! И да, у меня появились вопросы:

— И вы что, зная все это, собирались отдать Малисент замуж за Даркана?!

— Княгиня... — Грэя плавно поднялась.

— Нахер! – сорвалась я даже не на крик — на вопль. – Слушайте, я на все вот это не подписывалась. Брак был заключен без моего согласия, князя я вообще не выбирала, соответственно – я отказываюсь быть княгиней. Вообще. Напрочь! Навечно! Навсегда! Я вообще никогда не буду вашей княгиней!!!

И тут дверь открылась.

Порыв холодного ветра по спине и пробирающий до костей голос князя:

— Никогда не говори никогда.

Я застыла, не в силах обернуться к вошедшему Даркану... Ужас он просто такой — как захлестнет, так и стоишь соляным столбом.

А вот Грэя, быстро поклонившись, свалила, аккуратно прикрыв дверь за собой. Она меня бросила! Просто бросила на растерзание.

И звук такой был... Ну как если бы ты такой весь связанный с кляпом и в гробу, но живой, и тут этот твой гроб накрыли крышкой.

Но еще не заколотили, нет.

Заколачивать начали секундой позже, когда на имеющийся прозрачный столик возле двери в ванную, полетел пиджак князя. И казалось бы, какая связь между шелестом упавшей ткани и вколачиванием гвоздя в гроб? Да самая прямая!

Потом туда же полетела его рубашка...

Господи, спаси и сохрани... пожалуйста, ну пожалуйста...

— Ты так жалобно просишь, — теплые ладони легли на мои плечи, — сразу появляется желание... пожалеть.

И меня окутало его запахом. Такой странный аромат, который хотелось вдохнуть всей грудью, ощутить привкусом на губах, на языке,

почувствовать кожей... Или не хочется? Я вдруг поняла, что задыхаюсь. Просто задыхаюсь. И уже не от страха, не от жалости, не от ненависти... от желания. Пробуждающегося, яркого, почти ослепляющего сексуального желания.

Что за хрень?!

Что это за хрень?!

Какого хрена тут творится?!

— Я ведь влюбился в тебя, Каиль...

Мои волосы, перекинуты через плечо на грудь. Ощущение губ князя на тонкой коже моей шеи, ужас в сердце, как ледяной порыв ветра, и жар желания внизу живота, начинающий разливаться по телу.

— С первого взгляда. С первой секунды. С первого вдоха. Ты не в мой автомобиль села, Каиль, ты забралась в мое сердце. И я... задохнулся. Тобой. Эмоциями. Ощущениями. Желанием.

Его руки соскользнули на талию, крепко сжимая, обнимая, приковывая меня к Даркану.

Но пугали вовсе не руки — слова ужасали куда сильнее.

— Все чего мне хотелось там, в автомобиле, это схватить тебя, прижать к себе, и не отпускать. А еще я хотел тебя. Я так безумно хотел тебя... Но я влюбился, Каиль. Я влюбился в тебя настолько, что даже прикоснуться боялся.

«Боялся»... в прошедшем времени.

— Я не хотел, чтобы все было... так. — И в его голосе прозвучала настоящая мука, ошеломившая меня настолько, что чувство реальности начало покидать, стремительно и верно. Нереально ведь, чтобы вампир испытывал муки сожалений, просто нереально.

— Не хотел...

Он хрипло простонал, скользя губами по моей шее, и все сильнее прижимая к себе.

— Ты казалась такой светлой, чистой... Ты ведь светишься, Каиль, для меня ты вся светишься. Даже сейчас, когда я все знаю, ты светишься. Чистотой, которой в тебе нет. Невинностью, которой едва ли можно охарактеризовать женщину, что будучи моей женой, страстно изменяла мне с моим же телохранителем... Я ведь берег тебя, Каиль. Боялся дотронуться. Боялся причинить боль. Я даже взять тебя как женщину попытался в полдень, в те недолгие минуты, когда могу

полностью себя контролировать. Я так берег тебя, Каиль... А в это время к тебе прикасался другой.

Господи, что с Навьеном?

Я не спросила этого вслух. Не рискнула бы. Но князю вслух и не требовалось.

Рывок, и развернув меня к себе, он снова сжал — одной рукой обхватив меня за талию, второй удерживая подбородок так, чтобы я по полной программе насладились выражением его бледного от гнева лица. И князь был страшен! Красив, все так же красив, но адски страшен, и в его темно-серых глазах не осталось ничего человеческого. Меня обнимало Зло, чистое зло, в самой страшной своей форме.

Кривая злая усмешка и сказанное так тихо, что я едва ли разобрала слова:

— Я надеялся, что если дам тебе время — ты полюбишь меня. Я старался держаться подальше. Я не хотел, чтобы все было так... Но какого дьявола, Каиль? Почему?! Почему пока я из последних сил сдерживаюсь и свято берегу тебя, кто-то другой позволяет себе прикасаться к твоему телу?!

Еще одна усмешка, скорее жестокая, чем злая, и еще более тихое:

— Каиль, — он стер большим пальцем влажную дорожку слез на моей щеке, — ты была права, я не зверь, я хуже. И я больше не буду ждать. Ждать ведь бессмысленно, не так ли? И я это чувствовал. С самого начала ощущал, что ждать от тебя чувств бессмысленно. Жаль, слишком поздно я это сумел это принять.

Я смотрела на него в ужасе.

В каком-то бесконечно нарастающем ужасе.

Я видела его бледное лицо, на котором решимость отчетливо проступала сквозь муку, я видела его глаза — два озера боли: затаенной, скрытой, скрываемой вероятно даже от самого себя. Я чувствовала, что ему нелегко дались эти слова, каждое из его слов, но я не хотела... просто не хотела знать этого, другого князя Даркана, того настоящего князя Даркана, который скрывался под маской вальяжно-небрежной отстраненности с грацией истинного аристократа, с силой настоящего монстра, с душой... пустой и разбитой.

Это был уже не тот вампир, в чью машину я села так неосмотрительно.

Даркан стал другим.

И я не знала, что его добило сильнее — я, или предательство Навьена. Но что-то сломало.

Сломало настолько, что князь не будет орать, крушить стены, и убивать он не будет тоже.

Убивать в смысле физически, а вот морально... морально он меня убьет. Здесь и сейчас. Потому что первый вариант заполучения меня не сработал. Не сработали украшения, совместные ужины, и попытка «держаться от меня подальше» в надежде, что я сумею полюбить монстра. А я не сумею, не смогу, и он это понял. Понял, но не смирился. Он просто поменял «вариант развития событий».

Сломанный, но не сломленный.

И это было страшно. Страшно осознавать, что у тебя с самого начала был «выбор без выбора». Страшно понимать, что в удерживающем меня вампире уже не осталось даже тени от адекватности и нормальности. Страшно чувствовать, что его слова, каждое из его слов — острая как бритва правда, правда которая раскромсала все, что оставалось в нем светлого, на рванные куски.

Страшно, очень страшно, и в тоже время... Да к чертовой матери, мне плевать!

Мне было плевать на его слова, на его страдания, на его попытки казаться нормальным для меня, на его «старался к тебе не прикасаться». Страдает он? Сожалеет? Влюбился? Его свет сошелся на мне клином, и я влезла в его сердце? Да мне все равно! Я не влезала! Я не просила в меня влюбляться! Я не просила на мне жениться! Я... я вообще не могу назвать изменой и предательством поцелуи с Навьеном, потому что нельзя называть изменой нарушение договоров, которые ты не заключал! А я не заключала!

И именно чувство происходящей несправедливости позволило, несмотря на капкан нечеловечески сильных рук князя, вытолкнуть из себя пусть и слабое, но уверенное:

— Я не изменяла тебе!

Ассоциация с капканом стала явственнее, едва, больно впиваясь в мое тело, проступили стальные мышцы вампира. Не совсем вампира. Монстра, который был способен без труда порвать любого вампира на части... и, к сожалению, в самом прямом, а не метафорическом смысле.

— Ты не изменяла? — переспросил Даркан.

Я смотрела в его багровеющие глаза и меня колотило от страха. Животного ужаса, глубинных инстинктов, вопивших до одури, что передо мной хищник, который сожрет не задумываясь. Но есть вещи похуже смерти — то, о чем не ведали инстинкты вместе с подсознанием, но о чем прекрасно был осведомлен разум.

А потому, под контроль эмоции и осторожно ступаем на лезвие бритвы, по которому предстояло пройти.

— Измены не было, — прошептала я, стараясь если и дрожать, то хоть не так заметно.

И взгляд князя изменился.

Из него ушла боль... Осталось только желание эту боль причинять.

— Измены не-бы-ло? — повторил он мою фразу, вот только так, что по телу холод стылый прошелся. — А что же это в таком случае было, Каиль?

Он отпустил меня в то же мгновение.

Полуобнаженный монстр с ленивой грацией непобедимого хищника, прошел к креслу, доставая на ходу из кармана брюк очки в тонкой золотой оправе. Развернулся, посмотрел на меня так, что если мне и было страшно до этого, то вот сейчас... сейчас стало страшнее. И как-то даже с издевкой надел очки.

А я как-то сразу поняла, что это начало моей казни.

Даркан отгородился. От моих мыслей. От моих просьб, которые, и я почему-то уже даже не сомневаюсь — последуют. От моих чувств. Ему больше не нужны были мои чувства, он пришел мстить за свою боль.

И я смотрела, как он медленно опускается в кресло, молодой мужчина вполне интеллигентного вида, на фоне Навьена — практически хрупкий, как сводит длинные холеные пальцы под подбородком, продолжая пристально смотреть на меня, и как на его губах появляется улыбка... страшная, безжалостная, предвкушающая и убийственная.

— Ты как-то сказала, что я даже не животное, я хуже. И секс со мной для тебя более чем извращение, не так ли?

Внутри все сжалось и заняло, от жуткого, страшного, чудовищного предчувствия.

— Слова имеют свойство ранить, Каиль, — очень тихо произнес князь, — особенно, если это слова твоей женщины. Но у нас, как выяснилось, имеется одна маленькая деталь, которую я несколько не учел — ты не считаешь себя моей женщиной.

В темных глазах за прозрачными стеклами очков, все ярче загораются алые зрачки. Солнце в пустыне лениво сжигает любую жизнь... Почему-то я думаю именно об этом несколько секунд прежде, чем до меня доходит — мой разум уже провел аналогию, и я уже знаю — сейчас вальяжно и безразлично сжигать будут меня. Флегматично. Отрепшенно. Безжалостно.

— Раздевайся, — слово, сказанное почти неслышно.

Его можно было скорее угадать по движению губ, чем услышать...

Но его оказалось невозможно проигнорировать!

Это было сродни теплomu порыву ветра, аромату жасмина и мяты, заполнившему всю спальню, окутавшему меня, околдовывающему. В животе вновь вспыхнуло желание, ноющее, тянущее, расползающееся. А в голове вдруг сделалось так восхитительно-восторженно пусто. Абсолютно пусто. Я словно вдруг оказалась под кайфом, с ощущением полета внутри, с желанием... с каким-то все нарастающим желанием... подчиняться? А с каких пор у меня вообще появилось желание подчиняться?

Но руки, мои руки, заскользили по плечам вниз, к застегкам на платье.

— Нет! — вырвалось криком.

Усмешка на губах Даркана, и вампир откинулся на спинку кресла, демонстративно наслаждаясь представлением. Не хватало лишь музыки, но словно подумав о том же, князь включил тихую мелодию, что-то из классики...

А я больше не могла, даже прошептать то «Нет!» что отчаянием билось в сознании.

Застежка за застежкой, и платье опадает грудой ткани к моим ногам.

— Красивая, — скользя взглядом по моему телу, произносит князь. — Какая же ты красивая... Туфли, Каиль, надень их.

Мне хочется орать. Броситься на этого урода, расцарапать такое прекрасное идеальное надменное лицо. Мне хочется остаться на месте

и прикрыться руками... но я перешагиваю ткань, обхожу кровать, грациозно опускаюсь на край постели, и надеваю туфельку за туфелькой.

— У тебя очень красивые ноги, — тихий голос, сливающийся с тихой мелодией. — Встань и подойди.

Я не хочу. Не хочу вставать. Не хочу делать и шага. Я хочу умереть здесь и сейчас, только бы не чувствовать себя игрушкой, марионеткой в руках хозяина жизни и положения. Но в голове все та же восторженная пустота, каждый шаг дается легко, в каждом движении грация кошки, причем похотливой и жаждущей ласки хозяина.

Я останавливаюсь в шаге от Даркана.

— Распусти волосы.

Следующий приказ, я вынимаю шпильки, на спину и плечи тяжелой волной опадают волосы.

— Ты прекрасна, — цвет глаз вампира меняется, алый зрачок предвкушающе темнеет, во взгляде за тонким стеклом очков с золотой оправой, проступает голод.

— Украшения — сними их. Медленно.

Я понятия не имею, как все это расстегивать, на меня эту драгоценную мишуру цепляла Грэя, но... руки двигаются послушно, пальцы находят застёжки и на пол осыпается кольцо, серьги, следом браслеты, кольца. Взгляд Даркана выразительно указывает на ножной браслет... Мне хотелось его послать. Матом. Грубо.

Еще лучше ударить с ноги, и плевать, что будет дальше, но... Я прогибаюсь как стриптизерша со стажем, опускаюсь в эротичном приседании, и отстегиваю украшение с левой щиколотки. Серебрянный ручеек с сапфировыми вкраплениями утекает словно вода, опадая на пол.

А я слышу:

— Нет, не поднимайся. Мы начнем с этой позы. Расстегни мой ремень.

Я... не пошевелилась.

Взгляд метнулся с лица Даркана, на брюки и то, что отчетливо проступило там, натянув ширинку до предела. Я знала, чего он хотел, вампир и не пытался это скрыть, напротив — он четко дал указания. Вот только князь не знал, что для меня это не просто запрет, это табу,

вбитое на уровне подкорки. Я не против любых видов секса между влюбленными и любящими, но вот так, по принуждению, — для меня это приравнялось к переходу в касту опущенных.

И пальцы сжались на коленях вампира, цепляясь за ткань, сжимаясь в спазме, сопротивляясь до последнего. Я... я не буду этого делать! Не буду!

И Даркан понял, где мое «слабое место». Или знал? Взгляд в черно-серые глаза, жестокая усмешка на губах и я понимаю со всей очевидностью — он знал. Прав был Навьен, говоря «Не играй с ним».

Медленно снял очки, вторую руку протянул, погладил меня по подбородку, заставил запрокинуть голову и посмотреть в его глаза.

— Издержки профессии, да, Каиль?

Тварь, ненавижу!

Усмехнулся.

Большой палец коснулся губ, оттянул нижнюю, с силой проводя по ней, и подавшись ко мне, князь выдохнул:

— А расскажи-ка мне, Каиль, за что на зоне становятся опущенными?

И я похолодела от страшного осознания — за любое неосторожно сказанное слово.

Зона страшное место. Место с извращенными понятиями морали, этики, законов, и с четкой градацией по иерархии. И самое последнее место в этой иерархии занимают опущенные. Попасть в эту касту отверженных легко — любая неосторожность, оскорбление, на которое не ответил, поступок, о последствиях которого не подумал и точка невозврата пройдена. На зоне переход по иерархии возможен в принципе для всех при желании. Для всех, кроме опущенных. Из этой касты не возвращаются.

Внутри все содрогнулось. «Маленькая деталь, которую я несколько выпустил из внимания — ты не считаешь себя моей женщиной»... что ж, жестоко, но верно — после такого, я начну ощущать себя его женщиной. Его подстилкой. Его бесправной собственностью. Волей-неволей начну. И вот уж точно, никогда больше не смогу поцеловать Навьена... я буду чувствовать себя слишком грязной для этого. Оскверненной... Униженной...

Но если уж касаться норм тюремной этики, то...

Я дернула головой, избавляясь от его прикосновений, и высказала, со всей ненавистью:

— Одна маленькая деталь, князь, на зоне за интим с опущенными нужно платить. Ведь если не платишь, значит, секс происходит по любви. А знаешь, у кого бывает любовь с опущенными? С такими же, князь.

Вот и получи, мразь!

Мразь ослепительно улыбнулся, откинулся вновь в кресле, и произнес:

— Каиль-Каиль, я действительно молод, тут твоё предположение оказалось верно. Но в остальном... Это для тебя здесь тюрьма, милая, и ты пытаешься мерить происходящее мерками зоны, а для меня это дом. И разбор полетов с женщиной, которую я взял в свой дом женой. Женой, Каиль. Не подстилкой, не любовницей, не игрушкой. Я взял тебя женой. А ты повела себя как...

И Даркан умолк.

Не надолго.

— Ну что, продолжим? — произнес он.

И насмешливый взгляд на меня, в котором отчетливо читалось — я проиграла. Я более чем проиграла — у меня с самого начала не было шанса на выигрыш, у меня была только возможность умереть... а впрочем, не было даже и ее.

Опустив взгляд, я несколько секунд стояла на коленях, между разведенными коленями вампира, с чудовищным осознанием предстоящих перспектив. И с полным пониманием того, что я... я сломаюсь. На зоне, чтобы выжить, будучи опущенным, нужно иметь определенный тип личности, потому что далеко не каждая личность, сможет пережить полное уничтожение человеческого достоинства.

Я знала, что не смогу.

— Я рад, что ты это понимаешь, — холодно произнес Даркан.

Мои ладони сжались в кулаки, но я заставила себя промолчать.

Князь же продолжил:

— Ты признаешь наш брак, Каиль. Ты признаешь себя МОЕЙ женщиной. И ты больше никогда, даже в самых потаенных мечтах, не посмотришь на другого мужчину. Ты моя. Телом, душой, разумом, сердцем. Только моя.

Наверное, мне стоило согласиться. Наверное, стоило. Только вот...

— А в чем разница? — тихо спросила я, и подняла взгляд на вампира. — В чем тогда будет разница? Где выбор? Ты предлагаешь мне одно из двух — или меня сломаешь ты или себя сломаю я сама, заставив себя покорно лечь в твою постель.

Несколько долгих мгновений, князь молчал, глядя в мои глаза, и только его дыхание, тяжелое напряженное дыхание, выдавало ту ярость, что клочкотала в нем. Мне казалось для этой ярости, причин не было... но я оказалась не права.

— Ты думаешь я не знаю? — вдруг с невероятной злостью спросил Даркан. — Ничего не знаю, Каиль?

Тихий смех, и сказанное с бешенством:

— Гордая полицейская девочка, которая с такой решимостью заявляла, что ненавидит вампиров. Что мы для тебя хуже зверей. Что секс с вампиром для тебя сродни зоофилии... Маленькая лгунья, я видел ВСЕ воспоминания Навьена! И знаешь, — взгляд князя вновь полыхнул багровым отсветом, — целуя его, ты ведь не ощущала себя ни опущенной, ни грязной, ни даже оскверненной. Какая интересная двойственная логика, не правда ли, Каиль?

Он считал все воспоминания Навьена... Он считал все воспоминания Навьена! Что с Навьеном?

Глядя на меня с яростью, которая лишь нарастала, Даркан тихо произнес:

— Ты знаешь, что с ним. Ты с самого начала знала, чем все это для него закончится. И ты подставила его под удар, без особых сожалений. Он ведь всего лишь вампир, да, Каиль? А я всего лишь чудовище, монстр, урод и тварь. Знаешь, — он взял очки, встряхнул, чтобы дужки опали, и продолжил на столик, — я пытался дать тебе шанс. Достаточно было усмирить гордыню и принять ситуацию как данность. Но ты не готова к компромиссам, не так ли? «Хороший вампир — мертвый вампир» — это твоя позиция?

Да. Это моя позиция. Была такой до того, как я...

— Я не хочу этого знать, — резко оборвал меня князь. — Я ничего не хочу знать, о твоих чувствах к моему тысячнику. Ничего! Он старше меня почти на восемьсот лет! Он убивал столько, что их имена, начертанные крайне мелким почерком, заняли бы не одну стену ВСБ, а

это весьма высокое здание. Он убил даже капитана Маера, когда ему необходимо было прикрыть свою задницу! Он издевался над тобой настолько, что мне пришлось вмешаться и заставить сожрать его собственный мобильник! Но вот он забавный парадокс — все это ты ему простила. Абсолютно все. А чем же я хуже, Каиль? Ты не дала мне даже шанса. Ни единого гребанного шанса, Каиль!

Я медленно опустилась на пол и теперь сидела у ног вампира жалкая, растерянная, потерянная...

Навьен убивал? Я знала это. Знала, но... в какой-то момент перестала предавать этому значение. Почему? Не знаю. Просто не знаю. Я...

— Я не буду оправдываться, — несмотря ни на что, во мне все еще оставалась гордость. И вскинув подбородок, я решительно добавила: — И я не считаю, что должна за что-либо оправдываться. Это ты меня впустил в свой автомобиль и в свое, если оно там у тебя есть, сердце. А я просто села, не глядя, в первую попавшуюся попутку. Это ты меня ждал в аптеке. А я сбежала, потому что знала — ничего хорошего от вампиров ждать не следует.

— Ммм, — издевательски протянул князь. — И от Навьена ты тоже ничего хорошего не ждала, не так ли?

Черт!

И я не сдержалась:

— Навьен меня не похищал! Навьен на мне не женился! И Навьен меня ни к чему не принуждал!

В глазах князя засветилось что-то жуткое. Внешне он выглядел безразлично-отстраненным, но во взгляде читалась целая лавина эмоций, и я знала, что эта лавина меня сейчас смешает с грязью. Я знала это еще до того, как Даркан холодно произнес:

— Не принуждал, говоришь? А чем же тогда был поцелуй в автомобиле? Ммм, жаль, ты не видела того ужаса, что отражался в твоих глазах в момент данного «не принуждения». А вот я видел. И оценил.

Он издевался. Сардонически-горькая усмешка на красивых губах, а в глазах желание причинить боль. Наказать за ту боль, что испытывал сейчас он. Мальчик ударился о дерево, мальчику больно... что ж спилим дерево в наказание за то, что мальчику больно. Так получается?

Взгляд Даркана потемнел, но не до черного – до темно-багрового, жестокого оттенка. И мне было страшно. Мне с самого начала было страшно, жутко до тошноты, но именно сейчас, стало еще страшнее.

— Да, — медленно проговорил князь, — тебе действительно есть чего бояться. Но ты не дерево, не удачная аналогия, Каиль, совершенно не подходящая. Ты – женщина. Моя женщина. Я дал тебе время, я пытался сдерживаться, я не хотел, чтобы все закончилось вот так, и не желал причинять тебе боль. Но устроить любовную интрижку за моей спиной и не с кем-нибудь, а с вампиром, с представителем той расы, от которой тебя, как ты уверяла, воротит... И где же в итоге оказались твои принципы, Каиль?

Если мне до этого было страшно, то вот сейчас, невероятным образом, мне стало еще и стыдно.

— Что ж, — продолжил Даркан, с холодным безразличием на лице, — из всей этой ситуации я извлек несколько весьма полезных уроков. Во-первых, не доверяй никогда и никому, ведь даже самый преданный друг, может подло ударить в спину. Во-вторых, если что-то понравилось — бери сразу. Не жалея, не щадя, не пытаясь понравиться и «войти в положение». И, в третьих, не принимай в расчет чувства и принципы женщины... Ведь принципов у тебя, Каиль, как оказалось, нет. А чувства... Говорить о твоих чувствах нет никакого смысла. Ты даришь их любому — от смазливового пацана с пошлого постера, до первого сделавшего вид, что ты ему небезразлична вампира.

И посмотрев на меня в упор, жестоко и зло, князь произнес:

— В тот миг, когда я осознал, насколько ты важна для меня, я дал себе слово, что ты станешь моей лишь тогда, когда полюбишь, когда я стану для тебя важнее твоих принципов и моральных установок. Когда ты полюбишь меня больше, чем себя. И я сдержу свое слово, Каиль, ведь после этой ночи ты себя возненавидишь гораздо сильнее, чем меня.

И вновь надетые вампиром очки, стали окончательным недвусмысленным приговором.

— Нет... — прошептала, чувствуя, как меня начинает трясти от ужаса. Просто трясти от ужаса. — Пожалуйста, я не... не хочу...

— Я так любил тебя, — с нескрываемой горечью, надломленно произнес князь.

Я внезапно поняла, что теперь его «любовь» стала другой. Раньше она была как сияние. Такой же как в глазах Навьена — любящих, ласковых, заботливо-внимательных. Любовь в глазах князя Даркана изменилась. Тот же свет, только теперь ярче, жестче, убийственное. Так сияет белое солнце в пустыне — не согревая, а убивая. Так слепит снег в горах — ослепляя и лишая зрения. Так горит белое пламя — безжалостно сжигая дотла.

И... я знала, что жалости не будет. Я знала это, с самого начала. С того момента, как осознала, что села в автомобиль вампирского князя. Уже тогда, когда ощутила тиару княгини неподъемной ношей на своей голове. И в тот миг, когда князь вошел в мою спальню я тоже отчетливо это знала, но почему-то надеялась, безосновательно, но все же надеялась, на что-то... что-то хорошее... Наверное, я надеялась на то, что он не будет ломать меня...

Я ошиблась.

Он сломал.

Вода в ванне почти остыла, но вопреки порыву Грэи добавить горячей, я перекрыла кран и теперь обреченно смотрела, как из блестящей хромированной трубы падали капли... Медленно формировались в блестящую хрупкую сферу...

Срывались вниз...

Плеск... и нет капельки.

— Княгиня, вам стоит отдохнуть.

В который раз Грэя это говорит? Третий? Пятый? Десятый?

Я не слышу. Мне кажется, я теперь уже почти ничего не слышу, я давно оглохла от собственных криков.

Он меня сломал.

Меня...

Жестоко, безжалостно, цинично.

«Каиль, ты была права, я не зверь, я хуже».

Чего я могла ожидать, после таких слов? Всего чего угодно. Всего. Того, что обратится монстром, как княжна Мортем, что станет уродом, каким он являлся даже среди своих, что причинит боль, изнасилует тело...

Я ждала всего чего угодно, всего, что только можно было ожидать от этого зверя, твари и чудовища.

Всего...

Кроме того, что зверем, уродом, тварью и чудовищем он заставит меня почувствовать себя саму.

Лучше бы он меня изнасиловал. Лучше бы он просто меня изнасиловал, но... князь Даркан после допроса Навьена уже знал, что мои клыки всего лишь результат умелой стоматологической манипуляции и я ни на грош, ни на каплю, ни на йоту не вампир... а калечить меня он не желал.

И физического изнасилования не было.

Было хуже.

В сотни, в тысячи, в десятки тысяч раз хуже...

Я только тогда поняла, от чего меня пытался защитить Навьен, решившись на все это лицедейство с клыками и подставившись по полной программе сам. Он просто знал. Он знал, на что способны князя в отношении людей. Простых, не ставших даже свежееобращенными вампирами людей...

На всё.

Абсолютное манипулирование телом, желаниями, ощущениями и даже эмоциями. И на фоне всего этого безусловное, основательное, сокрушительное осознание всего происходящего. Я хотела секса больше, чем дышать, и я превосходно осознавала все, что делала, все, что он заставлял меня делать.

А после все, что делал со мной он.

Я ненавидела себя за каждое произнесенное слово, за каждый крик, за каждое движение к тому, кто умел ласкать так, что я сходила с ума от удовольствия, и одновременно проклинала себя за то, что получаю удовольствие в руках князя.

Князя подобные мелочи не волновали.

Но целовать... целовать меня князь мог, лишь снова беря под ментальный контроль — иначе я не давалась. И мне было плевать, сколько раз он заставлял целовать его со страстью опытной путаны, а сколько раз целовал сам, пробуждая внутри меня первобытный голод, от которого пульсировало все тело, но как только контроль ослаблялся, я прерывала поцелуй и отворачивалась...

Идиотская попытка сохранить хотя бы остатки гордости... возымевшая закономерные последствия.

Даркан отпустил ментальный контроль, схватил за подбородок, грубо заставил посмотреть в свои глаза и прошипел:

— Гордая значит? А надолго ли хватит твоей гордости, Каиль?

И на мое лоно опустились не его губы, а ладонь.

— Показать тебе звезды, Каиль? — хриплый насмешливый шепот.

Я могла бы сгореть от одного прикосновения, и Даркан уже проделывал это со мной, но на этот раз его целью был вовсе не оргазм. Он хотел иного. И ласкал, целенаправленно и умело, с опытом мужчины изучившего мое тело сверху донизу за всю эту проклятую ночь, касаясь каждой чувствительной точки, то осторожно, то грубо, то почти невесомо, скользя по краю пропасти и не давая мне в нее рухнуть.

Я стонала, искусав губы до крови и фальшивыми клыками и зубами, я срывалась на крик, хриплый, гортанный, я срывалась на вой и почти скулила, едва он останавливался. Мне хотелось разрядки. Мне нужна была разрядка. Мне жизненно необходимо было получить удовлетворение, но каждый раз Даркан останавливался, когда до желанного экстаза хватило бы и касания, одного лишь касания, но вместо него я слышала:

— Попроси.

По лицу давно текли слезы, я захлебывалась от криков, все мышцы дрожали, вместе и по отдельности, я давно не контролировала собственное тело, в порыве отчаяния подаваясь пульсирующей плотью к вампиру, едва он убирал пальцы... Я умоляла телом, но слов Даркан не дождался.

Победил в другом — я ответила на его поцелуй...

Если бы знала, чем это обернется, я бы лежала не двигаясь. Я бы не сопротивлялась. Я бы даже не дернулась.

Но я не знала... Я просто не знала... Я...

— Княгиня, хватит. Вы должны быть сильной.

Голос Грэи, отдаленный, словно звучащий сквозь туман и болезненный укол в мое предплечье. Какой уже по счету? Я не помню. Я перестала считать уже после второго.

Первый вкол князь, клеймя поцелуем мои распухшие пересохшие израненные губы, и не скрывая ни торжествующей усмешки, ни полного удовлетворения насмешливого взгляда.

Да, поймел он меня по-полной...

А звезды? Они были ослепительны... Теперь я ненавижу звезды.

Второй укол сделала Грэя, когда я после ухода Даркана пыталась разбитым стеклом перерезать себе вены. Стекло, правда оказалось пластиковое, и тупое, но я была в таком состоянии, что с удовольствием выгрызла бы вены и зубами, только бы перестать слышать в своей голове свои собственные крики.

Новый укол она сделала, когда я все же предприняла попытку выгрызть себе вены... и после этого укола наступило отупение. Просто полнейшее отупение. Я не видела ничего, кроме капель воды, срывающихся из не до конца завинченного крана. Я не слышала слов. Я не чувствовала собственного тела... и я не хотела в нем быть. В этом теле не осталось ничего моего. Ни гордости, ни чести, ни

достоинства... ничего. Я ненавидела это тело. Я хотела из него выйти. Я ненавидела эти руки... мне хотелось их сломать. Я ненавидела свои губы... слишком отчетливо помнила все то, что их заставили сделать...

Мне хотелось помыться. Снова, снова, снова и снова. Но Грэй отобрала губку, увидев, что я содрала кожу почти до крови... Она все отобрала. Остались только я, вода которой недостаточно было чтобы утопиться, и кран из которого падали капли. Словно он плакал вместо меня, потому что у меня не осталось даже слез.

Звонок телефона.

Приглушенный завесой апатии, которая медленно накрывала — видимо последнее лекарство было вконец убойным, или дозу уже увеличили до максимума.

Грэй ответила, и я услышала голос, кажется отца Малисент:

— Как она?

Дернувшаяся было к выходу вампирша, все же не рискнула оставлять меня одну, и ответила, на пороге ванной комнаты:

— Плохо, господин.

Пауза и вопрос:

— Насколько плохо?

Меня начало клонить в сон до такой степени, что глаза как-то органично закрылись сами. Грэй быстро подошла, и, придерживая меня, готовую сползти вниз и уйти под воду за плечо, тихо ответила:

— Хуже самого худшего из вариантов.

Еще одна пауза в трубке телефона и вопрос:

— Навьен?

— Мертв, — едва слышно ответила Грэй.

И я оглохла.

Просто оглохла.

Во мне умерло не что-то, во мне умерло абсолютно всё.

Утро...

День...

Ночь...

Утро...

День...

Ночь...

Утро.

День.

Ночь.

Снова утро.

Я открывала глаза, смотрела, как солнце безрадостно выкатывается из-за горизонта, и закрывала глаза снова. Я не хотела просыпаться. Не хотела вставать. Не хотела жить. Странно, впервые в жизни я поняла свою мать. Все эти годы в детском сердечке, которое оставалось какой-то отдельной кровоточащей раной даже в моем взрослом сердце, билась эта горечь непонимания, эта обида, это наивное «Почему мама не хотела жить?». Что ж, теперь я могла честно сказать ей – «Прости, мама, теперь я поняла, я уже все поняла».

Между мной и мамой существовало только одно незначительное отличие — я любила утро. Я любила каждое утро. Потому что по утрам князь уходил...

Когда работаешь в полиции, сталкиваешься с одним интересным феноменом — человек привыкает ко всему. Жертва, рано или поздно, признает созданный мучителем порядок вещей как единственно верный и приспосабливается к нему. Психика пластична, и у нее всегда одна цель — позволить человеку выжить. Обычно бывает так, да.

Обычно.

Я не знаю, была ли я обычной, или же все разговоры о моей уникальности имели под собой какие-то основания, но... того, что случилось в первую ночь, больше не происходило. Да, я хотела секса каждый раз, когда Даркан желал, чтобы я этого хотела, но мое

сознание больше не плавилось от неистовой потребности, я больше не целовала князя, поддавшись неконтролируемому желанию прикоснуться, прижаться губами к его коже, я больше не хотела его так, как это было в первую ночь.

Человек ко всему привыкает?

Что ж, в каком-то смысле я привыкала. К сопротивлению. К ненависти. К ярости в его глазах, которые устали вглядываться в мои, в поисках отклика. Хоть какого-то эмоционального отклика. Но не находили ничего.

Забавно, но князь считал себя вправе рассчитывать на... признательность, благодарность, заботу?

Между нами все так же не было секса в том понимании секса, который имеет родопродолжательную функцию. Сам князь ни разу не расстегивал свои брюки. Ни разу не срывался, удерживая свое собственное желание в тисках железного контроля. Ни разу не менял свою форму, оставаясь в пределах вампирского облика. И он считал, он был уверен, что я должна быть признательна ему за терпение, благодарна за сдержанность.

Но нет!

Не на ту напал!

Не на той женился!

Не ту, выбрал себе в жертвы!

Быть благодарной? За что? За ночи, в которых он пока еще был красавцем, но все равно стал для меня худшим из всех кошмаров? За неизбежную перспективу встречи с его формой «чудовища»? За убийство Навьена?

Мне не за что было быть ему благодарной, я слишком хорошо понимала, что все это такая «игра в благородство», в безумной и не понятно на чем еще держащейся надежде, что однажды я полюблю его. Что-то типа «Любовь зла, полюбишь и козла... в смысле князя».

А потому Даркан сдерживался каждую ночь. Забавно, неужели он действительно верил, что монстр в нем может сделать его еще более отвратительным в моих глазах? Или он все еще считал, что я возненавижу себя до такой степени, что его стану ненавидеть меньше? Зря. И когда-нибудь он это поймет.

Надеюсь, этот момент станет моментом моей смерти.

Все изменилось в один день. В один из дней, которым я потеряла счет. В день, когда от созерцания того, как солнце поднимается по небосклону вверх, меня отвлек разговор между Грэй и вторым тысячником князя.

— Мне нужно с ней поговорить, — произнес Тэранс.

— Княгиня должна спать! — не согласилась с ним Грэй.

— Испарись! — разъяренно прошипел тысячник.

— Нет! — прошипела Грэй.

И я как-то интуитивно поняла, что либо я вмешаюсь, либо от моей горничной сейчас мало что останется. Повернулась, села на постели, обнимая колени и вопросительно глядя на стоявшего в проходе тысячника. Он был выше Грэи на голову, а потому прекрасно меня видел. И он был старше Навьена, соответственно отлично себя контролировал, но даже он содрогнулся, увидев меня.

— В чем дело? — мой голос стал каким-то бесцветным, чужим...

Я даже не помню, сколько времени не разговаривала, и сейчас просто не узнала свой голос.

Тэранс посмотрел на меня так, что стало ясно — он уже пожалел о своем решении поговорить, и вообще с удовольствием собирался смотаться, но... что-то его останавливало. Не то, чтобы мне было интересно, что именно, и все же.

— Княгиня, — тысячник как-то гулко сглотнул, странно глядя на меня, — мне известно, что перед смертью Навьена, вы пытались что-то разведать. Вы вдвоем. Ввы помните что... именно?

Естественно я помнила. Из минут проведенных с Навьеном, я могла бы вспомнить, наверное, каждую.

— Лорд Тэранс, — Грэй быстро оглянулась на меня, а затем разъяренно зашипела уже ему, — все, что удерживает князя на грани сейчас — униженная просьба его бывшей невесты княжны Малисент, не причинять вред княгине. Я понимаю, что вы заботитесь о доме Даркан, но кто позаботится о княгине?! Я...

Я молча поднялась с постели. На мне было платье, темно-синее, струящееся шелком, сверкающее каплями драгоценных камней... На меня каждое утро натягивали очередное платье, чтобы во время завтрака с князем я выглядела максимально достойно. Но аппетита мне это не добавляло вовсе, я давно перестала есть. В мой рацион вернули все, включая углеводы, даже разок пиццу приволокли, но есть я больше не хотела. Ничего и никак. Так что я теперь была максимально достойным приведением — смотреть на себя в зеркало я давно перестала, однако вены проступившие под истончившейся кожей на руках говорили о многом.

Но один плюс у всего этого театра абсурда с ежеутренним одеванием и все более старательным макияжем имелся — в таком виде я могла встать и подойти к тысячнику... второму из тысячников... За то, чтобы подойти к первому, я, наверное, отдала бы князю все остатки своей гордости... я бы отдала все, вообще все.

— Грэя, уйди, — приказала, приблизившись к двери.

И едва горничная с поклоном отошла, спросила у Тэранса:

— В чем дело?

Он резко отвел взгляд. Постоял, глядя в сторону. Потом не выдержал, достал платок, прижал к лицу, стараясь заблокировать свое дыхание от моего запаха, и все так же отводя взгляд, сухо произнес:

— Навьен был казнен, однако приказа сжечь не последовало. Последовал иной — оставить его здесь, в подземельях замка. Но... — его голос вдруг осип, — я нарушил приказ. Я, Сторс и доктор Савадж. Не могу сказать, что это было моей идеей, но вот прошло время, и я вынужден полностью признать правоту Сторса. Навьен, — Тэранс как-то гулко сглотнул, — Навьен мертв, но при должествующей мотивации, он сможет ответить на несколько вопросов. Я был бы искренне благодарен, если бы вы смогли...

Он запнулся.

Я усмехнулась и с горькой иронией спросила:

— Выступить в качестве должествующей мотивации?

Быстрый взгляд Тэранса и хриплое:

— Да.

Судя по его взгляду, он считал, что я откажусь.

Наивный.

— Поехали, — безразлично сказала я, вдевая ноги в туфли-лодочки.

На каблуках я ходить не могла, меня слишком шатало от слабости, так что... мне предоставили более удобную обувь. Давно еще. Дня три, или четыре назад... не помню.

Но едва я подошла к выходу, сам тысячник резко отпрянул. Затем посмотрел на Грэю почему-то.

— Я предупреждала, — ровно отозвалась та.- Единственное, что перебьет ее запах — запах князя.

Тысячник метнул на нее злой взгляд и прошипел:

— Я не могу привезти брата сюда!

Брата?!

— Пиджак князя? — все так же ровно предложила Грэй.

Тысячник кивнул.

Надевать что-либо, на чем так отчетливо ощущался запах Даркана я не хотела, но... похоже у меня просто не было выбора.

Мы спустились вниз по внутренней лестнице. Вышли через задний вход. Выехали через дальние ворота на бронированном джипе.

Я устроилась на переднем сиденье, поджав ноги, и не смотрела за окна автомобиля, хотя, наверное, я должна была бы скучать по природе, свободе, отсутствию стен, но я тосковала по совершенно иному, и это иное сейчас заставляло меня всматриваться в лицо Тэранса, в попытке отыскать хотя бы одну знакомую черту...

— Мы кровники, — вдруг произнес вампир, не глядя на меня.

Что?!

— Не родные братья, — пояснил Тэранс, — кровники. Побратались, и только.

И вроде бы мелочь, но я резко отвернулась, скрывая слезы.

Тэранс же вдруг включил кондиционер на полную мощность, направил ветродуйки на себя и... даже приоткрыл окно.

— Что не так с моим запахом? — равнодушно спросила я.

Мне не было это интересно. Я даже не знаю, почему вообще спросила. Может, просто пытаюсь не думать о том, что у меня больше нет и шанса увидеть хоть что-то напоминающее о Навьене?..

— Ваш запах, — сухо ответил вампир.

Ощущаю себя вонючкой. Хотя мылась. Раз пять утром. Уже меньше, раньше как-то с большим остервенением пыталась смыть с себя все прикосновения Даркана.

И вдруг заметила, что Тэранс на меня смотрит. Как-то странно. И казалось с чего бы, но тут тысячник глухо спросил:

— Вы не знали?

— О том, что воняю? — в моем ироничном вопросе не было даже иронии.

Кажется, во мне уже и эмоций почти не осталось.

— О том, что вы особенная, — как-то странно пояснил Тэранс. И сворачивая к городу, несколько удивленно спросил: — Или вы искренне поверили, что Навьен действительно был влюблен в вас?

Апатичное ко всему сердце вдруг пропустило удар.

Я повернулась, посмотрела на тысячника и переспросила:

— Простите, что?

Тэранс скривился, явно сожалея, что в принципе затронул эту тему, но уваливать не стал:

— Вы особенная, — сказал, как припечатал. — В вас есть ген, способный дать новый виток мутации нам, вампирам. Я не знаю, что вам сказал или в целом говорил Навьен, но его единственной целью было — заполучить вас себе и произвести на свет нового князя, который сумел бы вернуть ведущие позиции ослабевшему аристократическому роду, из которого происходил сам лорд Навьен.

Удар наотмашь. Моральный, конечно, но легче мне от этого не стало.

Я отвернулась, глядя на город, в который мы уже въезжали.

Тэранс гнал, привычно для вампиров нарушая все правила дорожного движения в частности, и попирая законы в принципе. Потому что он вампир. Потому что может себе позволить. Потому что... он не такой, как Навьен. Верила ли я во все, сказанное Тэрансом? А были ли у меня причины в это верить?! В отличие от второго тысячника я точно знала, что Навьен не собирался присваивать меня себе, он смирился с тем, что я принадлежу князю. И свои чувства он выдал в тот момент, когда поверил, что меня убили. И я никогда не забуду, как в его глазах рушился весь мир...

— Вам нужно будет задать всего один вопрос, — в очередной раз промчавшись на красный свет, деловым тоном начал давать инструкции Тэранс. — Мне нужен его личный код доступа к папкам со списками участников движения сопротивления.

Ммм, я могла бы сказать Тэрансу, что этих папок, как собственно списков и документов по участникам сопротивления уже нет, я их уничтожила, причем лично, и... об этом абсолютно точно знали двое — сам Навьен и лорд Сторс.

И, возможно, скажи я правду — Тэранс мгновенно развернул бы свой бронированный джип тут же, и повез бы меня обратно, но... Тут такое дело — лорд Сторс знал, что папки уничтожены. Прекрасно знал. Интересно, что заставило его умолчать об этом?

— Только один вопрос? — все так же равнодушно спросила я.

— Да, — последовал ответ. — Есть надежда, что под влиянием чувства вины, он скажет о том, что не успел рассказать князю.

«Не успел рассказать князю»... то есть Даркан его допрашивал...
Больно. Мне больно. До безумия больно.

— Хорошо, — я все так же смотрела на город.

Там шли какие-то пикеты, кажется, я мельком прочла что-то о
«Нет декриминализации убийств по неосторожности». Что? Неужели
они приняли этот закон? Когда? Так быстро?! Как?!

— Вы в порядке? — осведомился Тэранс.

— Да, — солгала я.

К моргу мы подъезжали тоже с заднего входа. Съехали вниз на подземную стоянку. А там нас уже ждали.

— Княгиня, — произнес лорд Сторс, открывая дверцу машины с моей стороны.

И отшатнулся, не выдержав.

Быстро глянул на Тэранса, уже выходящего из джипа.

— То есть, это не слухи? — хрипло спросил он, причем не у меня.

— Про мою вонь? Похоже, что нет, — язвительно ответила ему я.

Странное дело, но эмоции вдруг вернулись. Не то чтобы все мои эмоции, но мне как-то резко перестало плевать на свою жизнь.

Лорд Сторс в ответ на колкость почему-то улыбнулся, и тихо сказал:

— Я рад, что вы в порядке, лейте... княгиня.

И указав мне на лифт, сообщил подошедшему Тэрансу:

— Тело перевезено в нижний зал. У вас будет около пяти минут. Полагаю, учитывая... обстоятельства, княгиню лучше оставить с телом наедине и...

— Нет, — жестко отрезал тысячник. — Кто будет нас сопровождать?

— Доктор Савадж, женщина, — меня поразило то, что Сторс мгновенно согласился.

Удивило, насторожило и... предостерегло одновременно. Как и его движение, когда он прикоснулся к карману, а затем произвел странный порядок движений — два пальца о карман, следом один.

У нас такую систему сигналов использовали в спецназе и я все просекла мгновенно. Я просекла быстрее, чем осознала, а потому, когда Тэранс первый вошел в лифт, я сделала не шаг вперед — я отшатнулась назад.

Дверь лифта захлопнулась перед рванувшим к нам тысячником, а следом и вся шахта содрогнулась от удара.

Но меня это даже не напугало, а Сторс, похоже, был уже не в том положении, чтобы бояться.

— Пиджак, — скомандовал он, и протянул руку.

Отдала без слов. Он так же без слов бросил эту деталь одежды в соседний приехавший лифт, и отправив тот наверх, указал мне на лестницу.

И мне, наверное, не стоило бы доверять вампиру, но я все еще помнила его «Я понял», и я поверила. Впрочем, это мне уже нечего было что терять, а вот второй тысячник князя Даркана попал, и попал основательно.

— У дома Даркан... трудности, — лорд Сторс собирался учтиво идти рядом, но, заметив, что меня шатает, подал руку. И продолжив спуск по лестнице, так же четко и по-деловому продолжил: — Князь дважды поступил совершенно недальновидно. Первый раз, женившись на вас... — тут Сторс притормозил, посмотрел на меня, вздохнул и мрачно изрек, — или дальновидно. Как давно вам известно, о вашей особенности?

— Сторс, меньше всего я хочу говорить о себе, — несколько грубо прервала его.

Не то, чтобы глава ВСБ меня понял, но кивнул, и продолжил, все так же спускаясь:

— Навьен был силой, которую опасались. Тысячелетний вампир, верный страж Даркана, и один из немногих, кто в принципе способен противостоять князьям. Казнить его было огромным просчетом князя, я... едва ли могу подобрать цензурные эпитеты к этому поступку. Но не суть. На данный момент четыре дома объединились против дома Даркан, используя, как повод, убийство княжны Мортем. Выступая единым фронтом, они начали оказывать влияние на правительство. Закон, против коего вы помнитесь, обозначили свою позицию, уже прошел во втором чтении, и это при условии жесткого протеста со стороны вашего супруга. Дом Даркан теряет позиции. И сейчас под ударом все — князь, вы... и все мы, кто много лет преданно служил главному княжескому роду. Я полагаю, вы уже догадались, что поводом вашего приезда послужила ложь с моей стороны?

— Да, я поняла, — отозвалась эхом, спускаясь по ступеням.

Сторс кивнул, принимая мой ответ, и произнес:

— Вы зададите всего один вопрос, княгиня. Только один. Вопрос «Где вирус?».

Я сбилась с шага, чуть не слетев вниз, потому как промахнулась мимо ступеньки, и точно свалилась бы, не придержи меня глава вампирской службы безопасности.

Он придержал, а затем, когда мы продолжили спуск, насмешливо спросил:

— Считайте это исполнением мечты. Вы ведь всегда мечтали избавиться от вампиров, не так ли?

Да. Всегда. Но отвечать не стала, тихо спросила лишь об одном:

— Он действительно мне ответит?

Четыре ступеньки вниз, и тихое от Сторса:

— Я надеюсь на это.

Помолчал и добавил:

— Если дом Даркан падет — сдохнем мы все. В смысле действительно мы все, и вампиры, и люди. Вы в курсе опытов иных вампирских домов, но слегка не в курсе некоторой... скрытой даже от движения сопротивления действительности — высшие вампиры предпочитают не обычных людей, а особей, выращенных путем... генетических улучшений. Человеческие фермы, слышали о таких?

Я чуть не пропустила еще одну ступеньку.

— Князья, — продолжил лорд Сторс, — это те, кто не зависит от питания, княгиня. Их — единицы, но они прилагают все усилия для сохранения существующего порядка, чтобы удержать свои позиции. Так было с тех пор, как власть перешла к дому Даркан. Сейчас же, в условиях фактически начавшейся необъявленной войны, дом Мортем снимет вето на разведение людей, стремясь привлечь вампирские кланы на свою сторону.

Шок!

Непонимание ситуации.

Зато четкое осознание, что я сейчас увижу Навьена... и скорее всего в разобранном состоянии. Я внезапно поняла, в каком жутком состоянии нахожусь — я не могла толком сосредоточиться ни на чем. Навьен, закон, необъявленная война между домами вампирских князей, какой-то вирус, привкус угрозы, которая нависла над всем человечеством и... и снова Навьен.

— Сюда, прошу вас, — лорд Сторс указал на дверь, которая находилась не внизу лестницы — посередине.

Ее низ был изломан под очертания ступеней, и в целом у двери имелся вид скорее тайного, чем явного входа.

Но я доверчиво шагнула внутрь, постояла в темноте, пока Сторс запирает дверь, прищурилась, едва под потолком вспыхнул свет, и вздрогнула, когда открылся вход в соседнее помещение и к нам стремительная, сильная, вечно юная вышла доктор Савадж.

Она не изменилась ничуть. Все тот же высокий хвост светлых идеально прямых волос, броский макияж, черный кожаный корсет, короткие шорты, сапоги-ботфорты на высоченной шпильке, и поверх этого фривольно-вызывающего одеяния белый докторский халат с бейджиком.

Она не изменилась, а вот я, видимо, да, потому что в глазах вампириши промелькнуло что-то отдаленно напоминающее сочувствие, и она сдавленно произнесла:

— Сторс, дай минуту, я хотя бы голову поставлю в более... понятное для нее положение.

И она скрылась в дверях, не дожидаясь ответа главы ВСБ, а я... я заторможено пошла следом, отпустив локоть вампира, и... Это как делать каждый шаг, чувствуя, что с каждым шагом теряешь жизнь по каплям.

Я старалась не думать о Навьене. О вампире, который так подставился из-за меня, о том, кого уже давно не воспринимала, как вампира... для меня он был человеком. И когда я вошла в морг, на холодном железном столе, прикрытый простыней по самый подбородок, лежал не монстр, не вампир, не упырь, не кровосос... там лежал мужчина, который погиб из-за меня.

— Княгиня, — доктор Савадж с остервенением сорвала с себя перчатки, отшвырнула в мусорное ведро у стены, — Извините, утешение и прочее психологическая поддержка это не по моей части. Я... я не знаю, что вам сказать.

Ничего.

Ничего не надо говорить, просто ничего.

В полузабытье, в состоянии оцепенения, в каком-то сонме обрушившейся на меня ужасной действительности, я подошла к Навьену, чьи глаза были закрыты навечно, протянула ладонь, коснулась пальцами простыни и... резким движением стянула ее к чертям на пол.

И чуть не отправилась следом, с трудом подавив вой смертельно раненной волчицы — князь не просто оторвал Навьену голову. Он его на части разорвал.

— Твою мать, я же не зря ему голову назад присобачивала. Княгиня, ты... пиццу хочешь? — у доктора Савадж была интересная... психология.

— Нет, — едва слышно выдохнула я.

Я не была патологоанатомом, но криминалистику проходила, да и опыт... И сейчас, вцепившись в край холодного металлического стола, я какой-то уже почти мертвой частью сознания, просто констатировала случившееся — сначала Даркан оторвал ему руки. Потом голову. Потом разорвал туловище на части.

На фоне всего этого, то что князь сделал после с моим телом и личностью, было просто пылью. Мелочью. Ерундой. Меня, князь, получается, пожалел. Даже по-своему был нежен и осторожен... Урод!

— Слушай, княгиня, дай я его закрою, — доктор Савадж стояла рядом со мной, готовая в любой момент подхватить, если потребуется.

Отрицательно мотнула головой.

У вампиров было одно существенное отличие от людей — у убитых вампиров кровь не текла. Поэтому, по кровавым потекам там, на разорванной ткани предплечий, и становилось ясно, что руки Навьену князь оторвал еще при жизни... И второе отличие их от нас — у нас в моргах лежали голые тела, у них — одетые. Навьен все так же был в своем черном костюме. Изорванное тело в изорванном костюме.

— Не тошнит? — не то чтобы заботливо, скорее с явно научным интересом поинтересовалась доктор.

Тошнит. От ощущения собственного бессилия. От понимания, что князю Даркан за это убийство вообще ничего не будет. От явственного осознания, что Навьена он убил из-за меня. От ситуации... А вот от вида мужчины, которого просто разорвали на части меня не тошнило, нет... мне просто выть хотелось в голос. Но не в такой компании точно.

— Можно я побуду с ним? Пожалуйста, — прошептала, сжимая края стола до такой степени, что побелели пальцы.

Савадж хотела было что-то сказать, но неожиданно даже ее циничность дала трещину.

— Пару минут, — сказала она.

Быстрый перестук каблуков, захлопнувшаяся дверь.

И вот мы остались вдвоем, я, мертвый Навьен, и холодный железный стол в круге тусклого света.

И я впервые посмотрела на лицо вампира.

Он погибал мучительно, я знала это, но ни оттенка боли, ни оттенка страданий на его лице не осталось. Упрямо стиснутые челюсти, готовность сдохнуть, но молчать до последнего... что, собственно он и сделал.

И мне бы очень хотелось спросить «Зачем?!», но вместо этого, я почему-то прошептала:

— Я люблю тебя, — и с ресниц сорвались слезы.

«Я люблю тебя»... Какой кошмар, я поняла это только сейчас, глядя на мертвое тело того, в кого умудрилась влюбиться. Я реально осознала это только сейчас... Я даже не успела сказать ему эти три гребанных главных слова, когда он был еще жив...

И это было начало конца.

Моего.

И захлебываясь рыданием, я все так же с силой держалась за стол, давя на корню такое естественное желание, как собрать любимого по частям обратно. Чтобы просто был. Целый. Пусть даже мертвый, но целый.

Боже, за что? За что с ним так?! За человечность? За то, что он не такая бесчувственная и безжалостная скотина, как сам Даркан? За любовь ко мне? За что???

Я сползла на пол, содрогаясь от рыданий и понимая, что все, для меня это все.

О, господи, пожалуйста, я не могу больше! Не могу, не хочу. Я хочу сдохнуть, просто сдохнуть, только бы все это закончилось, только бы он... жил. Только бы он...

— Кккаиль?

Я не сразу осознала, что слышу.

Так бывает, когда оглушен горем, реальность с трудом прорывается через пелену шока... И я не сразу поняла, я... убрала мокрые ладони от лица и...

— Навьен? — спросила, все так же сидя на полу.

Ответом мне был глухой стон, и уже утвердительное:

— Каиль!

Я подскочила. От резкого движения все помутилось, я чуть было не рухнула обратно, но движение руки, и Навьен удержал меня.

И я замерла, в ужасе глядя на него, неверяще вглядывающегося в меня, и на его руку, которая удержала меня от падения, даже притом, что все так же являлась оторванной. Оторванной, но... теплой.

Несколько секунд абсолютного шока.

Его пальцы, ощутимо теплеющие, столь же крепко удерживающие мое запястье... мои застывшие в глазах слезы, и его потрясение от осознания ситуации.

Какой-то безумный сюрреализм, абстракционизм в духе Пикассо и нарушение всех законов бытия!

Я не знаю, как бы отреагировала на все это нормальная женщина, но я нормальной уже не была — я была точно такой же сломанной, как и Навьен. Только меня сломали внутри, и сломали так, что разорванное тело любимого мужчины казалось мне отражением меня самой, только в физическом выражении.

Еще секунда, на то чтобы послать к чертям любые ассоциации, и быстро спросить:

— Что я могу сделать?

Навьен перевел взгляд на свою руку, и его пальцы разжались, отпуская меня.

— Исчезнуть, — очень спокойно, и даже холодно произнес он.

Со стороны это, наверное, выглядело очень странно... вообще хвататься за чью-то оторванную руку как-то странно, но я схватилась, сжимая его пальцы, и тихо ответила:

— Пошел нахрен!

Он стиснул челюсти так, что послышался скрежет зубов, и прорычал:

— Каиль, уйди. Сейчас же. Каким бы образом ты тут не оказалась, это со сто процентной вероятностью ловушка.

Я продолжала стоять, даже не делая попытки последовать его приказу.

Навьен дернул щекой, головой видимо хотел покачать укоризненно, но не судьба, когда у головы уже не осталось шеи, плеч, тела...

— Каиль, — в его глазах сияла целая вселенная тревоги. Причем тревоги за меня. — Савадж работает на дом Мортем! Беги. Сейчас.

Пожалуйста!

Обал... деть!

Я отпустила его руку, бросилась к двери, споткнувшись о простыню и чуть не свалившись, но я успела – двери морга никогда не запирают изнутри, это факт, но они всегда железные, и у них есть ручки, литые железные ручки. Я засунула между ними ножку железного же стула за миг до того, как дверь попытались открыть.

— Каиль! — с нескрываемым гневом прорычал Навьен.

Интересно, вот чисто научно интересно — чем он рычит? Нет, ну так, просто исследовательский интерес. Я закрепила стул сильнее, подперла его еще и столиком, потому как двери все сильнее пытались выломать, и был шанс, что стул просто выпадет из-за колебаний.

А вот после этого, развернувшись и решительно подошла к своему разобранному на составные части вполне себе нормальному мужику, и плевать, что вампир.

— Так, — я осмотрела «вампирское лего», — повторяю вопрос: Что я могу сделать?

Судя по взгляду Навьена, я вполне себе могла пойти и повеситься, к примеру, но тут за дверью раздался злой вопрос «Где она?», и ответ «За дверью, мой князь».

Только вот... это был не мой князь.

В смысле не наш.

В смысле не Даркан.

— Каиль... — с глухим отчаянием простонал Навьен.

Но на отчаяние у нас едва ли было время, нужно было что-то делать, и срочно.

— В шкафу кровь, в пакетах. Дай мне, — хрипло приказал тысячник.

— В каком смысле «дай»? — спросила, бросившись к шкафу.

— В смысле еды. Мне нужна кровь, тогда, быть может, продержусь пару ударов и у тебя будет шанс, — быстро ответил он.

А я... я распахнула дверцы холодильника и... там было пусто.

Не знаю, кто это все спланировал, но кровь отсюда убрали, видимо предугадав, возможные действия, последствия... хрен его знает, что еще они предугадали, но о возможном питании для Навьена они позаботились, в смысле утащили отсюда все. Черт, я как-то все-таки была лучшего мнения о докторе Савадж.

В двери ударили снова.

— Каиль! — поторопил Навьен.

Я посмотрела на медицинские инструменты, лежащие в стеклянном шкафчике. Запертом стеклянном шкафчике.

«Венозная или артериальная?» — было последней мыслью, промелькнувшей в моей голове до того, как я схватила баллон с жидким азотом, и швырнула его в стекло.

Стекло разбилось, а я выхватила скальпель еще до того, как осколки осыпались на пол, и перекинув волосы на плечо, сделала выбор в пользу артериальной. Все-таки в ней и кислорода больше, и она как бы полезнее, наверное, и так ему все равно придется пить, сонная артерия, это ведь не вены на руках — и да, я просто не собиралась предоставлять ему выбора.

И когда резанув по шее, наклонилась к зарывавшему вампиру, этого самого выбора у него и не было — ему пришлось пить мою кровь, а я... я... я даже боли не чувствовала, просто хотелось обнять его, отдавая ему всю себя до последней капли.

А потом меня обнял он.

Он.

Меня.

Обнял.

Живой. Целый. Злой, правда, до чертиков, но живой, и... целый.

Каким-то невероятным образом остановивший мое кровотечение, уложивший меня на стол, на котором еще пару секунд назад лежал сам, зажавший мою рану обрывком моего же платья, и заслонивший меня собой, едва дверь была сломана и на пороге появился монстр.

Не Даркан, к слову.

А вот потом кто-то сильно смутился.

И это была я.

Просто Навьен то стал целый, а вот его костюм как-то нет. И когда тысячник восстал перед столом, на котором вполне себе удобно на боку лежала я, с его могучего тыла медленно, но верно, сползли обрывки костюма. Тыл... был впечатляющим, да. Но, блин, встречать врага голым, это, может и героически, но с точки зрения эстетики и там... не ну мой голый мужик, против монстра, это, конечно...

— Может хоть скальпель возьмешь? — хриплым шепотом спросила я. — А то встречать врага с голым задом это как-то...

слишком оригинально.

Мне молча, но выразительно продемонстрировали, условно говоря «скальпель» фигурой из одного пальца. Интересно, а это нормально, если тебя перед смертью вообще-то только что обретенный любимый, неприличным жестом посылает?!

Хотя о чем это я? Что в нашей ситуации вообще было нормального? Да вообще ничего!

И задыхаясь от слабости, придерживая повязку на шее, которая снова начала пропитываться кровью, я проследила за самым быстрым сражением из всех, которые доводилось видеть. Трансформированный в кошмар Мортем напал на почти голого, но все равно гораздо более притягательного чем князь Навьена и получил... оторванную голову, оторванную руку, и удар в корпус с ноги, от которого обезглавленное и обезрученное тело вылетело, ломая стену и с грохотом повалившись куда-то там....

Но еще до того, как обрывки князя улетели, Навьен повернулся ко мне. Спереди было тоже все очень притягательно, и особенно радовало, что все стратегически важные места все-таки были прикрыты рубашкой. А то мне и обнаженных тылов хватило выше крыши.

— Язва! — одним емким словом охарактеризовал меня Навьен.

И больше ничего говорить не стал — сгреб меня со стола для трупов, прижал к себе и понес прочь, быстро, очень быстро, слишком быстро, чтобы я не поняла:

— То есть это ты сейчас не убил князя Мортема, да? Он выживет даже после такого?

— О, к нам вернулось критическое мышление, — съязвил Навьен. Сволочь.

Прижалась к нему, и подумала о том, какая же он все-таки сволочь. Не, ну гад же, я ему свою кровь, я ему себя, я... а он сволочь. Слава Богу, живая сволочь.

В коридоре нам встретилась доктор Савадж. Вампирша стояла, пошатываясь, прижимая пальцы к вискам и глядя на нас огромными потрясенными глазами.

— Кккогда ты понял? — хрипло спросила она.

— Когда ты написала, что тело Ивгены Женьер забрал дом Мортем, — не сбавляя шага, ответил ей Навьен. — Зная тебя, уверен,

ты бы устроила любому, кроме собственных хозяев, настоящий бюрократический ад.

Савадж промолчала и рухнула на пол.

А мы уходили, все так же быстро, но прежде чем выйти на лестницу, Навьен остановился, обернулся и сказал ей:

— Мортемы проникают в сознание, используя слабости. Найди то, что они использовали, уничтожь, и они не смогут больше влиять.

Вампирша, обессилено сидевшая на полу, подняла голову, посмотрела на него, затем на меня, улыбнулась и произнесла:

— Поздравляю, княгиня. Вы носите достойного наследника дома Даркан. Он силен.

Я не сразу поняла, о чем она.

Думать особо не получалось, я все еще как-то не осознала, что разобранный по кускам еще недавно Навьен, сейчас быстро уносит меня с места событий, и он живой.

А потом до меня вдруг дошло — оживлять вампиров могут князья.

Только князья.

Исключительно князья!

Я...

Я сжалась, судорожно пытаюсь понять... да хоть что-то уже понять.

— Как ты? — спросил Навьен, взбежав по ступеням вверх и выходя на подземную парковку. — Ты побледнела. Я пережал живот?

И он тут же обнял гораздо бережнее.

Я промолчала. В ужасе глядя на вампира. В ужасе, осознавая, что только что оживила его. С ужасом понимая, что... что Навьен сейчас отвезет меня к Даркану, потому что он, как и доктор Савадж, сделал определенные выводы. Ведь... оживлять могут только князья. А я оживила. И я не князь. Вот только... и во мне нет князя тоже.

— Держись, — приказал Навьен. — Ты потеряла много крови, зараза мелкая.

— От заразы слышу, — напряженно ответила я.

И я не знала... не знала, как ему сказать.

И да, я, кажется, теряла сознание — кровопотеря все-таки не самая полезная процедура в жизни.

Но еще до того, как Навьен уложил меня на переднее сиденье в джипе Тэранса, я прошептала:

— Только не к князю.

Мой полуобнаженный едва восставший вампир, замер на миг, пристегивая меня ремнями безопасности, посмотрел мне в глаза и с едва слышным отчаянием произнес:

— Каиль, ты не понимаешь, ты...

— Только не к князю. Пожалуйста, — прошептала, теряя сознание.

Все что услышала напоследок — его стон смертельно раненного животного.

Потом хлопнула дверца автомобиля.

Я открыла глаза и посмотрела на солнце. Не на то, которое настоящее и сияет на небосклоне, хотя и оно тоже имелось, пытаюсь прорваться лучами сквозь взлетающие и опадающие легкие белые занавеси в гостиничный номер, а на другое. Напряженно сидящее в кресле рядом с моей кроватью, жующее пончик, и поставившее передо мной целую коробку с пончиками. Разными. С разной глазурью. Свежеиспеченными. У которых один только запах, уже был вкусным.

— Как ты? — напряженно глядя на меня, тихо спросил Навьен.

Улыбнулась, любуясь им, разглядывая каждую черточку его сурового лица, в складку между бровями, на его твердые сжатые сейчас губы... Как я? Да какая разница, Навьен? Я тебя люблю. Я безумно тебя люблю. И я так рада, что ты рядом, что ты жив, что ты не лежишь больше разорванным в морге.

Правда, боюсь, я тебя сейчас не обрадую вовсе.

— Я не беременна, — тихо сказала ему.

И проследила за тем, как недоеденный пончик тысячника падает на пол двумя кусками — вампир стиснул пальцы, даже не заметив этого, и пончик просто сломался. Правда, этого Навьен не заметил тоже — он смотрел на меня.

Он просто смотрел на меня.

Он смотрел на меня так, что... даже мне стало не по себе.

— Еще... раз, — сдавленно выговорил Навьен, словно выталкивая из себя каждое слово с невероятным трудом, — ты... и князь... ты...

Меня передернуло от одного только «ты и князь». Просто передернуло.

И Навьен заткнулся, пристально глядя на меня.

И вот оно отличие моего мужчины, от тысячи других — другой спросил бы, был ли секс, а этот, очень тихо спросил лишь:

— Как ты?

По щекам хлынули слезы.

И теперь все пончики полетели на пол, а Навьен, схватив меня, сгрел с постели, усадил к себе на колени и укачивал как ребенка, пока

я плакала, не в силах остановиться. Просто укачивал, больше ничего не спрашивая, глядя по волосам и спине, и только его мышцы каменели с каждым моим всхлипом.

И решение тоже принял он.

Все дальнейшие решения.

Мы съехали из гостиницы сразу же, уносясь в приближающиеся сумерки на угнанном автомобиле. Одним.

Втором.

Третьем.

Четвертом.

Потом был самолет.

Полет куда-то, в попытке догнать убегающую ночь, заброшенный частный аэропорт в лесу. Снова машина, горная дорога, сырой прогнивший домик в горах, спрятанный среди деревьев и... и являющийся исключительно макетом — настоящий дом был внизу. Вырубленный в горной породе. Отгороженный секретным входом и несколькими бронированными плитами стали. Темный, холодный, с единственным окошком, сокрытом от всех троп, и открывающим вид на пропасть. И встретивший меня чувством тихого счастья, потому что первым, что сделал Навьен, подведя меня к этому окну, были его теплые объятия. Его сильные, такие нежные руки, его уверенность и надежность, он.

— Хочешь вина? — спросил вампир. И не дожидаясь моего ответа, продолжил: — Здесь есть бутылки, которым лет по пятьсот, кажется, завалялась даже парочка несколько постарше.

— Ммм, — протянула я, — а тысячетнее есть?

— Имеется, — усмехнулся Навьен, обняв чуть сильнее, — но, что-то мне подсказывает, что его пить ты откажешься.

Я вздохнула, подбирая какую-нибудь колкость в ответ, но вдруг сказала:

— Не откажусь...

— От вина? — не понял Навьен.

«От тебя»...

— Ладно, пошли бухать, — сказала, решив, что признания явно не по моей части.

И вообще, пропадать так с вином. Тем более если вино коллекционное и древнее, то с таким вообще отлично пропадать

можно, шикарно и весело.

Ну, по крайней мере, я так думала.

— Одна тысяча пятьсот семидесятый год, савиньон бланк, летнего разлива! — торжественно сообщил Навьен, и... сделал глоток.

Скривился, сплюнул, не глядя, швырнул бутылку куда-то в темноту. Я пьяно хихикала, уткнувшись в подушку, потому что... да гадость это ваше коллекционное вино. Мы первые бутылки распечатывая, разливали по бокалам, и пытались все это эстетически пробовать, оценивая вкус, оттенки вкуса, нюансы аромата и прочее... Но теперь я точно знала, во что превращается вино при ненадлежащем хранении — в уксус. И плевать сколько лет выдержки было у этого уксуса, и насколько этот уксус коллекционный, пить его все равно было невозможно.

Единственное, что можно было нормально пить — виски. В принципе мы его открыли, потому что Навьен сильно опасался, что после всего того коллекционного уксуса что я напробовалась, мне станет плохо, так что — я была пьяная. Мне одного стакана хватило, чтобы улететь туда, где все было еще лучше, чем даже здесь, хотя — может ли где-нибудь быть лучше? По-моему нет. Мне было хорошо. Мне было хорошо до такой степени, что я смаковала каждый миг, каждую секунду, каждое мгновение... И мне нравилось все — горящие в подсвечниках свечи, сыр и ветчина, то единственное, что у нас имелось из еды, потому что еду из супермаркета, Навьен собирался забрать из машины после того, как отнесет меня в дом, но я вцепилась в него и просто не хотела отпускать. Даже на несколько минут. На всего несколько секунд. Вообще отпускать не хотела. А машина — до нее минут двадцать туда, потому что вниз по склону, в пещеру, потом обратно, а это уже почти час без Навьена... А я понимала, что час не выдержу, и потому была готова есть сыр, хрен его ведает сколько летней выдержки, и вяленое мясо с ветчиной, которые тут тоже непонятно сколько висели в погребе, только бы он не уходил. Просто не уходил.

И он это каким-то непонятным образом чувствовал. У нас как-то все с ним было на грани интуиции, ощущения, понимания... и не

желания слышать голос разума. Вообще. Спиртное, свечи, он рядом и ощущение, что мы отрезаны от всего мира.

Остановись мгновение, ты так прекрасно... просто остановись. Не хочу больше ничего, вообще ничего, кроме того, что есть сейчас.

Вот только я прекрасно знала, что это лишь передышка, а вопросы... они неизменно последуют.

И когда, проведя взглядом улетевшую куда-то в темноту бутылку, посмотрела на Навьена – отчетливо поняла, вопросы будут уже сейчас.

— Выпьешь еще? — тихо спросил тысячник.

Я удобнее села на старом, но таком мягком кожаном диване, обняла подушку, снова посмотрела на вампира и тихо спросила:

— А нужно?

Навьен отбросил дурашливость вместе с еще одной бутылкой, взял виски, два стакана, подошел, сел рядом со мной, налил – себе до краев, мне совсем немного, передал мне мою порцию.

Выпила залпом, с каким-то горьким чувством остервенения.

Он тоже, махом и до дна.

Вот и кончилось наше бесшабашное и безбашенное счастье.

— Сколько у нас времени? — возвращая ему бокал, тихо спросила я.

— Часа три-четыре максимум, но вероятно меньше.

Навьен был предельно честен. И гораздо более умен, чем я — я рассчитывала на несколько недель, учитывая весь тот путь, что мы проделали.

— А... после? — слова давались тяжело.

— Даркан найдет, — глядя на свечи, пылающие в старинных подсвечниках, тихо ответил вампир.

— Только Даркан? — уточнила я.

Поведя могучим плечом, Навьен ответил:

— У остальных на это уйдет несколько недель. А вот Даркан найдет быстро. Очень быстро, учитывая, что правду о моем воскрешении знает только он.

— Потому что только Даркан знает, что я не беременна? — говорить становилось все тяжелее.

— Да, — все так же глядя на свечи, а не на меня, ответил Навьен.

А вот я на него смотрела. Смотрела, потому что отчетливо поняла — у меня не так много времени, чтобы наглядеться на него... у меня

этого времени безумно мало. Мне его не хватит...

Потянувшись, забрала бутылку с виски у Навьена, отхлебнула прямо из горла несколько глотков, чувствуя, как спирт обжигает горло, пищевод, желудок... но там жжение было все равно мелочью по сравнению с тем, как слезы жгли глаза.

— Он любит тебя, — вдруг сказал Навьен.

Рука дрогнула, но я продолжила напиваться. Интересно, если буду смертельно пьяной, смогу говорить об этом? Смогу ли?

— Каиль?

Я допила бутылку до дна. Закашлялась, отвернулась от сыра, который протянул Навьен, отдала ему пустую бутылку, посмотрела на огонь и... да, в таком состоянии я уже вполне могла говорить.

— Я. Никогда. Не буду. С Дарканом! — выговорила, глядя на то, как свечи раздваиваются вместе с подсвечником.

В голове шумело — птичья болезнь перепил накрывала медленно, но основательно.

— Каиль, — почти простонал Навьен.

— Нет! — как бы я не была сейчас пьяна, мое решение было более чем осознанным.

Вампир помолчал, все так же сидя рядом, и не делая даже попытки прикоснуться ко мне или на меня посмотреть. Затем, судорожно вздохнул, и глядя куда-то в пол, произнес:

— Насколько я понимаю, он тебя даже не изнасиловал.

Вдруг поняла, что хочу еще выпить. Много. Бутылки три. И плевать, что алкогольное отравление может и убить, в настоящий момент, я бы предпочла сдохнуть, чем тихо сказать правду:

— Лучше бы изнасиловал.

Не знаю, это был обман пьяного зрения, или тысячник вздрогнул, и его плечи поникли.

Потом поняла — нет, зрение не подвело.

— Черт... — с глухим стоном простонал Навьен, — как быстро он понял?

Он не смотрел на меня, но я и так догадалась — он сдох, чтобы защитить. От того, что Даркан со мной сделал. Он знал, что для меня это будет хуже смерти. Он знал, поэтому предпочел сдохнуть сам, сдохнуть, только бы я смогла бы сохранить хотя бы самоуважение во всей этой чудовищной ситуации.

И тем больнее было сказать:

— Он знал, Навьен. Он считал все твои воспоминания, и он знал. Ты не предупредил... Ты мог бы хотя бы предупредить, но ты не сказал. А я... я сопротивлялась до последнего. И расплата была жестокой.

Навьен застыл, потом зажмурился, стиснул зубы, сдерживая даже не стон — рев.

А я видимо была слишком пьяна, чтобы заткнуться:

— Не знаю, на что ты рассчитывал, — очень тихо, со всей горечью, выговорила я.

— На секс, — гулко сглотнув, ответил Навьен. — Оборот возможен двумя путями, через укус и через секс, если последний с... кровью. У тебя не было мужчин, Каиль, а Даркан был слишком зол, чтобы тебя беречь — я рассчитывал на секс. На то, что уже к утру, ты станешь вампиром. На то, что он не посмеет поступить с матерью своего ребенка... так.

Зашибись.

Просто зашибись.

— А где-то там, в самой глубине своих расчетов, ты не подумал о том, что я не хочу становиться вампиром, Навьен? — устало спросила я.

Он усмехнулся и ответил:

— У тебя нет выбора, Каиль. У тебя просто нет права выбора. Ты потеряла все свои права, когда Даркан обратил свой взгляд на тебя. Я пытался это остановить. И в полицейском участке. И после свадьбы. Я чувствовал, что здесь что-то не так, в нем по отношению к тебе, что-то совсем не так, думал, секс это решит. А он тебя не тронул, Каиль. Почти потерял контроль над собой, но не тронул. Не захотел ломать. Сделал тебя равной. И он, никогда не считающий женщин чем-то иным кроме сексуального развлечения, пытался тебе... понравиться. Я не знаю, как это донести до тебя, но... он тебя любит. Я...

— Мне плевать! — очень жестко оборвала я все попытки навьеновой исповеди.

Вампир повернул голову, посмотрел на меня тяжелым немигающим взглядом и... я сорвалась:

— Мне плевать, Навьен, на все его чувства, все попытки казаться милым, на все. Потому что, как бы сильно он не любил, ОН НЕ ИМЕЛ

ПРАВА ТАК ПОСТУПАТЬ СО МНОЙ!!!

Последнее прозвучало криком. Оглушившим даже меня. Отразившимся от стен, унесшихся эхом куда-то в глубину горы.

— Он не имел права так поступать со мной, — чувствуя, как с ресниц срываются слезы, прошептала я. — Не имел, понимаешь?

В темных глазах тысячника я прочитала ответ, который знала и сама — имел. Потому что вампир. Потому что сильнее. Потому что даже не просто вампир — а князь вампиров. И хоть вой, но реальность такова, что Навьен прав — я потеряла все свои права в тот миг, когда села в автомобиль князя Даркана. Я потеряла право на жизнь. Я потеряла право на смерть. Я потеряла даже право оставаться собой.

Что ж, в таком случае... мне плевать, на что я теперь имею право, а на что нет. Если им плевать на законы, то почему я не могу плевать на тех, кто плюет на законы?!

— В общем, так, — я попыталась подняться. Раза с третьего даже удалось, правда подушка улетела на пол и я не рискнула нагнуться за ней, потому что не была уверена, что просто не свалюсь следом. Напилась я, короче.

— В общем, — повторила, пошатываясь, — мне плевать, что ты сейчас скажешь. Плевать, на все твои «Даркан тебя любит», мне уже на все плевать, понимаешь? Я не буду с князем. Есть вещи, простить которые невозможно. Такие, к примеру, как твоя смерть...

Навьен усмехнулся и ответил:

— У него были и право, и причина меня убить.

Вздохнул и добавил:

— Это ты ничего не понимала, Каиль, а я отчетливо все осознавал. Я не имел права целовать тебя, но не удержался. И если ты вспомнишь, это тоже было насилием. И тебе вообще не понравилось — ты испугалась. Ты была просто в ужасе, видела бы ты свои глаза в этот момент... И мне не понятно, что произошло дальше. Свои чувства я объяснить могу, но твои — нет. Я все тот же вампир, Каиль, я отношусь к тем, кого ты вполне обоснованно ненавидишь, так откуда твоя любовь? Ты просто почему-то решила, что ответственна за мой поступок и мою жизнь, но это не так. Я виноват, Каиль, я не должен был этого делать.

И он посмотрел на меня глазами побитого волка. Волка, который вытерпел избиение только из-за чувства вины и страха... страха за

меня.

— А мне плевать! — вдруг поняла, что мне еще и «тошнить», причем не только от виски и перепробованного уксуса, но и от ситуации. И устав от разговоров, я тихо сказала: — Я люблю тебя, Навьен. Не знаю как, и каким образом, ты настолько больной на всю голову, особенно этой своей преданностью князю Даркану и выражениями типа «он имел право меня убивать», что я правда не понимаю, за что и когда успела в тебя влюбиться, но... что есть, то есть. Я рада, что ты ожил. Не знаю, каким образом, да и плевать, главное что жив. И я... я буду верить, что это великая сила любви, или молитвы... Знаешь, я ведь молилась возле твоего тела, я бога просила, чтобы ты вернулся. Ты, вампир, у которого вообще какая-то другая религия, да и с мозгами явный непорядок, а я за тебя молилась, Навьен.

Меня пошатнуло сильнее, пришлось ухватиться за руку, протянутую им. И вот вампир же, к тому же на всю голову больной, но чего у него не отнять — так это способность меня поддерживать.

— Я хочу быть с тобой, — не знаю, как смогла это выговорить.

Вампир рывком притянул к себе, обнял, прижался губами к моему животу, поцеловал, так бережно, так пронзительно нежно, а после обреченно произнес:

— Я никогда не трону тебя, Каиль. Никогда, понимаешь? Я не знаю, как ты вернула меня к жизни, но после смерти все, чего я хотел — быть рядом. Видеть тебя, твоих детей, знать, что ты жива. Я люблю тебя. Я люблю тебя больше своей гребанной почти вечной жизни, и потому не трону. Никогда не трону.

У меня сердце перестало биться.

— Навьен...

Он прорычал что-то на своем, заставляя меня заткнуться, сжал сильнее, и совсем тихо добавил:

— Я подышал счастливым, Каиль, искренне веря, что сумел защитить тебя по мере своих сил и возможностей. По крайней мере, я знал, что ты останешься жива. В любом случае, ты останешься жива. А вот если я тебя трону... Мне больше тысячи лет, Каиль, и я прекрасно знаю, что как бы не берег тебя, как бы не пытался скрыться — Даркан нас найдет. И мне плевать, если сдохну я, понимаешь? Потому что есть вещи страшнее смерти, Каиль. Гораздо страшнее. К

примеру, увидеть, как князя убивают твою жену и детей. Вот это страшно. И потому ты будешь рожать от Даркана, Каиль, а я... мне будет достаточно, просто видеть тебя живой. И я буду любить твоих детей, как собственных. Прости, Каиль, но иначе не выйдет.

Я стояла и плакала. Молча плакала. Просто слезы текли и текли по лицу, срываясь вниз на черные волосы сжимающего меня в объятиях вампира.

А еще виски это, и какое-то обозленное желание взять и соблазнить. Навьена. Он ведь с трудом удержался тогда, в ванной. А я... что мне терять? «Счастливую» жизнь с тем, кого я уже даже не ненавижу, а нечто большее? Или просто взять и настоять на своем, и получить пусть несколько минут, но счастья с тем, кого я люблю, и кто по-настоящему любит меня?

— Навьен, отнесешь меня в постель? — почти невинно спросила я.

— Конечно.

Он поднялся.

Посмотрел мне в глаза. Прикоснулся к щеке...

И в этот момент гора содрогнулась.

Я едва ли поняла, что вообще происходит, как уже находилась за спиной Навьена, умудрившегося откуда-то достать пистолет.

Но... я осознала, что стрелять он не будет, едва услышала издевательски-насмешливый голос:

— Какая встреча.

И Навьен опустил пистолет.

А у меня опустились руки.

В направлении пистолета, естественно.

Об одном пришлось очень пожалеть — у вампиров реакция сверхбыстрая, и Навьен сжал пистолет прежде, чем я попыталась его отнять. Так мы и замерли — огромный тысячетный вампир, мои пальцы поверх его, сжимающих пистолет, и... ощущение широкой спины, за которой для меня всегда будет место, хочу я того или нет, готова ли я на это или нет, согласна я на такую жертву, или же нет.

— Прекрати, — очень тихо сказал Навьен.

Не поворачиваясь, не сводя взгляда с появившегося князя, и... продолжая стоять защищающей меня стеной. Моей стеной.

— Каждому дьяволу положен свой ангел, — насмешливые слова князя резанули по нервам. — Как самочувствие, друг мой?

Навьен рывком высвободил свою руку с пистолетом из моего захвата, отшвырнул оружие и хрипло ответил:

— Вам следовало меня сжечь, мой князь.

Такой спокойный бесстрастный ответ, с оттенком искренней убежденности в своих словах.

— Смысл? — князя я не видела, все так же стоя за Навьеном.- Я был зол, вполне обоснованно зол, Навьен, но вот идиотом я никогда не был. Как давно доктор Савадж и Тэранс под влиянием дома Мортем?

Что?!

Меня не покидало ощущение, что это я тут самая трезвая, а вот эти двое... эти...

— У доктора Савадж есть сын, о котором я перестал что-либо слышать последние пару месяцев. У Тэранса несколько недель назад умерла любовница, она отказалась от оборота и предпочла умереть человеком. Это был ее выбор, Тэранс его принял, но боль осталась. Вам известно о способностях дома Мортем, в обоих случаях они оказались в нужное время в нужном месте и использовали... свои возможности.

Я как стояла...

— Так можешь и сесть, — задумчиво произнес князь.

Я не собиралась, но Навьен очень технично отошел в сторону, а после молча указал мне же на диван. Я не села — я рухнула, пытаюсь хоть что-то во всем этом понять. И я... я не понимала. У Тэранса умерла любимая женщина? Савадж потеряла сына? Да что тут происходит вообще?!

— Почему Савадж не пришла ко мне? — задал вопрос князь.

Так как я теперь сидела на диване, у меня появилось весьма сомнительное удовольствие его лицезреть — Даркан стоял в дверном проеме, прислонившись плечом к косяку и сложив руки на груди. Вид у него был беспечно-валяжно-безупречный, на глазах очки в золотой аристократично-изящной оправе, волосы, как и всегда идеально уложены, в глазах вместо холодной насмешки, непривычная задумчивость.

— Я, — Навьен гулко сглотнул, — я полагаю причина в вашем отце. Вас судят по его поступкам. От вас ожидают его маниакальной

жестокости, а потому... Дом Даркан пугает на порядок больше, чем дом Мортем. Вам готовы преданно служить, но... просить о чем-либо не решится никто.

— Мда, — задумчиво отозвался князь, — быть сыном моего отца то еще удовольствие. На выход. Оба.

Разбежалась!

Даркан посмотрел на меня, усмехнулся и с самым издевательским видом снял очки...

Через секунду я стояла рядом с ним, одновременно и ненавидя себя за эту противоестественную покорность и пытаюсь вспомнить, куда конкретно Навьен зашвырнул пистолет.

— Полагаешь, поможет? — язвительно поинтересовался Даркан.

И взял меня за руку.

Убежище мы покидали на внедорожнике князя. Даркан вел автомобиль сам, Навьен сидел на пассажирском сиденье, меня устроили лежа сзади, и даже одеялком укрыли. Точнее укрыл. Князь. В принципе пресекая какую-либо возможность для Навьена даже прикоснуться ко мне.

А после нас ждала долгая многочасовая дорога, и единственным плюсом для меня в этой ситуации было то, что можно было поспать. Можно было бы, но не хотелось.

— Почему вы допустили кризис власти? — спросил через некоторое время Навьен.

— Допустил? Нет. Я его спровоцировал, — с усмешкой ответил Даркан. — Знаешь, Каиль удивительная девушка. Такая обычная на вид, неприметная, неопасная, но... она умеет задавать очень правильные вопросы. И указывать на те вещи, что в сонме происходящего ежедневно, практически остались без контроля. Конфликт я спровоцировал лишь по одной причине: не способен уничтожить — возглавь.

Навьен молчал несколько секунд, затем задал вопрос:

— Кто еще знает об этом?

Ответом Даркана была лишь усмешка и он вдавил педаль газа до упора. Мотор взревел, мы понеслись по прямой уже дороге, и я вдруг поняла — он не гнал по горам, просто чтобы меня не мотало из стороны в сторону на поворотах, а теперь, когда дорога была прямой, вампир перешел на привычную вампирскую скорость — и плевать, что она превышала разрешенную раза в три.

— Ты поставил Каиль под удар, — спустя несколько минут произнес Даркан.

Мне чтобы услышать, приходилось вслушиваться — мотор ревел, за стеклами автомобиля свистел ветер.

— Я... — Навьен запнулся.

— Знаешь, какой вопрос я все время задаю себе, глядя на вас двоих? — продолжил князь. — Как, девушка, которую я так сильно

люблю, может быть счастлива не со мной? Как, Навьен?!

Вдруг поняла, что хочу зажать уши ладонями и не слышать. Просто всего этого не слышать.

— Забавно, да, — с издевкой над самим собой произнес Даркан. — Меня учили править. Учили просчитывать каждый шаг моих врагов на пятнадцать-двадцать ходов вперед. У меня есть власть, деньги, сила, способность влиять и подчинять, и даже дьявольское обаяние, Навьен, у меня все это есть, включая молодость. Так почему она выбрала тебя?

Пауза и злое:

— И почему все это допустил ты?!

Навьен молчал, я... я всего не хотела слышать, но вот его ответ — я бы услышала. Увы, ответом Даркану была тишина.

— У Тэранса есть теория, что твоим мотивом стало желание возвысить свой род до княжеского, — продолжил Даркан. — Хорошая теория. Я бы даже поверил. Если бы не одно «но» — мы оба любим ее не за кровь. Более того, и я, и ты — были бы счастливы, окажись она простым человеком.

— Да, — глухо подтвердил Навьен.

Даркан усмехнулся, и устало произнес:

— Знаешь, забавно — все мечтают вытащить козырной туз из колоды карт. И тут такая удача — я эту заветную карту вытащил. И, казалось бы — мечта сбылась, тебе неимоверно повезло, ты счастливчик, все вампирские дома захлебнутся от зависти, вот только... Я бы отдал многое, за то, чтобы она была простым человеком.

— Я бы тоже, — мрачно уведомила князя.

Даркан лишь взглянул на меня в зеркало заднего вида, а затем перешел на язык, который мне не был известен в принципе. И Навьен отвечал ему, сначала скупно и сдержанно, но после значительно более эмоционально и вовлечено.

И я адски злилась на него за это. Все понимаю — у вампиров субординация в крови, Навьен дохрена лет служил дому Даркан, но после того, что князь сделал с ним, вот так вот легко и непринужденно общаться?!

Я не могла этого понять. Ни понять, ни принять, ни... вообще ничего. Меньше суток назад Навьен лежал разорванным. Мой сильный, жесткий, негибачаемый Навьен, который тупо подох ради

меня, сейчас... оживленно обсуждал что-то со своим убийцей. По-деловому, сосредоточенно, явно разбирая ситуацию на составные части, чтобы проще было решить, вот только — не так давно сам тысячник был разобранным на составные части. И мне плевать, что он простил это князю — потому что я никогда не прощу. Ни убитого Навьена, ни того, что Даркан сделал со мной.

А Навьен... я никак не могла отделаться от чувства обиды, почти детской, такой глупой и наивной, от ощущения, что Навьен предал меня.

Хотя глупо, да. Кто для него я и кто Даркан...

И все равно больно.

Он ведь знает, он все знает, а о чем не знает — должен был догадаться, уверена — догадывается, но... Вот они вдвоем продолжают увлеченно обсуждать ситуацию, и в глазах Навьена уважение. Не заискивание, не подобострастие, не поклонение — уважение там. Уважение, млять! И признание. И еще более возросшее уважение.

Не смогла на это смотреть — нервно отвернулась, лицом к черному кожаному сиденью, и... я не хотела возвращаться. Не хотела. Очень мерзко ощущать себя марионеткой, а Даркан по полной программе обеспечивал меня подобным... удовольствием. И мне казалось, я начала сопротивляться, мне казалось, я научилась давать отпор, я думала, что со временем, смогу не подчиниться... Не смогу. Ему хватило лишь взгляда, чтобы я подскочила в пещере с дивана и покорной собачкой подошла к нему, и что-то мне подсказывает, что если бы он захотел, чтобы я подбежала — я бы подбежала. Или подползла. Или припрыгала. Я бы сделала абсолютно все, все что он хочет, потому что он, твою мать — хозяин жизни. Гребанный хозяин жизни. Которому можно вообще все, и ему за это все никогда ничего не будет. Который может убить даже своего служащего, и тот, после этого, будет все так же преданно ему служить...

Ненавижу.

Обоих.

Одного так сильно, что темнеет в глазах, а другому просто по морде хочется дать, чтобы в себя пришел. Но не придет ведь.

И мне было обидно. Безумно, бесконечно... до слез обидно.

Я так и провалилась в сон, чувствуя, как глаза жгут слезы.

Кажется, потом мы куда-то летели.
Кажется, потом снова ехали.
Кажется, мне приснился тихий диалог:
*«- Каиль, она...
— Она моя, Навьен. Тему закрыли».*

Я проснулась от того, что меня кто-то целует. Такие осторожные, пронзительно нежные прикосновения, ласковые, трепетные, наполненные любовью, и в то же время — властные, сильные, уверенные, жесткие. Сплошное противоречие. Две грани несовместимого. Жаркое дыхание пустыни Смерти, и ледяной холод наполненного айсбергами северного моря.

Даркан был таким — холодный как сталь, опасный как лезвие бритвы, и в то же время упоительно нежный, как ветер, скользящий по телу, как луч солнца, согревающий лицо, как нежный шелк, сползающий с обнаженной кожи.

«Каждому дьяволу положен свой ангел».

Моим дьяволом был вовсе не Навьен.

— Правильно, — тихий шепот у виска, — твой дьявол я, Каиль. Исключительно я. Доказать?

Ответа ему не требовалось.

— Полагаешь?

Тонкие пальцы соскользнули вниз по спине, ладонь с явным удовольствием коснулась того, что физиологически находилось ниже, и Даркан прошептал:

— Напомни, сколько раз ты была в небесах в нашу последнюю ночь, моя сладкая?

— Ни разу! — прошипела, больше всего желая сдохнуть, желательно прямо сейчас. — С тобой, упырь, на небесах я не была ни разу. Каждый раз это только пропасть, и единственное, чего ты добился, так это того, что меня тошнит теперь не только от тебя, но и от себя тоже!

Пальцы, уже изучившие мое тело настолько, насколько я сама его не знала, остановились.

— Почти... оскорблен, — холодно произнес Даркан.

— Только «почти»?!

Тихий вздох. А затем, вампир, чуть отстранившись, развернул меня к себе. Смотреть на его аристократическую рожу то еще

удовольствие.

— Да-да, знаю, я урод, монстр и хуже животного, — с усталой усмешкой произнес Даркан. И неожиданно сообщил: — Каиль, нам нужно поговорить.

Я отодвинулась, нашла покрывало, прикрылась им по самую шею и посмотрела на кровососущего князя. Даркан был... как и всегда до зубного скрежета идеален. Черные с пепельными прядями, гладкие, идеально уложенные в эстетичный беспорядок волосы, безукоризненно отглаженная черная шелковая рубашка, идеальная светлая кожа, пристальный внимательный умный взгляд, и усмешка, на изящном аристократическом лице.

— Да, я все тот же, — съязвил князь.

— Да, а я, к сожалению, все так же вынуждена тебя лицезреть, — он реально думал, что язвить тут может только он?!

Даркан усмехнулся. Осторожно прикасаясь, убрал несколько прядей с моего лица, посмотрел в мои глаза и тихо спросил:

— Как ты оживила Навьена?

— Силой молитвы! — гордо ответила я.

Улыбка на красивых губах Даркана стала явственнее.

— Хорошо, буду откровенна — силой любви! — сделала я еще более гордое заявление.

Улыбка с лица князя сползла в то же мгновение. Хоть что-то приятное.

Жаль, приятные вещи редко длятся долго.

— То есть, ты сама не понимаешь, как это произошло, — сделал вывод князь.

И, к сожалению, вывод был верным.

— Слушай, — я вздохнула, подтянула одеяло еще выше, — я правда не знаю, как я это сделала, и я не уверена, что во второй раз что-то получится, а потому... не надо больше его убивать, хорошо?

Даркан посмотрел в мои глаза. В этом взгляде не было гнева, злости, или даже негодования, в нем было что-то... что вампир хотел объяснить, и теперь он просто подбирал слова, как и всегда собираясь быть идеальным во всем, даже в объяснениях. Собираясь быть убедительным.

И у него получилось...

— Каиль, — тонкие пальцы скользнули по моей щеке, — представь себе, что у тебя в доме живет даже не пес бойцовой породы, а волк. Он опасен, он непредсказуем, он зверь. И как бы долго он не прожил с тобой, ты всегда будешь пристально-внимателен к нему, гораздо более внимателен, чем к остальной своре собак самых разных пород, которые преданно тебе служат. Потому что отчетливо понимаешь — это не собака, это волк. И все, что ты можешь противопоставить ему — свою силу.

Я открыла было рот и закрыла его обратно. Меня покорило сравнение Навьена с волком, и в то же время — это было очень точное сравнение. Навьен был волком. Его хищный взгляд, его жесты, его звериная уверенность в себе, сдержанное внутреннее достоинство, и какое-то недоступное мне интуитивно четкое восприятие реальности. Навьен был именно волком, потому, что в отличие от всех остальных, в нем не было ни капли подобострастия перед князем. Уважение, понимание, что Даркан сильнее, но никак не подобострастия. Ластиться к хозяевам и быть беззаветно преданными могут псы, но не Навьен. Навьен служил, а не прислуживал. И когда у него появились чувства ко мне... нет, предавать он не стал, и удара в спину не нанес, хотя я подозревала, что мог бы, он просто пожертвовал собой, ради меня.

И я даже не знаю, что хуже.

— Хуже всего осознавать, ты зоофилка, — съязвил Даркан.

— Садист и моральный урод! — мгновенно ответила я.

— Возможно, — согласился князь. — Но это не отменяет того, что ты, столь яростно доказывающая, что мы вампиры, что-то вроде зверей и секс с нами извращение, в итоге вполне себе была согласна на секс с Навьеном, и собиралась его соблазнить в момент моего появления в горах. И это как-то в очередной раз противоречит твоим собственным утверждениям, не находишь?

Да чтоб ты сдох!

— Но это никак не противоречит тому, что ты садист и моральный урод! — надоело молчать.

Я за все эти дни свое уже отмолчала.

Даркан улыбнулся. И вдруг, совершенно серьезно сказал:

— Мне нравится, когда ты такая — живая, дерзкая, сильная. И глядя на тебя сейчас, я понимаю, что не зря сдерживал себя все эти

ночи. Хотя уже давно, очень давно, желание и голод почти заглушили слабый свет надежды. Люблю тебя.

И он поднявшись, направился к двери, подхватив черную кожаную куртку со спинки стула, по пути к выходу. На пороге остановился, обернулся и сообщил:

— Позавтракаешь сегодня без меня. Прости.

Нашел, за что просить прощения!

Да я была счастлива каждому мгновению без него.

На завтраке присутствовали только два лакея, Грэя и Тэранс. Оба собирались стоять, как и всегда, но я попросила составить мне компанию, и после того как мы перешли уже к чаю, тихо спросила:

— Тэранс, а что за история с вашей лю... — чуть не сказала «любовницей», но увидела, как мгновенно подобрался вампир, и исправилась, — любимой?

И Тэранс сник.

Такой огромный вампир, с проседью на висках коротко стриженных волос, с могучими плечами и широкой спиной, уверенный и сильный... вдруг словно постарел даже не на десятки, на сотни лет.

Несколько секунд он молчал, глядя в чашку с черным чаем перед собой, а потом поднялась Грэя, жестом приказав уйти прислуге, и сама тоже вышла, оставляя нас одних в этой мигом опустевшей столовой.

И вот тогда Тэранс заговорил:

— Это было утро. Я ехал домой, по локоть в крови, потому что свежак оставили без присмотра, и те от голода сорвались... Дом Мортем, как и всегда. Убить пришлось многих. Я ехал и ничего не видел, кроме руля, испачканного кровью, и того, как эта кровь грязными рваными кусками падает с моих рук. А потом я увидел ее.

Он поднял взгляд от чашки, и посмотрел в окно, вот только едва ли его видел — он сейчас смотрел в прошлое.

— Девчонка совсем, — на жестких губах тысячника промелькнула неожиданно теплая, такая бесконечно теплая улыбка, — зареванная, нос распух, глаза красные, губы дрожат. Вцепилась в ограждение на мосту трясущимися руками, и никому в равнодушном потоке едущих по мосту машин, не было дела до того, что этот ребенок собирается свести счеты с жизнью.

Усмешка, и едва слышное:

— Мне было. Было дело. В ту ночь я убил слишком многих, хотелось спасти хоть кого-то. И я рванул к ней. Через две сплошные, с визжащими тормозами, спалив резину. Перепугал. И когда подъехал, резко затормозив, и когда выбрался из машины — грязный, весь в

крови, злой. Хотелось схватить за плечи, встряхнуть, наорать. Спросить «Да какого черта?», «Почему ты не ценишь свою жизнь?!», «Зачем?». А потом просто увидел.

Тэранс опустил голову, вновь глядя в чашку с чаем и продолжил:

— Яна была беременна. Шестой месяц. Семнадцать лет девчонке. В ту ночь, ублюдок, сделавший ей ребенка, прислал СМС, что она ему не нужна, ни она, ни ее ублюдочный ребенок. Она сама из неблагополучной семьи, она знала, что ее мать отправит ее на аборт, и этой пьянице будет плевать на срок, на дочь, ее мамаше давно было плевать на все. Иногда я ненавижу людей.

Я потрясенно молчала. Знала ли я о таких историях? Знала. А кто не знал? Девочкам нужна любовь, она нужна им как воздух, и если в семье нет любви и понимания, такие дети начинают искать ее на стороне, а когда ты молоденькая девочка, слишком много ублюдков, готовы «сыграть в любовь». Итог – ранняя беременность, быстро сливающиеся некогда «единственные, искренне любящие», и маленькая беременная девочка, которая просто не знает, что ей делать и как быть той, которую предали, которую бросили. Таких историй тысячи. Сотни тысяч. Такие истории уже давно почти обыденность, но каждый раз так больно за этих девочек.

— Она боялась меня, — тихо продолжил Тэранс. — До крика боялась, все думала, что я ее сожру как-нибудь. Глупая. Я ведь помочь хотел. Просто помочь. Купил ей квартиру, тряпок, украшений, все пытался объяснить, что только хочу помочь. Она не верила... Это как маленькие уличные котята, руку протянешь, чтобы погладить, а они пригибаются и ждут удара. И больно на это смотреть, и сделать ничего не можешь – это их опыт, хорошего они не видели, и все что остается, лишь верить, что время поможет. Но времени судьба нам не предоставила.

Лицо вампира ожесточилось.

— Яна была больна. Смертельно по вашим меркам, «вероятность выживания 99%» по нашим. Я мог ее спасти, мог, достаточно было лишь обратиться вампиром, но в этом случае она потеряла бы ребенка. ВИЧ. Заразилась от того единственного, кто был ее мужчиной, кто стал отцом малыша. И я жалею до сих пор, лишь о том, что не убил эту падаль сразу. Он увидел нас в магазине детской одежды, мы покупали все к рождению малыша. Он решил, что Яна моя любовница, и что она

обманула меня и выдает его ребенка, за моего. Он решил, что это замечательный повод получить бабло, начав ее шантажировать. Ненавижу людей. Просто ненавижу.

Тэрэнс запрокинул голову, тяжело дыша и пытаюсь сдержать оборот. Зверь рвался из него. Выдвигающейся нижней челюстью, резко обозначившимися скулами, медленно алеющим взглядом.

— Никогда не понимал, и уже не пойму, но вы, человеческие женщины, вечно любите не тех. Я ни к чему ее не принуждал, ничего не требовал, ничего не просил, я просто пытался помочь... А она побежала к нему, как только я уехал утром. В то утро я даже будить ее не хотел, заглянул, она беспокойно спала ночью, ворочалась, я же вампир, я даже в другой комнате это слышал, думал плохо, ложные схватки, или кашель опять. Мне стоило бы проверить ее телефон. Стоило бы, но с ее семьей я уже разобрался, денег дал, и давал еще, когда просили, я... не ожидал никаких подстав от ее прошлого. Я уехал по делам, позвонил ближе к полудню, не удивился что не ответила, Яна много спала, она плохо себя чувствовала и я... я не удивился. Не заподозрил. Не думал, что она способна на такую глупость, как отправиться к своему подонку.

Еще один судорожный вздох, и он продолжил:

— Когда пришло сообщение из банка, что Яна сняла значительную сумму с карточки, я тоже ничего не заподозрил. Это ведь для вас большая сумма, для таких как я — мелочь. У нее был лимит на сумму в сто раз больше, и она знала об этом. А он нет. И потому, когда получилось снять сто тысяч, удивился, потом подумал и снял еще столько же. Второе сообщение из банка. Вот тогда я понял, что что-то не так — Яна никогда не хотела брать мои деньги. Она тратила, но на самое необходимое, не хотела быть должна...

И на этом эмоции вампира закончились. Остальное звучало сухими, обрывистыми фразами.

— Мы, вампиры, мы получаем информацию практически мгновенно, и все банкоматы в любом месте — под нашим контролем. Найти тот, через который снимали деньги и обнаружить морду этого уроды — заняло минуты три. В этот момент охранник уже осматривал квартиру, которую я купил для Яны, а я ехал на квартиру этого уроды. Я не успел. Я. Не. Успел.

Несколько долгих секунд Тэранс молчал, затем едва слышно продолжил:

— В ретроспективе события выглядели так — она пришла к нему. Он отобрал ее карточку и имеющуюся при ней наличность, и избил, выбивая из нее пин-код. Я не знаю, почему она не сказала ему сразу. Не понимаю. Я пытаюсь понять, но... не понимаю. Она хотела защитить мои деньги? Зачем?! Вопрос, который я задаю себе снова и снова...

Взгляд на меня и обреченное:

— Она умерла. К тому моменту, как я снес двери и ворвался в его квартиру, она уже умерла. Все что в ней было живого — ребенок. Его ребенок, и за одно это, уже хотелось, чтобы он сдох, но... Это был и ее ребенок. Ее... Я вызвал скорую. Естественно нашу. Естественно они приехали мгновенно. Ребенка спасли. Не сразу, но интенсивная терапия у нас поставлена на порядок лучше вашей, а ребенка я обратил... Но пока моя кровь боролась с вирусом, пока кислород прошелся по всем венам, пока док сказал, что теперь точно будет жить — прошло более часа. Я не знаю, в какой момент из этого времени, в клинике появился князь Мортем. Мы просмотрели все записи со Сторсом, но не нашли — записи стерли. Именно за тот, наполненный для меня отчаянием час. Это особенность дома Мортем, княгиня, они проникают в разум тогда, когда он затуманен эмоциями. Проникают и остаются там, не дергаясь, не проявляя свое присутствие, скрываясь. С такими вампирами как я, у них есть только один шанс нанести удар, и они его использовали, поддавшись на провокацию князя.

Тэранс выпрямился, вновь став таким, каким я его знала — сильным, уверенным, хладнокровным.

— А... ребенок? — спросила я.

— Девочка. Анни. У нее мамины глаза, такие же ясные, как кусочек летнего неба. Моя дочь, — вампир странно улыбнулся.

Странно, и в то же время так по-человечески. В этой улыбке была и горечь утраты, и светлая грусть, потому что из тех двоих, что были тогда на мосту, он смог спасти хотя бы ребенка, и тихая радость от того, что у него теперь есть дочь.

— Сейчас, пока она совсем крошечная, ею занимается моя жена, — Тэранс развел руками. — После смерти наших детей, она

пребывала в склепе, для нее жизнь была кончена еще четыреста лет назад, но я попросил, и она согласилась.

Если весь его прежний монолог был понятен мне дословно, то сейчас... боюсь, я, как сидела, так и продолжала сидеть.

— Жжена? — переспросила, пытаюсь хотя бы осознать.

Странно посмотрев на меня, Тэранс произнес:

— Княгиня, мне полторы тысячи лет, естественно у меня есть жена.

Естественно есть жена, но четыреста лет она провела в склепе! Атас! Как это вообще понимать?!

— То есть, вы ее оживили? — предположила я.

На меня посмотрели, как на полоумную. Затем Тэранс сухо произнес:

— Княгиня, мы — вампиры. Мы априори бессмертны. Если нас не убивать — мы не умираем. Но мы можем уйти из жизни добровольно, впадая в сон на любой неопределенный срок, и так же в эту жизнь вернуться, если появилось на то желания. У Асеиэль желания не было, но плачь ребенка пробуждает даже глубоко спящую давно потерявшую своих детей мать. Она проснулась. Она воспитает и вырастит Анни как нашу дочь и наследницу, в Анни в любом случае теперь моя кровь, так что в права наследования она вступит, даже если меня к тому моменту уже не будет существовать.

А...э...эм.

И тут я заметила, что с носом Тэранса что-то не так, ноздри странно округлой формы, заметила в принципе, еще когда он голову запрокидывал, просто как-то не обратила внимания, а сейчас вот...

— Простите, а это? — начала было, указав.

— Фильтры, — просветил меня тысячник. — С момента казни Навьена, князь приказал всем использовать их, надевая на входе в дом. В тот раз, находясь под влиянием Мортем, я... не выполнил приказ. Простите, я виноват.

Кивнула, принимая извинения, и спросила:

— А отец? Тот, который убил Яну, он... жив?

На меня посмотрели еще более странно. В том смысле, что смотрели очень внимательно, но как на очень странную женщину.

— Княгиня, а вы действительно верите, что у него был шанс остаться в живых, после содеянного?!

Я вдохнула побольше воздуха и... промолчала я.

— Он подох как крыса, — глядя на меня невозмутимыми лишенными эмоций темными глазами, произнес Тэранс. — Крысе — крысиная смерть, я так считаю. Поэтому я оставил его прикованным к батарее в подвале одной из заброшенных высоток. Его сожрали крысы. Не за одну ночь, и даже не за две. Когда Яну опускали в могилу, у меня в наушнике в режиме он-лайн звучали его крики. Это успокаивало. Меня. Что-нибудь еще, княгиня?

Глядя на него, я хотела спросить еще о многом. Труп обглоданный крысами — не самая редкая находка для полиции. Труп, прикованный наручниками к батарее, и обглоданный в итоге крысами тоже. Я за все время своей работы, с таким сталкивалась раз пять, и теперь да, у меня были вопросы. Но было и что-то другое, то, что заставляло видеть в тысячнике не хладнокровного вампира, что лично для меня было равнозначно «безжалостный убийца», а мужчину, которому тошно убивать и тошно от смертей. Мужа, чья жена добровольно четыреста лет пролежала в могиле. Отца, у которого убили всех детей, и в живых не осталось никого. И вот он, бессмертный, в свои полторы тысячи лет, несмотря на силу и положение, бесконечно одинокий вампир, у которого отняли даже шанс спасти беременную девушку от смерти. Он не спас. Не смог. Просто потому, что она любила всем своим наивным сердцем, и была предана тем единственным, кому когда-то наивно поверила.

И, если честно, я задала не тот вопрос, который мне следовало задать, как полицейскому:

— Почему вы еще живете?

Правда, я не понимала. Я... просто не понимала. Она ведь ему не нравилась, эта жизнь, не нравилось убивать, а теперь не было нужды переживать даже за спасенного ребенка — об Анни заботилась его жена. Поэтому я не понимала, но, хотела понять, хотя бы просто понять.

— Я служу дому Даркан, — глядя мне в глаза, сказал Тэранс. — Я служу тем, кто принес мир и процветание нашей расе. Я служу потому, что могу и буду делать все, что в моих силах, чтобы такие как Мортем не пришли к власти.

Я перевела взгляд на стол. Сегодня опять только фрукты, овощи, цельно-зерновой хлеб и сок, жуткая смесь апельсина, сельдерея и

томата. Не то, чтобы совсем невкусно, но по доброй воле я бы такое пить точно не стала.

Интересно, а было ли что-либо, что я в принципе стала бы делать по доброй воле в этом доме? Боюсь, что нет.

Впрочем, кое-что имелось:

— Два вопроса, — я вновь посмотрела на Тэранса, — что сейчас в принципе происходит?

На этот раз второй тысячник Даркана молчал долго, видимо подбирая слова, затем начал обрисовывать ситуацию.

— Дом Мортем пытается добиться союза с домом Даркан. Любыми методами. Любыми способами. Используя любые средства. И княжна Мортем была предложена князю Райдену Даркан еще в младенчестве, но даже князь Астор, несмотря на все свои недостатки, понимал, что подобный союз станет уничтожением для его дома. Поэтому выбор невесты для наследника, был поручен лорду Навьену.

Тэранс разместил правую ладонь на столе, и нервно постукивая указательным пальцем, продолжил:

— В целом, придя к власти, князь Даркан мудро взял паузу в принятии решения по поводу брака. Он знал, что последует за его решением – дом Мортем начнет войну. И, как вы уже знаете, был прав.

Помолчав еще, тысячник произнес:

— Мы были готовы к потерям. И первая волна бессмысленных жертв во имя славы дома Мортем прокатилась в день, когда князь Даркан официально объявил леди Малисент своей невестой. Мы справились с этим. И в то же время, мы, естественно, ожидали, что эта волна последней не станет, это было лишь разминкой в войне, к которой готовились более восьми сотен лет.

Еще одна пауза, но замалчивать дальнейшее Тэранс не стал.

— Княжна Малисент была прекрасной кандидатурой на роль княгини Даркан. Юная, сильная, выносливая, готовая посвятить свою жизнь служению дому Даркан и... поддержать нашего лидера. Ее выбирали, ориентируясь именно на это – она должна была стать поддержкой и опорой князю. Но... появились вы.

Взгляд на меня. Тэранс скривился, явно не слишком одобряя мою кандидатуру в целом и в частности тоже, но...

— Решения князя не подлежат обсуждению. Приказы князя подлежат мгновенному исполнению. Преданность князю –

безгранична.

— М-да, — протянула я, и я была бы не я, если бы тут же не напомнила об одной маленькой детали: — Князь Даркан приказал вам оставить в замке тело Навьена, но, вы, этот приказ...

— Это не было приказом, — тысячник вдруг улыбнулся, с какой-то ироничной полунасмешкой глядя на меня. — Княгиня, когда князь отдает приказ — его выполняют. В этом сила дома Даркан. Мортам приходится подстраиваться и искать лазейки для проникновения в разум, а для Дарканов препятствий — нет. И если князь приказывает — его приказ исполняют мгновенно. И если бы он действительно приказал...

Продолжать тысячник не стал, все так же с покровительственной иронией взирая на меня.

Наверное, мне в этот момент больше всего хотелось бы поставить под сомнения его слова, но... когда Даркан приказывал, я... не горю желанием думать об этом.

— А к чему была вся эта история с Навьеном? — задала тот второй вопрос, который так хотелось задать.

Вампир повел плечом, размял шею, таким типично навьеновским жестом, что у меня заныло сердце, и ответил:

— Все предельно просто. Вы, княгиня, вскрыли тот факт, что на секретарей князя оказывалось влияние. На обоих секретарей. Это продемонстрировало, что мы что-то упустили. И князь решил разыграть новую карту.

Не то чтобы я отличалась чем-то резко полярным шовинизму, но в мужиках, насколько я уже успела заметить за годы работы в полиции, есть такая хрень, называется «Все идет по плану». И даже если ничего вообще не по плану пошло, мужик делает умное лицо, и говорит «Именно так я все и планировал».

И вот нутром чую, тут что-то примерно то же самое. В смысле наивняка все эти «Князь умен и все спланировал». На такой бред купиться могут разве что... полутора тысячелетние вампиры?! Нет, ну по идее, как бы, возраст солидный, я все понимаю, но... это бред. Я точно знаю, что бред. Даркан не планировал того, что я окажусь какой-то нахрен избранной, и менее всего полагал, что я каким-либо образом смогу оживить Навьена. И вот я сама еще не поняла, что это было, но

одно могу сказать точно — это была лажа. Внушительная дарканская лажа! И не менее внушительная ложь.

Я откинулась на жесткую спинку стула, пристально глядя на лорда тысячника, сложила руки на груди, ну точнее под — вампирское нижнее белье делало все внушительным даже там, где внушительности и в помине не было, и... и начала думать.

Что мы имеем на данный момент, по делу Даркан.

Первое: Убийства действительно были. Убийства вампиров. В основном ритуальные, как минимум исходя из того, что я видела в морге ВСБ.

Второе: Малисент подставили. Топорно, криво, пытаюсь скинуть все на движение сопротивления, и при этом... а я ведь помню ту папку с данными по сопротивлению, что уничтожила на сетевой базе, выйдя на нее с компа Навьена.

Кстати момент с трупами — их не сожгли. Ритуальные убийства имели место, но... это не было убийством в полной мере данного понятия, вампиров могли оживить. Причем в любой момент и любой князь. И тут мне как-то подумалось, а что если князь Мортем собственно и собирался это проверить? Пришел бы такой, оживил всех ритуально убиенных, и был бы эдакий князь-освободитель...

Как-то топорно. Фальшиво. Не в тему. И опять же — фальшь, которая ощущается привкусом химозы на лапше быстрого приготовления. И вроде норм лапша, не придерешься, но что-то явно не так. Все это было слишком... очевидно?!

Я потянулась к стакану с бурдой, пить которую было крайне сомнительным удовольствием, и сделав глоток, вернулась к первоначальному данным.

Итак, что мы имеем:

Первое. Леди Малисент подставили и удалили с поля действий, планируя вынудить князя жениться на Ивгене Женьер? Бред. Нет, раньше я бы в это поверила, но сейчас, уже зная Даркана, я могла точно сказать — бред. Старую вампиршу подставили под удар так же, как и новую, в смысле Малисент. Кто-то просто играл ими, как марионетками, как картами, из которых с интересом даже раскладывали все новый и новый пасьянс. К слову — Тэранс упомянул именно понятие «карта», сказав «И князь решил разыграть новую карту». Зацепочка, да. И к ней вдогонку очевидная истина — сколько

бы не молодилась владелица обувного бутика, она была и останется никем. Никем, но никак не княгиней Даркан, просто тупо рожей не вышла, а если серьезно, то – мозгами. В пару князю искали умную девушку, достаточно умную для того, чтобы не подставлять главу рода под удар, и достаточно благородную, чтобы никогда не решилась на предательство. И в свете этого Малисент да, была бы идеальной кандидатурой, но... тут не задалось.

Потому что, самым поганым образом, в дело впуталась я.

Кстати, вот даже интересно, а что было бы, не впутайся я? Не попадись я на глаза князю, и не сядь я в ту злополучную дорогушную тачку, что тогда?

А тогда супругой князя стала бы Малисент. Малисент, но никак не Ивгена Женьер, или же княжна Мортен. Потому что это у меня хватило одновременно и мозгов, и их полного отсутствия, чтобы рискнуть всем ради Мали. Не впутывая в дело сопротивление, и задействовать все ресурсы полиции, чтобы спрятать Малисент. И то, по факту – к закату они нашли ее.

Они ее нашли.

В любом случае они нашли тот полицейский участок, из которого я вела диверсионно-вампироспасательную деятельность, а князь... Мог ли Навьен не знать, что князь будет способен слышать мысли того, кто прикрывал Малисент? Нет. Тысячник вызвал князя, именно по причине того, что Мали нужна была им срочно. Прямо сейчас. В ином случае, самому тысячнику хватило бы... а впрочем, ему и не надо было чего-то там хватать, он и так вычислил, что это я. Именно вычислил. Другое дело, что я могла бы попытаться направить их по ложному следу и героически сдохнуть, тогда у Малисент, возможно, был бы шанс, а возможно... и нет.

Твою мать, что ж так сложно-то все?!

Я встала, резко отодвинув стул, вышагивая страусом на высоких каблуках, а сегодня у меня были не туфли-лодочки, медленно подошла к окну. Впечатлилась бронированным стеклом и наличием решеток в придачу к нему.

— Это для вашей защиты, — сообщил Тэранс.

Да ладно! А то я не знала!

Но не обернулась и ничего не сказала.

Протянув ладонь, прикоснулась к холодному стеклу, вглядываясь в сияющий день, и начала думать о том, что знали мы трое — я, Навьен и князь.

Знали не мало. К примеру, нам троим было известно, что я не беременна, и одновременно всем троим же — было абсолютно неизвестно, каким образом в этом случае я смогла оживить Навьена.

«Княгиня, мы — вампиры. Мы априори бессмертны. Если нас не убивать — мы не умираем. Но мы можем уйти из жизни добровольно, впадая в сон на любой неопределенный срок, и так же в эту жизнь вернуться, если появилось на то желания. У Асеиэль желания не было, но плачь ребенка пробуждает даже глубоко спящую давно потерявшую своих детей мать» — вот эти слова лорда Тэранса откровенно смущали. Я даже знала чем — получается второй тысячник пробудил жену к жизни, придя к ней с плачущим ребенком, и вампирша проснулась от этого плача... Не то, чтобы я проводила какие-то аналогии, но... я ведь тоже тогда плакала. Даже рыдала. Еще молилась. Вариант, что Навьен ожил от силы моей любви и искренности молитвы, он был как-то на порядок приятнее, чем вариант, что я разбудила вампира своим нытьем.

Ладно, отставим сантименты, и будем думать дальше.

Что я, князь и сам Навьен, знаем о Навьене? Как ни удивительно — тоже многое. Если судить по словам Тэранса, когда князь отдавал приказ — ему подчинялись. Все. Но... не Навьен. И Даркан знает об этом. Знает, что противопоставить первому тысячнику он может лишь свою силу, и Навьен не пес, повинующийся любой команде, он способен сопротивляться. Возможно не всегда, но очень кардинально. Особенно если имеется такой стимул, как... все та же я, на которой вампирский свет кажись сошелся клином. И да, возможно, позже Даркан очень органично вплел убийство Навьена в свой «сто пудово имеющийся план», но это позже. А по факту взбешенный князь жестоко убил своего зверя. Именно зверя, а не покорного пса. Навьен может и был преданным, в смысле он по факту был предан, но когда появилась я, он просто поставил мои интересы выше интересов князя, не подставляя того, по идее нет, но пытаюсь защитить меня. Всеми силами пытаюсь защитить меня. Даже вот клыки приделал, еще бы понять зачем, потому как я так и не постигла смысл этого действия, зато клыки до сих пор со мной...

Привалившись спиной к стене, я продолжала смотреть в окно, все так же напряженно думая.

Итак, переходимо ко мне.

Что мы знаем обо мне?

Первое — нихрена. Какая-то фигня с кровью, какая-то непонятная мне особенность, что-то вообще априори необъяснимое, но наличествующее как факт.

Второе — я не беременна.

Третье — я не беременна, но способна оживлять вампиров. Еще бы понять бы правда чем... Ну в смысле нитье там, или сила любви вместе с истовой молитвой? В силу молитвы, кстати, верилось на порядок легче, чем в то, что сердце упырей способно тронуть чье-либо нитье, пусть даже и мое, пусть даже я и избранная хрен его ведает за что.

Но продолжим.

Четвертое — я ходячая неприятность для всего кровососущего сообщества. Став княгиней Даркан, я получила то, о чем не могла даже мечтать, будучи простым полицейским — возможность спасти людей. И это даже в какой-то мере бесило до невозможности. Какого черта я, полицейский, по факту могу исполнять свои служебные обязанности, только став княгиней Даркан? Что это вообще за дела?! Твою мать, о похищениях и похищенных в курсе все! Кровососы, правительство, полицейские, сопротивление — и даже до простых обывателей страшная правда порой доходит, но... Никто ничего не делает. В смысле те, кто могут — им плевать, и это я сейчас о вампирах и правительстве, а те, кто хочет — они ничего не могут и я сейчас о полиции. Это страшно, тошно и отвратительно, но вот ты прибываешь на место преступления, а там «автомобиль сбил девушку». И плевать, что повреждения вообще не характерны для аварий, на лице и теле следы ударов кулаком, а горло перерезано — всем плевать, в заключение о смерти напишут «смерть по неосторожности». Неосторожная была, угу. Дорогу переходила не в том месте и не в то время. А то что это любовница какого-нибудь известного упыря, не раз замеченная на таблоидах рядом с ним — это мелочи. И вообще к делу не относятся. И тот факт, что это пятая, десятая, двадцатая «случайно сбитая автомобилем» бывшая любовница данного ублюдка, он «не достаточно значителен». Супер! Так и живем. Мы все знаем, они все

знают, но заминается все до последнего. Как и не было. Газета выпускает расследование? Нахрен газету, в тот же день в лучшем случае газету закроют, в худшем... А в худшем у нас новые «случайные трупы» появляются. Последний известный мне журналист, вообще «чисто случайно» из окна выпал. Тот факт, что перед смертью его заставили сожрать чуть ли не весь тираж вечернего выпуска, даже в протоколе вскрытия не указали. Ну, выпал мужик и выпал, с кем не бывает, да.

Ненавижу вампиров!

— Княгиня, с вами все в порядке? — напряженно спросил Тэранс.

Вспомнила его недавнее «Ненавижу людей».

Мда. Обидно, конечно, но уроды бывают и среди нас, и среди упырей, с этим не поспоришь.

Кстати, переходим к пункту номер три — князь Даркан.

Что я знаю о нем — он молод, не так давно пришел к власти, импульсивен, силен тварь, и делает вид, что умный. Насколько умный? Понятия не имею, но в невероятную крутость его интеллекта верят абсолютно все — друзья, враги, подчиненные.

Или все-таки нет?

Просто вот если так подумать, и соотнести то отношение самого Тэранса и Навьена к князю, то уважение, с которым оба смотрят на него, и идиотскую веру в то, что все получится и ее кандидатура прокатит Ивгены Женьер?!

Несостыковочка.

Или кто-то кого-то недооценивает, или кто-то кого-то переоценивает. В любом случае...

— Мне нужны новые туфли, — уверенно сказала я.

— П... простите? — не понял Тэранс.

Я развернулась к нему, и повторила:

— Мне. Нужны. Новые. Туфли.

— Зачем? — недоуменно спросил вампир.

Молча сняла туфли, взяла правый, с трудом, но сломала все же каблук, продемонстрировала поломку, и сообщила с невозмутимым видом:

— У этих каблук сломался. Случайно.

Я в очередной раз почти успешно избежала завтрака. Почти, потому что Грэя как и всегда была неизменно внимательна, а потому завтрак мне подали в спальню, когда я уже почти было понадеялась, что «манной каши с комочками» сегодня не будет. Самое вообще обидное заключалось в том, что кровососы фактически отнимали даже надежду, и нервно допивая протеиновый коктейль, я мрачно смотрела на невозмутимую Грэю.

Я знала, что она не отстанет, пока я не допью.

И она это знала.

Мне кажется, даже коктейль был в курсе происходящего и тоже уже ни на что не надеялся.

— Грэя, я...

Вампирша демонстративно указала взглядом на коктейль и промолчала.

О том, что эта зараза будет молчать, пока я все не выпью, я уже тоже, мать его, знала.

Мрачно высосала все до дна, все так же через соломинку, потому что оскал мне менять никто видимо уже не собирался, я так и ходила клыкастая, после протянула пустой бокал горничной.

— Итак, — невозмутимо произнесла она, словно вообще у нас тут только что не было сценического акта на тему «воспитательница и неразумное дите в детском саду, которое жрать манку отказывается, а потому пока не доест, никуда не пойдет», — вы что-то хотели?

Ооо, как много я всего хотела, начиная с послать всех нахер, и заканчивая примерно тем же.

— Мы с Тэрансом едем на шопинг, — уведомила я горничную.

Та постояла, с подносом в руках, на котором стоял уже пустой бокал, оценивающе окинула меня взглядом и спросила:

— Форма одежды?

— Спортивная! — почти выпалила я.

— Поняла, сейчас что-нибудь подберем.

И Грэя грациозно покинула мою спальню.

Где в этом доме содержался мой гардероб, я понятия не имела. Одежду приносила и уносила Грэя, подбирала все всегда Грэя, в период, когда по утрам у меня вообще не было ни сил ни желания подниматься, частично одевала меня все та же Грэя. И с одной стороны это было в чем-то даже удобно, а с другой...

Дверь открылась и вампирша всплыла с костюмом прямо так в чехле навешанном на вешалку, и коробкой обуви.

Мой «спортивный костюм» представлял собой черное бархатное издевательство. Отделанное серебром. Украшенное лейблом известной фирмы, которую я лично видела только в рекламе и предпочла бы продолжать видеть ее там же.

Но это было не все.

Расчехлив костюм, и уложив его на мою постель, Грэя извлекла обувь. И вот мне интересно, мне просто очень интересно — каким образом связаны спорт и кроссовки на каблуках?!

— Грэя, кажется, я вас ненавижу, — совершенно искренне призналась я.

— Ничего, — понимающе улыбнулась вампирша, — это пройдет. Ваше белье.

И мне протянули комплект спортивного, в отличие от имеющегося на мне кружевного.

Переодеваться я ушла в ванную комнату, как и всегда. Грэя называла мою стеснительность «детским поведением», но если честно, мне на это было плевать.

Войдя в ванную комнату, стянула с себя платье, с тоской посмотрела на себя в зеркало. Зеркало, вставленное в пластиковую раму, и не бьющееся в принципе — князь Даркан усваивал уроки очень быстро.

А я... Наверное, с какой-то стороны я стала даже красивой — Грэя была мастером своего дела, и теперь у меня была белоснежная, бархатистая кожа, без единого изъяна, без пятнышка, без следов косметики. Я не знаю, как она всего этого добилась, но мою кожу теперь можно было выставить как образец попки младенца, только такой очень бледной попки. И еще у меня были красные губы. Грэя красила их раз в день, иногда раз в два дня — помада оставалась, не снимаясь, не стираясь, не расплываясь. У меня были просто алые губы, и от этого они казались чуть больше, их реального размера. Еще

вампириша умудрялась красить мои ресницы и брови. Хрен его знает как, это не было тушью, но эффект создавался примерно такой, словно ресницы мне нарастили. Это было не так, ни клея, ни иных следов подобного не было, а вот ресницы растущие теперь почти в два ряда были.

В общем, портила меня сейчас только одна хрень – темные круги под глазами. Хотя в контексте вампирской нации, вполне может быть, что для них это было даже красиво...

И тут позади меня раздалось:

— Ты очень красссссивая...

И за моей спиной сотканный из хрен его знает откуда взявшегося сумрака, появился демон Даркана.

Резко повернувшись, я... не увидела вообще ничего. Позади меня в ярко освещенной ванной комнате никого не было! Но стоило повернуться к зеркалу — альтер-эго князя обнаружился прямо за мной. Рядом. Настолько близко, что я практически ощущала его прикосновение, но стоило повторно обернуться — там никого не было.

— Не выпускает, — в ответ на мое основательное офигение, сообщил демон, двумя пальцами подхватив мой локон, и склонившись, поцеловал мои волосы, пристально глядя мне в глаза.- Бережет свою девошшшку...

На чудовищном лице появилась ухмылка неестественная и нечеловеческая настолько, что я с трудом сдержала вопль «Грэя!».

Между тем, демон, небрежно отпустил мои волосы, и те соскользнули по его видимым лишь в зеркале длинным пальцам, вызывая дрожь и холодок по спине, как бывает, когда волосы прикасаются к обнаженной коже. На мне же из одежды было только белье, так что... интересно, а когда мои волосы начнут подниматься дыбом, они все везде поднимутся или как?

— Страшно? – ехидно поинтересовался этот хрен его знает кто.

Потому что я лично толком не знала что оно. Но одно замечание сдержать все-таки не смогла:

— Я слышала, что вампиры при желании в зеркале не отражаются, но чтобы кто-то отражался, при полном отсутствии в реальности – это что-то новое.

Демон, прекратив рассматривать мое плечо и переход от грудной клетки к собственно груди, посмотрел мне в глаза из зеркала.

Усмехнулся, наклонился к моему уху и прошептал, невероятным образом касаясь меня дыханием, которого по идее вообще не должно было быть:

— Демоны при очень... очень сильном желании, способны отражаться на зеркальных поверхностях. Скучала по мне?

И, несмотря на то, что в реальности копии Даркана не было видно, я в полной мере ощутила и его дыхание на своем плече, и прикосновение пальцев. Резко дернувшись, огляделась — в ванной все так же никого не было. Поводила рукой в воздухе — точно никого. Посмотрела в зеркало — моя рука насквозь прошла через демона, от чего и моей руке и мне стало как-то не по себе, а вот Даркан номер два только лишь улыбнулся еще коварнее, хотя казалось бы — коварнее уже было некуда.

— Я здесь, — произнес он насмешливо, едва я прекратила искать его на ощупь в реальности, и снова склонившись, у самого виска добавил, — я всегда рядом с тобой. Я твой, Каиль, я весь твой. Нравлюсь?

Вновь криво усмехнулся, и склонившись к самому уху, добавил:

— Я тебе нравлюсь, Каиль. Больше чем нравлюсь... И пусть у нас была всего одна ночь, но ты никогда ее не забудешь, не так ли? Тебе ведь было хорошо со мной, малышка... Очень хорошо...

Не сдержавшись, я потянулась за полотенцем, закуталась, не было никакого желания стоять в одном белье перед не пойми чем, и задумчиво выдала:

— Да, это уже даже не зоофилия, это хуже — некрофилия.

Стоящий позади меня то ли призрак, то ли тот, кто похуже, замер, пристально глядя мне в глаза из отражения.

— О какой ночи ты сейчас высказался? — спросила, уже без содрогания глядя на демона.

Он не ответил. Медленно склонился ко мне, все так же находясь прямо позади, с нескрываемым удовольствием втянул воздух, словно хотел распробовать запах шампуня, который мне подсунула Грэй сегодня, и, полуприкрыв багровые глаза, прошептал:

— Ты вкусная, я хочу больше, чем поцелуйsss...

Перекрыв слив, я включила кран на полную, взяла шампунь и вылила в раковину. Ниспадающая вода вспенила все, и эту пену я молча и решительно нанесла на зеркало.

— Ттты! — вскинулся было демон.

Я вышла, оставив его в замыленном зеркале, и чувствуя то, что почти перестала чувствовать — желание сражаться. За себя, за свою жизнь, за свои чувства. И даже если моя песенка спета, я все равно буду сражаться!

Грзя встретила меня дежурной лучезарной улыбкой, доставая белые носочки из упаковки. Вообще это забавно – ситуация у нас такая, что впору белые тапочки доставать, а она носочки распаковывает.

— У вас глаза сверкают, — радостно констатировала Грзя. — Это бесконечно радует. Вы сильно похудели, мне было сложно высчитать дозу антидепрессантов так, чтобы не причинить вреда ребенку, поэтому я рада, что не придется прибегать к столь кардинальным мерам.

— Ребенку? — я чуть полотенце не обронила.

И тут дверь распахнулась без стука.

А так входил всего один вампир в этом доме — князь.

— Грзя, халат, — обнимая меня за плечи, приказал Даркан.

Вампирша мгновенно исполнила приказ, и Даркан закутал меня в теплую ткань, не обременяясь такими мелочами, как вдевание рук в рукава и прочее. А затем проигнорив и такую штуку как обувь, в смысле моя обувь, вампир подхватил меня на руки и унес в крошечную темноту.

— Здесь не так уж и темно, — произнес Даркан, легко шагая по коридорам. — Позже, ты научишься видеть. Сначала как кошка — определяя поверхности, отражающие даже малейший свет. Потом как вампир. И однажды наступит момент, когда ты станешь видеть мир таким, каким его вижу я.

Лично я искренне хочу верить, что этот момент не наступит никогда! Вообще никогда!

Князь мог без труда прочесть мои мысли, может даже и прочел, но не отреагировал никак.

Еще несколько минут в абсолютной мгле, спуск куда-то по витиеватому ходу без ступеней, и Даркан ногой открыл дверь в... свою спальню.

— Привыкай, — весело посоветовал он мне, поднося к постели, и бережно роняя на нее.

И стены содрогнулись, но вовсе не от моего ужаса перед черным шелковым бельем постели Даркана. Стены содрогнулись реально. И потолок. Недвижим, кажется, остался только пол.

Но князя это совершенно не волновало.

Он притащил откуда-то несколько дополнительных подушек и небрежно бросил их в изголовье кровати. Затем стянул с себя пиджак, расстегивая рубашку скинул туфли, прошел в соседнюю комнату и вернулся оттуда с упаковкой пиццы, упаковкой пончиков и содовой. Все это поставил на постель рядом со мной. Достал пульт, и, избавив кровать от балахона, включил внушительный настенный телевизор.

— Мелодрама или боевик? — поинтересовался он у меня так, словно мы не тут, хрен его знает где, а в кинотеатре стоим перед кассой и выбираем какой фильм посмотреть.

— Слушай, — я осторожно села на постели, — ты случайно головой нигде не стукался?

Даркан изобразил трудную мыслительную деятельность, сияющее улыбнулся и ответил:

— Насколько мне известно — нет. А ты?

— Такое ощущение, что стукнулась, — мрачно ответила ему.

Князь лишь усмехнулся в ответ и через пару секунд уже полулежал рядом. Нас теперь разделяла коробка с пиццей, коробка с пончиками и две бутылки содовой. Такое себе разделение, если честно. Я бы предпочла железобетонную стену и не одну.

— Так что? — Даркан открыл упаковку с пиццей и протянул мне первый кусок. — История о большой чистой любви, или о массовой приключенческой смерти?

Я сплю? Или это какой-то вид наркотических галлюцинаций?

— Давай боевик, — игнорируя протянутый мне кусок пиццы и взяв себе кусок из коробки, сказала я.

Пожав плечами Даркан сделал вид, что ничуть не обиделся, и жуя... то есть реально откусив и начав жевать пиццу, этот вампир включил фильм на экране.

Фильм оказался вампирским. Не знаю, кто снимал, и киностудия тоже была мне не знакома, но детектив объединяет — через сорок минут я забыла, что у меня клыки, которые мешают жевать пончики (пицца оказалась так себе), зато я абсолютно точно была уверена, что:

— Убийца — любовник.

— Муж, сто процентов, — не согласился Даркан.

— Да брось, у мужа нет мотива! — стояла я на своем. — А вот любовник ее матери явно хотел скрыть кражу. Убийца — любовник!

— Муж, — делая глоток, авторитетно повторил князь. — Ты не теми мерками измеряешь мотивацию героев. За кражу у нас не убьют, а вот за аборт вполне. Убийство дитя считается чудовищным преступлением.

— Да хрень это! — не сдержалась я. — Ее тело — ее дело. Саризель и аборт толком не делала, просто выпила экстренные противозачаточные. Не знала, что это хоть где-то может считаться преступлением. И неизвестно был ли там кто живой в ее животе вообще. К тому же отцом ребенка был ее начальник, а он бы в жизни не признал этого ребенка.

И тут на экране случилась развязка — детектив, чувак вампирской наружности в черном костюме и черной же шляпе, темным сумрачным вечером снял свои черные солнечные очки, направил непримиримый суровый взгляд на чувака тоже вампирской, но идеальной и прокаченной всеми группами мышц, наружности, и произнес:

«Вы обвиняетесь в убийстве Саризель Кендар!»

В фильме все тут же подскочили, мать убитой схватилась за сердце, муж убитой за ИКР-13, собираясь вершить правосудие прямо на тут на месте, муж матери осознав, что у жены был любовник, достал катану. Охрана семейства достала пистолеты с разрывными пулями. Чувак-детектив молча подошел и скрутил голову любовнику, завершив действие словами «Приговор приведен в исполнение».

— Ха! — радостно провозгласила я. — Съел? Я же сказала — убийца любовник.

Даркан тяжело вздохнул и постановил:

— Один : ноль. Еще боевик?

Взяв еще один пончик, я подумала и решила:

— Не, давай мелодраму.

Мелодрама была... драматична. Опять не знаю, кто снимал, но качество картинки было атасное, игра героев — по высшему разряду, постановка, сюжет, декорации — отличного качества. Не знаю, почему этот фильм не пошел в прокат в кинотеатрах — он бы сорвал кассу, и все кинонаграды тоже забрал бы.

В центре повествования была девушка-вампир, которая, сбежав от семьи, работает на круизном лайнере крупье. Она сменила цвет волос, в глазах линзы, специальные масла и мазь маскируют запах. В общем, под чела косила старательно. И у нее завязался роман с парнем, который тоже был крупье. Классная такая история, и чувства у них возникли постепенно так. Сначала они пальцами соприкоснулись, когда он ей колоду передавал. Потом поддержал, когда она поскользнулась на палубе во время шторма. И вот удержалась бы она, максимум на колено одно упала, но так трогательно было и его забота осторожная, и внимательность, и то как он на нее смотрел, когда она не видела. Он любовался ею. Так красиво все было.

А потом шторм. Корабль напоролся на скалу под берегом и пошел ко дну. И вот она могла бы спасти его, и даже хотела, но он за пассажиров переживал и они кинулись спасать пассажиров. И вот она вытаскивает ребенка на берег, кидает взгляд на тонущий корабль и понимает, что его уже нет. Парня этого. Он свой жилет отдал женщине-пассажиру, и мужа ее подтащил к спасательному кругу, а сам... сил у него не осталось.

И вот проходит год. Она стала собой. Плывет на круизном лайнере, у нее муж из вампиров, шикарный такой, ей под стать, а она стоит на борту и смотрит на темные волны, вспоминая того парня...

— Трындец! — охарактеризовала я свои впечатления от фильма.

Повернулась к Даркану и спросила:

— А ты уверен, что это мелодрама? Больше на драму смахивает.

Князь переключил на описание фильма и там был текст на неизвестном мне языке, но Даркан зачитал:

— Реальная история жизни первой супруги лорда Атана Эсвела. Мелодрама. Истинная любовь, счастливые супружеские отношения.

И где тут счастливые отношения?

В этот миг стены и потолок содрогнулись снова. Причем с такой силой, что с потолка штукатурка посыпалась.

— Что происходит? — занервничала я.

— А, это нас убивают, — безмятежно отозвался Даркан. — Что еще посмотрим?

— Видеонаблюдение? — нервно предложила ему.

Князь молча переключил на камеры по периметру замка... Ну, с замком сейчас было примерно то же, что и в только что

просмотренном фильме со счастливыми отношениями. В смысле не было отношений, и замка тоже не было.

— А где все? — я подскочила на кровати.- Где Грзя?

— В убежище, — спокойствию Даркана можно было только позавидовать.

У меня такого спокойствия не наблюдалось.

— Зззачем? — выдохнула потрясенно.

— Зачем убивают?- переспросил князь. — Так ты беременна, вот они и пытаются прервать беременность, пока «трындец» не выбрался наружу. Интересное слово, кстати.

Я сидела, уже вообще мало что понимая.

— Что ты тут делаешь? — голос упал до шепота.

— Фильмы смотрю, наслаждаюсь отдыхом, — Даркан весело улыбнулся. — Тебе что-то не нравится?

Мне все не нравилось, меня нервировала сама ситуация, я откровенно волновалась за Навьена и... уже не только за него, Тэранс тоже как-то обрел черты личности, утратив образ упря-кровопийцы, так что...

— Мне тревожно... за всех. И я не понимаю, зачем ты это делаешь. И...

Князь молча выключил телевизор, погружая комнату в полумрак. Взял еще кусок пиццы, уже давно остывшей, и, глядя на темный экран, спокойно произнес:

— Каиль, Мортемы готовились к нападению несколько сотен лет. На их стороне численность, коварство (я в этом плане основательно проигрываю), а так же опыт и многовековая подготовка. В этой ситуации у меня было два основных варианта. Первый — пытаться латать полотно своей власти, в условиях, когда его беспощадно рвут на части в режиме реального времени. И второй — уйти в тень, перейти из категории участников в категорию наблюдателей, и нанести удар в момент, когда князя будут уверены в собственной победе. Еще фильм?

— Да как-то не до развлечений, — нервно призналась я.

— Мне тоже, — признался князь, — поэтому мы смотрим фильмы, а не занимаемся сексом.

Я похолодела.

Даркан же невозмутимо продолжил:

— Меня изматывает наше противостояние. Каждая ночь с тобой как бой на грани. Мне приходится бороться с тобой, с собой и со своими демонами.

Поежившись, возразила:

— Он у тебя вроде как один.

— Был один, — князь посмотрел на меня своими глазами, которые сейчас стали так похожи на омуты. — Но из-за ситуации с тобой, мне пришлось пойти на сделку.

Помолчав, высказала:

— Я об этом не просила.

— Ты ни о чем не просила, — омуты его глаз начали затягиваться изморозью отчуждения, — но я пошел на это ради своей любимой женщины. И не важно, просила ты об этом или нет. Я принял решение, я несу за него ответственность, мне же и платить по счетам.

Замок вновь содрогнулся. Даркан взял пульт, и включил какой-то концерт, где струнным подпевала какая-то певица с охренительным голосовым диапазоном, хотелось прислушаться и слушать безотрывно, но я...

Я сказала:

— Мне жаль, что я села в твою машину.

Он сел ровнее, и глядя на экран, ответил:

— Если бы даже ты не села в мой автомобиль, ты забываешь о Малисент и твоём поступке. Мы бы встретились, Каиль, так или иначе. Твое решение прикрыть Малисент было для тебя в любом случае фатальным, и ты прекрасно знаешь об этом.

— То есть мне все это воспринимать, как расплату за попытку спасти Мали?

Взгляд искоса, усталая усмешка и тихое:

— Воспринимай это как сказку.

— Типа Золушки? — я злиться начала.

— Нет, скорее типа Красавицы и Чудовища, — и Даркан с усмешкой посмотрел на меня. — И цветок уже сорван, Каиль, время расплаты наступило. А конец у этой сказки всего один — красавица неизменно влюбляется в чудовище. Как-то так.

И он решительно поднялся с постели.

Размял шею, затем плечи, закатал рукава на рубашке и произнес:

— Войдите.

Они вошли разом. Тэранс, с уважением поклонившийся мне. И... Навьен, так же склонивший голову, но даже не взглянувший в мою сторону.

— Действуем по плану, — сосредоточенно закатывая рукава, произнес Даркан. — Тэранс, ты остаешься с княгиней. Навьен, вмешиваешься только в самом крайнем случае.

— Но, мой князь... — начал было тысячник.

И осекся под холодным взглядом Даркана.

— Это моя битва, — просто сказал князь.

Но он произнес это так, что мурашки по коже прошлись.

— Начинаем, — сказал он же.

И подмигнув мне на прощание, вышел из комнаты. Навьен последовал за ним, даже не взглянув на меня.

Тэранс закрыл за ними дверь не просто на ключ — на засов.

Я замерла на постели.

Но надолго меня не хватило. Торопливо вскочив, я нашарила пульт, и дрожащими руками включила телевизор. Несколько минут ушло на то, чтобы подключиться к камерам видеонаблюдения, а после... после все, что мне оставалось, это сидеть и охреневать от ужаса.

До этого момента я боялась князя, но это не было таким всепоглощающим ужасом. Ужасом, от которого цепенеешь, не в силах даже пошевелиться. Ужасом, погружающим в чувство нереальности происходящего. Словно ты в кошмаре. В чудовищном кошмаре. В кошмаре, накрывающем чувством полнейшей безысходности...

Он вышел один. Стройный молодой мужчина против почти двух десятков монстров, отдаленно напоминающих мне кошмарно преобразившуюся княжну Мотрем и даже не счел нужным менять форму.

Вместе с ним из подвала почти полностью разрушенного замка вышли Навьен и охранники, около пятидесяти вампиров, но они остались стоять, выстроившись цепочкой вдоль искореженных стен, и замерли, в ожидании.

Даркан же встретил нападавших радушной улыбкой и раскинул руки, приглашая противников к бою.

Они ринулись разом!

Случившееся дальше... убивало. И не только князей, объединившихся против Даркана, но и меня. Князь легко двигался в танце смерти, так легко и естественно, словно для него все это было необременительным развлечением, а у монстров... головы слетали с плеч в самом прямом смысле этого слова. Слетали и падали к подножию разрушенной лестницы дома Дарканов. Голова за головой, и чудовища валились замертво, сотрясаясь в агонии и демонстрируя всю свою беспомощность в деле борьбы с Дарканом.

— Тэранс... — я не говорила, я хрипела от ужаса, — Тэранс, это как вообще?

— Это начало, княгиня, — спокойно уведомил меня тысячник. — Только начало. Князь развлекается. Пока развлекается.

— А потом? Что будет потом? — меня колотило от ужаса.

Потому что внезапно, очень четко и конкретно я осознала, что я никуда не денусь. Я останусь здесь, потому что другого пути для меня нет. Просто нет. Я пыталась сопротивляться, где-то в глубине души я верила, что рано или поздно это все закончится, что я сумею выстоять, пусть даже сломленная и растоптанная, а теперь... Теперь я смотрела, как Даркан с улыбкой рушит планы, что строились не одно столетие и вовсе даже не людьми, а целыми вампирскими князьями, и наслаждается победой, которую одержал столь легко... Князья сгруппировались. В целом идиотское решение было — напасть самим. Тупейшее решение. Это все равно, как если бы главари бандитских формирований, оставив своих боевиков дома, пошли самостоятельно бить морды конкурентам. Самостоятельно. Без огневой поддержки. Без страховки. Без мысли о том, что... они же не бессмертны, в конце концов!

И я... я понять не могла, как Даркан их всех выманил? Как сыграл ими, словно безвольными игральными картами, и как теперь уничтожал их, могучих вампирских князей, попавших в жернова безжалостной реальности.

— В принципе все просто, — сказал Тэранс. — Первыми в бой кинулись боевики, они разгромили замок, а затем отступили, подчинившись приказу.

— Чьему приказу? — я продолжала следить за смертоубийством с нарастающим ужасом.

— Приказу князей, — как само собой разумеющееся объяснил тысячник. — Здесь цвет княжеских домов. Наследники родов Харнан, Эторс, Текрад и Мортем. Их основной целью являетесь вы, княгиня. И на этом виртуозно сыграл князь. Вы — идеальная наживка. Как только замок был разрушен, наследники отозвали своих боевиков и намеревались получить вас. Приз достается победителю — так что по замыслу домов, нашедший вас и отстаивший свое право владения, получал в награду... ну вас же. Княжичи полагались на свою силу, но не учли возможности князя Даркана. Это переломная ночь многовекового противостояния, княгиня. К рассвету положение дел будет таково — главам домов придется склониться перед князем в надежде, вернуть своих сыновей. Но это вряд ли произойдет.

— Что именно «вряд ли»? — почти прошептала я.

Тэранс глянул на меня как на идиотку и пояснил:

— Вряд ли князь оставит их в живых. В целом глупо было бы возвращать княжеским домам их надежду и силу. Наследники будут лишены права на возрождение. У нас активирован крематорий.

— Тэранс, — я сжала пальцами ноющие виски, — я уже мало что вообще улавливаю. Можно конкретнее и проще как-то все изложить?

— Можно, — тысячник пожал могучими плечами. — Вкратце все выглядит так — князь создал идеальную западню для наследников великих домов. Наследники проглотили наживку и не подавились. Сейчас они все сдохнут. К утру мы их сожжем, так что подыхание им грозит без шанса на возрождение. Таким образом, к рассвету у восставших вампирских домов не останется наследников мужского пола. Что касается наследниц женского пола — они слабее, и значительно, а значит уже утром князя Харнан, Эторс, Текрад и Мортем потеряют свою власть и, соответственно, союзников. Так понятно?

— Нет... — выдохнула я.

Неодобрительно поглядев на меня, Тэранс упростил рассказ по максимуму:

— Почти восемьсот лет дома Харнан, Эторс, Текрад и Мортем готовились совместными усилиями уничтожить дом Даркан. Сейчас все их планы рухнули, потому как наш князь оказался гораздо умнее всех своих предков. Он сумел создать идеальную западню, приманкой в которой стали вы.

Я вновь посмотрела на экран — от цвета княжеских вампирских домов уже не осталось почти ничего. И в какой-то момент эти монстры осознали, что им крышка, и некоторые даже попытались сбежать, но не тут-то было. Даркан, стройный изящный юноша, гибкий и почти утонченный, очень расчетливо уничтожал своих врагов.

Его битва...

Да, это действительно была его битва...

На часах — полночь, значит самый пик его силы. Получается, все это время до полуночи он сидел тут со мной и безмятежно выжидал, когда эти оловянные монстрики осмелеют и перейдут к самостоятельным действиям. И когда это произошло — сделал ход королем.

А теперь монстрикам отрывали головы. Легко, спокойно, расчетливо. Головы швырялись к полуразрушенным ступеням давно рухнувшего замка, а вот тела... Тела забирал Навьен, он был единственным почти равным князьям по силе, а потому находился практически рядом с Дарканом. Но в бой не вступал, у него была совершенно иная задача — схватить содрогающееся в агонии тело и отшвырнуть его к вампирам. Те уносили тела. Головы не трогали, а вот тела уносили... и я догадывалась, что в крематорий. Не догадывались об этом лишь главы домов Харнан, Эторс, Текрад и Мортем. Отцы, которые, увидев поутру головы сыновей, присягнут на верность дому Даркан и будут униженно молить о пощаде, даже не догадываясь, что уже будет слишком... поздно.

— Тэранс, это чудовищно, — прошептала я.

— Нет, княгиня, это гениально, — с нескрываемой гордостью за своего князя произнес тысячник. — Эта ночь войдет в историю! И, самое главное, ослабит княжеские дома на весьма долгий срок.

А затем, чуть призадумавшись, добавил:

— Вот только когда вскрыется вся правда, дома Харнан, Эторс, Текрад и Мортем могут настоять на том, чтобы Даркан взял в жены их дочерей, но, думаю, князь что-нибудь придумает. Он у нас очень умен. Я горжусь тем, что мне выпало служить столь выдающемуся князю, это действительно честь.

Мама, заberi меня отсюда...

А тем временем до боевиков нападающих домов дошла столь невероятная истина, как та, что их княжичей тупо мочат вообще

безнаказанно. И они ринулись в бой. Загремели взрывы, раздались выстрелы, кто-то вообще из базуки грохнул...

Но над всем этим раздался спокойный голос князя.

Я не поняла, что он сказал. Вообще ни слова не поняла. Но в ту же секунду бой прекратился, а Даркан оторвал последнюю голову и Навьен отшвырнул к покореженным стенам последнее тело.

— Что он сказал? — в ужасе спросила я у Тэранса.

— Ммм, ну как бы намекнул, что оторванные головы предмет хрупкий, — весело ответил тысячник.

Ему действительно было весело. Если вначале Тэранс был напряжен, и напряженно следил за боем, то вот теперь, когда все практически закончилось, он расслабился и да — ему было весело. Просто весело.

— Они все рассчитывали, что Даркан слишком молод, и соответственно эмоционален и неопытен, даже на человечке женился, поддавшись юношеской импульсивности. Недооценили они нашего князя, придурки.

«Каиль, не играй с ним» — вспомнились мне слова Навьена.

И вот что-что, а играть с этим князем точно не стоило.

И у меня всего один вопрос остался:

— Тэранс, а тебе самому не... жутко?

Тысячник помрачнел, вздохнул тяжело, и ответил:

— Если честно — немного. У князя блестящий ум, но то с какой легкостью он играет чужими эмоциями, мотивами, планами и целями — напрягает. Игра в бога заканчивается плохо что у людей, что у вампиров.

Помолчал и добавил:

— И все же я горд служить дому Даркан. И еще никогда моя гордость не была столь велика, как сегодня.

Между тем бой закончился.

Князь победно усмехнулся, и направился к своему разрушенному замку, оставив в полнейшей растерянности практически войско противников. Вероятно, потому что совершенно точно знал, что никто не рискнет перейти в наступление... Все же оторванные головы монстров, обретшие черты вампиров, действительно очень хрупкие предметы. А еще у вампиров подчиненных домам Харнан, Эторс,

Текрад и Мортем не было смысла эти самые головы отвоевывать — без тел головы являлись лишь останками и не более.

Чистая победа дома Даркан.

Абсолютная победа.

К моменту возвращения князя я сидела на постели, обняв колени руками и раскачиваясь, как человек, получивший основательную моральную травму.

У Даркана никакой травмы не было.

Войдя, он достал из кармана брюк непрерывно вибрирующий от вызовов телефон, и ушел в ванную, смывать незначительное количество вражеской крови с себя.

Вернулся в черных шелковых пижамных брюках, безмятежно улегся рядом со мной, и поинтересовался:

— Еще фильм?

— Спасибо, уже насмотрелась, — настороженно ответила я, стараясь не смотреть на Даркана.

Не дышать. Не двигаться. Прикинуться подушкой... раствориться в обстановке.

Кажется, я только сейчас поняла, что мне никуда от него уже не деться. Вообще никуда. Даркан наследников княжеских домов расхреначил без труда, ловко и планомерно загнав их в западню из которой им было не выбраться. Теперь точно так же, используя оторванные головы, он загонит и князей мятежных домов...

Все больше понимаю Навьена... Все больше накатывает совершенное осознание безнадежности моего положения... Все страшнее становится на душе...

— И чего же ты испугалась? — одним движением подгребая меня к себе, спросил князь. — Ты знала, кто я. Ты поняла это с первого мгновения. Опасен ли я? Да. Есть ли у тебя шанс сбежать от меня? Нет. Ты проиграла еще до начала схватки, как и они. Если игра ведется на моем поле — я побеждаю абсолютно всегда. А теперь я скажу тебе то, что не говорил никому и никогда — мой отец все осознал, только подыхая.

У Даркана влажные волосы, но теплая кожа. Дыхание согревает мой висок, ладонь нежно касается вмиг напрягшегося, дрожащего от напряжения живота. Животу просто тоже было страшно.

— И за что ты его? — в ужасе спросила я.

— Примерно за то же, за что и ты своего отчима, Каиль. Дети всегда мстят за матерей, и в этом мы с тобой похожи.

Его ладонь все так же располагалась на моем животе, и мы оба знали, что произойдет, если она сместится ниже — это я ненавидела Даркана всей душой, а мое тело уже привыкло к нему, к его прикосновениям и к его рукам.

— Нет, не сейчас, и даже не сегодня, — его теплые губы скользнули по тонкой коже на моей шее.

— Устал? — язвительно поинтересовалась.

— Да, и поэтому плохо себя контролирую, — честно признал князь. — Каиль, больше всего на свете, я боюсь причинить тебе боль.

— Так ты уже это сделал, — сообщила об очевидном.

— Я имел ввиду боль физическую, — уточнил Даркан.

Не та тема, которую мне хотелось бы обсуждать. И потому я спросила:

— А что твой отец пытался сделать с матерью?

Просто я же ее видела, и выглядела она вполне себе живой даже по вампирским меркам.

Шумный глубокий вдох, словно Даркан даже мой запах считал своей собственностью, медленный выдох и чудовищный ответ:

— У нас не бывает разводов. Но у отверженной женщины есть два варианта — умереть или уснуть. Моя мать не выбирала, отец усыпил ее, желая заполучить новое тело в свою постель. На тот момент ситуация меня вполне устраивала — мать оставалась в безопасности, отец смог дать выход всем своим... наклонностям. Но если вампиры обычных кланов соглашались на положение временных жен, ведь моя мать была в усыпальнице, то княжна Мортем желала стать единственной княгиней.

— Это та княжна Мортем, которая...

— Да, — подтвердил он.

Прижал к себе чуть сильнее, и завершил рассказ коротким:

— Ему не стоило идти на поводу у девчонки Мортем. Он сдох в тот момент, когда коснулся тела моей матери. И лег в приготовленную для нее могилу. Сожалею ли я? Нет. Но там и тогда мое детство закончилось, я стал князем. Спи.

Я начала вырубаться еще до того, как поняла, что это не было приказом.

Просто моя психика уже не справлялась ни с новой информацией, ни с ситуацией, ни с перспективами, и рубильником отрубала мое сознание. И я провалилась в сон, чувствуя себя вполне комфортно и даже, где-то в глубине сердца счастливо... Потому что Навьен был жив. И Тэранс жив. И Грэя. И спать это полезно. И...

«Моя девошшшшка...» — выдал мой начавшийся сон.

Я отмахнулась от этого потустороннего голоса, как-то привычно и равнодушно, но сон подобное пренебрежение не устроило.

«Он заключил договор с Райденом. Это было глупо, Райден опасен. И Райден всегда получает то, что стало его целью. А его цель — ты».

Охренеть, мне было мало дерущихся за меня вампиров, теперь вот и демоны подгрести. Так если посмотреть — я самая роковая женщина современности. Не то чтобы среди людей, человеческие мужики в мою сторону смотрели редко, и в основном после слов «Стоять! Полиция!», а вампирам и демонам даже приказывать не нужно было, я и так была в фаворе.

«Сгинь!» — устало потребовала я, больше всего сейчас желая просто поспать.

Желательно без кошмаров и сновидений про оторванные головы.

«Но, знаешь, — почему-то не сгинул мой кошмар, — я ведь могу овладеть Навьеном...»

Произнесено было так, словно мне предложили душу продать. Правда причем тут я и моя душа?

«Извращенец!» — емко охарактеризовала я демона.

«Дддддостала!» — прошипел кошмар.

Однако злился он недолго и вскоре у меня в голове прозвучало искушающее:

«Навьен станет князем. Он силен, умен, сдержан и способен быть лидером. Только представь, Каиль, что тебя обнимает его рука...»

И я открыла глаза.

Меня все так же обнимал Даркан, его дыхание шевелило волосы на макушке, а напротив меня лежал, подперев голову демон, и весело скалился коварно-радостной ухмылкой.

«Только представь»... — вновь прозвучало во мне.

Молча продемонстрировала демону средний палец, и ощутила его ухмылку.

Некоторое время я лежала, раздумывая о ситуации, затем мысленно спросила:

«Кто такой Райден?»

«Демон», — услужливо подсказал мне... демон.

«А... ты кто?» — попыталась разобраться.

«Валиант. Рад познакомиться», — промурлыкал все тот же демон.

Так, все понимаю, но остался еще вопрос:

«А князь кто?»

«Вадимир Валиант Райден Даркан. Первое имя условно его, второе мое, его демона-хранителя, и третье в честь демона-хранителя которого мальчишка нашел сам».

Медленно открыла глаза. Внимательно посмотрела на демона, вольготно устроившегося на постели нереальным призрачным телом, полежала в охренении, и не могла не спросить:

«Демон-хранитель, да?»

«У вас ангел, у нас демон. То есть я, моя сладкая, фактически ангел».

Я бы выразилась по данному поводу, но... промолчу.

«Понимаю, почему ты выбрала Навьена, — между тем небрежно продолжил демон. — Я сам изначально сделал ставку на пацана, решив, что смогу управлять им так же, как остальными вампирскими недоносками, но, увы — у Вадимира оказались козыри в рукавах. Однако, — демон широко оскалился, — одна ночь у нас все равно было. Ты так сладко стонешь, Каиль».

Я окаменела.

И это напряжение ощутил спавший князь. Приподнялся, продолжая обнимать меня, определенно узрел демона и произнес:

— Последнее предупреждение.

И Валиант испарился в ту же секунду, причем испарился с самым покорным видом.

А Даркан вновь улегся на подушку, прижал меня еще крепче к себе, и хриплым ото сна голосом, спросил:

— Испугалась?

— Хм... Ты реально веришь, что после всего меня еще можно чем-либо напугать? — охренивая от ситуевины, спросила я.

— Да, — озвучил свое мнение обо мне князь. — Ты только кажешься циничной и сильной, но это не так, к сожалению. Спи, мои демоны более никогда не побеспокоят тебя.

Прозвучало так клятвенно, что мне и так не по себе было, а стало еще более не по себе.

Во всем этом кошмаре я решила еще всего на один вопрос:

— Что означает твое имя?

И тихий ответ вновь погружающегося в сон князя:

— Владеющий и адом и миром. Некая дань уважения старым легендам. Спи.

Я пролежала без сна до самого рассвета, потому что точно знала — по утрам князь уходил. И когда часы на стене показали шесть ноль-ноль, я вырубилась почти сразу, как-то упустив из виду мысль, что князь по утрам уходил к себе, а сейчас у него тут я... то есть уйти ему как бы некуда, к сожалению.

Легкое скользящее движение сильной ладони и тело наполняется сладким томлением, желанием потянуться и замереть одновременно. Дыхание касается шеи, следом губы накрывают нежным поцелуем, и движение внизу повторяется.

Мне снится море. Тихий шелест набегающих на песок волн, ветер запутавшийся в ветвях высоких пальм, тепло, томительное и сладкое, и вкус, от которого кружилась голова.

Отдаленный стук в двери.

Я открываю глаза и с ужасом вижу князя, напряженно приподнявшегося и вглядывающегося в сторону двери.

— Сейчас! — хрипло отозвался Даркан.

И снова лег на подушку.

Очень медленно, очень осторожно отодвигаюсь от него, стараясь не скатиться в истерику, и вздрагиваю, когда его рука выскользывает из моих трусиков.

И теперь к пылающим после поцелуев губам вдобавок начинают пылать щеки, потому что белье было мокрым в определенных местах насквозь.

— Знаешь, — Даркан смотрел на меня с явным негодованием, — иногда я начинаю думать, что Валиант был прав — женщину следует брать силой. Вначале она посопротивляется, для вида, но на самом деле просто желает получить сексуальное удовольствие без чувства вины за то, что ей в принципе нравится секс.

И князь стремительно поднялся, чтобы скрыться в ванной комнате.

Уже там что-то разбилось. И еще что-то. И, кажется, там было разгромлено абсолютно все. Затем послышался падающей воды — Даркан отправился в душ.

Я же выдохнула только сейчас.

Перевернулась на другой бок, поджала ноги, закуталась в одеяло. Меня трясло. Дотронувшись до рта, поняла, что мы целовались. И это не было мимолетным поцелуем — губы горели огнем.

Быстрый осмотр собственного тела показал, что ночная рубашка была скомкана где-то выше груди, и ее пришлось быстро расправлять.

Но самым неприятным открытием оказалась реакция моего тела — я хотела продолжения. Точно зная те ощущения, что умел вызывать во мне князь, тело хотело... завершения, и это как минимум. А как максимум чего-то большего и основательного. В какой момент я стала шлюхой?!

— Ни в какой, мы женаты, — мрачно уведомил князь, пересекая спальню в направлении... гардеробной.

Хотя кто его знает, может там у него морг местный местячковый, такой чтобы был всегда под рукой, и никуда ехать не нужно было.

— Не смешно! — отрезал Даркан.

Да и мне не весело, если уж честно.

После ухода князя пришла Грэя. Лучезарно улыбаясь, она разложила для меня одежду и принялась рассказывать что-то про то, что я некоторое время поживу в покоях князя, так как мои собственные несколько пострадали во время вчерашнего нападения, но, так как мой гардероб располагался где-то ниже, все мои вещи ничуть не пострадали. Не та информация, что могла бы меня обрадовать.

Выбравшись из-под одеяла, я понадеялась, что Грэя не заметит беспорядка с моей ночнушкой, но понадеялась зря. Хуже того, я вдруг поняла, что засыпала вчера вовсе не в ночнушке!

— Грэя, — смутно припоминая, в чем я вчера была одета, позвала я, — а... ты меня одевала?

— Нет, — лучезарная улыбка идеальной горничной начинала уже пугать. — Князь очень заботливый муж, и его забота о вас восхищает.

О, да!

Обведя комнату взглядом, я обнаружила заботливо повисший бюстгальтер, и не менее заботливо лежащий на кресле халат. Ззззаботливый князь меня вчера очень заботливо переодел. Непонятно только зачем, учитывая, что после он же меня и облапал!

— Что вы желаете на завтрак? — с готовностью исполнить любое мое пожелание, спросила Грэя.

— Завтрак будет происходить на развалинах? — саркастично поинтересовалась я.

— Нет, что вы, там же головы, а вы их не любите. Я накрою стол для вас здесь, — уведомили меня.

Ах да, головы.

— Князя уже приходили «на поклон»? — действительно интересно было.

— Им запрещено приходить, — улыбка Грэи не меркла несмотря ни на что. — Дом Даркан хранит гордое молчание. И...

Тут Грэя немножко замялась.

— Князь просил узнать, есть ли у вас пожелания по интерьеру, дизайну, виду нового дома.

Я представила, как все это выглядит сейчас — руины, руины, руины. И заявила:

— Мне нравится тот постапокалиптический стиль, который замок приобрел в настоящий момент. Я бы хотела оставить все как есть.

И улыбнулась. Лучезарно.

Грэя улыбнулась в ответ, и коварно выдала:

— Значит я передам князю, что вы хотели бы и дальше жить с ним в его покоях.

Вот сволочь!

И эта сволочь, продолжая сиять клыкастой улыбкой, отправилась за завтраком.

— Эй! — возмутилась я.

— Шутка, — покидая меня, ответила Грэя.

— А давай обойдемся как-нибудь без шуток? — попросила я в темноту.

Но ответом мне была только закрывшаяся дверь.

На завтрак у меня был раскладной столик, бокал воды, сыр, оливки, фрукты и сырая рыба. Уставившись на последнюю, я прямо спросила:

— Грэя, меня решили добить?

— Мм? — горничная как раз заканчивала перестилать кровать.

— Это несъедобно! — высказалась я.

— Я рада, что вам, несомненно, стало лучше! — просияла Грэя. — А теперь будьте хорошей девочкой и скушайте все.

Я была плохой девочкой, поэтому посмотрела на нож. Нож, конечно, был пластиковый, но, если очень-очень постараться, то даже пластиковым ножом можно убить какого-нибудь кровососа... Комара к примеру. Мдам.

И вдруг Грэя резко выпрямилась и посмотрела на дверь.

Я тоже посмотрела на дверь.

Дверь посмотрела на нас.

Мы на дверь.

Дверь походу интуитивно почувствовала, что сейчас ее грохнут, и я бы ей посочувствовала, но тут Грэя оскалилась, и... Она явно по возрасту была близка к Навьену и Тэрансу. Чудовищная выдвинувшаяся челюсть, острые клыки и их там было вовсе не тридцать два, проросшие из-под ногтей когти и жуткое рычание где-то в грудной клетке, из-за которого от вибрации у меня в стакане вода заплескалась.

В следующее мгновение дверь выбили!

Жуткое покрытое местами каким-то бронированным хитином чудовище, возникло в дверном проеме и прорычало:

— Княгиня?

И посмотрело на меня. Шокированная я, еще пару секунд назад отрешенно размышляющая о возможностях применения пластикового ножа в добром деле убийства вампиров, с перепугу молча указала на Грэю.

Монстр в дверях зарычал и с бешенством выговорил:

— Ублюдок! Он уже начал трансформацию!

И зарычал.

Грэя зарычала в ответ.

Монстр кинулся к Грэе. Грэя встала в боевую стойку. Ну ни хрена себе, она и так может?

Но монстр боевой стойкой впечатлился не особо. Обманный маневр, захваченное с постели князя одеяло, мгновенно спеленутая рычащая Грэя, и перекинув ее через плечо монстр направился к выходу.

— Совет да любовь! — не сдержалась я.

И кошмар из фантастических боевиков остановился.

Затем медленно повернулся, чуть не стукнув Грэю головой о дверной косяк. И он бы стукнул, но я успела крикнуть:

— Грэя береги голову!

В следующее мгновение вампир невежливо уронил вампиршу. Вампирша разорвала одеяло клыками и когтями, встряхнувшись, как пес после купания, выбралась из обрывков, и попыталась напасть на неведомого мне явно князя.

— Мне говорили, что княгиня — человек.

Решительно улыбнулась во все свои тридцать нормальных зубов и два наращенных мне клыка, намекая, что я вообще ни разу тут не человек. Неведомый князь смерил пристальным изучающим взглядом меня, затем посмотрел на все еще скалившуюся когтистую Грэю и произнес:

— Еще до меня дошел слух, что княгиня красивая.

И меня снова оценивающе оглядели. После чего князь воззрился на чудовищную Грэю и произнес:

— Я склонен доверять полученной информации.

И схватив Грэю, чувак исчез в темноте. Огромные изумленные глаза Грэи стали тем, чего я, кажется, вообще никогда не забуду. Как и ее оскала с выдвинувшейся челюстью.

И тут в комнату заглянул князь. Который Даркан.

— Что делаешь? — беззаботно поинтересовался он.

— Зззззавтракаю, — ответила, собираясь заорать, что, между прочим, Грэю похитили.

— Ты моя умничка, — сказал князь. — Посиди пока тут, пожалуйста, мне нужен твой обслуживающий персонал вернуть и

желательно в целости и сохранности.

И он исчез.

А я осталась.

За прошедшие четверть часа я внезапно прониклась пониманием к Малисент, в том плане что тоже начала все нервно грызть. Я сгрызла завтрак. Все оставшиеся свои ногти. Понадкусывала даже пластиковый нож, но... все было глухо. Вообще. Везде.

Несколько раз я подходила к дверному проему, говорила в темноту «Ау», не радостно выслушивала возвращенное мне эхом «У», и шла грызть что-нибудь еще.

И вдруг в темноте возник демон. Точно не князь, потому что просвечивал призрачной фигурой, так что это был демон.

— Давно не виделись! — радостно произнес он.

— Угу. Здоров, Валиант, — нервно ответила я.

Демон оскалился, правда не так лучезарно как Грэя, и сообщил:

— Все, детка, я все устроил и мы сваливаем отсюда — ты, я и Навьен. Пошли.

А я... осталась стоять.

— Ты чего? — возмутился демон. — Пошли давай, время не ждет. Выходи, дальше на ручках понесу, так уж и быть.

Я... осталась.

— Каиль, не дури! — возмутился демон. — У меня нет времени на уговоры.

Но я все равно осталась стоять там, где стояла.

— Детка, в чем дело? — занервничал Валиант.

А дело было в Грэе. Она, конечно, зараза, но в данный момент ее похитили. И тут такое дело — я не знала, стоят ли какие-то датчики в дверном проеме, или может князь чисто интуитивно ощутит, что я вышла, но... Между мной и Грэй Даркан выберет меня, и может бросить Грэю, чтобы стремительно вернуться. И тогда Грэе конец.

— Каиль! — зарычал демон.

— Где Навьен? — спросила, чувствуя подвох какой-то, только не знаю какой.

— Ждет нас, за пределами особняка князя, — спокойно сообщил Валиант.

Но я видела, что он нервничает.

И можно было бы списать на особенности демонов, я вообще мало что знала про демонов, но что-то тут, кажется было не так. Например, такая штука — к поместью Даркана вела всего одна дорога. Я точно знала это, потому что лорду Сторсу, который ждал сына в качестве своего наказания, пришлось съехать в лес, чтобы эту самую дорогу не перекрывать. И вот если Навьен ждет нас там, то это не безопасно — неизвестно в какой момент вернется князь, и схватить нас для него будет делом пары минут, даже если мы помчимся по этой самой дороге на максимальной скорости. Но есть шанс запутать следы, если проехать через лес. Надеюсь, у Навьена внедорожник.

— На какой машине Навьен? — спросила у Валианта.

Демон нахмурился, и произнес:

— На обычной... ммм... красивой такой, синенькой как твои глазки. Пошли!

Я осталась стоять там, где стояла.

Потому что словно наяву, передо мной возникла фраза: «Автомобиль черный, тонированный, старый, полустертые номера».

Просто... Кто говорит про машину «старый автомобиль»? Или же «На обычной, красивой такой, синенькой как твои глазки»?!

— Твой шанс! — потрясенно прошептала я.

Валиант замер.

— Ты — Твой шанс!

Демон замялся, нервно улыбнулся и подтвердил:

— Ну да, я твой шанс, между прочим, последний. Так давай уже этим шансом пользуйся!

Пользоваться?!

Я готова была воспользоваться ножом, пусть даже и пластиковым, чтобы этому гаду голову откочерыжить.

— Это был ты! — у меня в голове не укладывалось. — Ты подставил Малисент и Сопротивление! Ты использовал личного секретаря! Ты нашел Ивгену Женьер! Ты!

— Гребанная полиция. — Высказал этот самый «ты».

А «гребанный полицейский» в этот самый момент делал вполне закономерные выводы.

В памяти всплыли страшны подробности моей условно первой брачной ночи и слова князя «И чем дольше князь остается без той,

возле которой сердце бьется чаще, ради которой стоит жить, тем сильнее становится пытающийся овладеть им демон».

И слова, сказанные Валиантом ночью «Понимаю, почему ты выбрала Навьена. Я сам изначально сделал ставку на пацана, решив, что смогу управлять им так же, как остальными вампирскими недоносками, но увы — у Вадимира оказались козыри в руках».

А вот и мотив!

— Слушай, — начал было демон.

— Ты, — выдохнула я, — это все был ты. Даркану нужен был наследник, а тебе нужен был Даркан в максимально ослабленном состоянии и ты сделал все, чтобы помешать его браку.

И собирающийся высказаться на тему «Давай бежать» демон закрыл рот, уставившись на меня медленно багровеющими глазами.

А я продолжила:

— Ты точно знал, что Даркан никогда не согласится с кандидатурой Ивгены Женьер, и это в принципе было ясно всем, кроме самой Ивгены, которой ты задурил голову блестящими перспективами.

Валиант помрачнел.

— Ты! — я чувствовала себя обвинителем на судебном заседании.

Демон скривился, и впервые произнес собственным, жутким, скрипучим, словно вилкой по пустой тарелке, голосом:

— Что ты, что мальчишка — два сапога пара.

Но, несмотря на внешнее спокойствие, он был в бешенстве. Настолько, что начал терять вампирские черты, и расширяться в плечах, увеличиваться в размерах и меняться мордой. И он понял, насколько изменился внешне, лишь когда я испуганно отшатнулась подальше от двери. Понял, но не отступил.

— Ничего, — прошипело это порождение ада, — я не гордый. Подожду. Сама придешь.

— Хрена с два! — не сдержалась, да.

— Придешшшшшш... — шипение, от которого кровь в венах стынет. — Прибежишь даже. Вами, наземными, так легко управлять.

И демон испарился.

Вот стоял, а вот уже и нет его.

Только пугающая темнота за дверным проемом.

Но я не успела толком впечатлиться тишиной темных коридоров, потому как вскоре слышались голоса вдали, потом шуршание и

шум, и вскоре в спальню вошел князь. За Дарканом несколько смущенно вошла Грэя, на ходу поправляя воротничок платья, на котором явно отсутствовало некоторое количество пуговиц.

— Как видишь, все хорошо, — улыбнулся мне Даркан. — Спасибо, что не покидала спальню.

— Всегда, пожалуйста, — нервно ответила я, разглядывая Грэю. — И кто это был?

— Ненаследный князь дома Текрад, — остановившись, и с нескрываемым подозрением разглядывая меня, произнес Даркан. — Каиль, ты бледна, как первый снег. Что случилось?

— Что значит «не наследный князь»? — проигнорировав вопрос, спросила я.

Грэя выглядела... странно. Вроде все в пределах нормы, чутки помятости на одежде, но лихорадочный блеск в глазах, и улыбка, совершенно отличающаяся от демонстративной лучезарности, и губы у нее, кстати, были заметно... зацелованными.

— Это значит — младший брат действующего главы дома. Каиль?

— Грэя? — в свою очередь спросила я.

И Грэя неожиданно смутилась. Вот это номер!

Под моим взглядом горничная смутилась окончательно, и разглядывая исключительно пол, пробормотала:

— Ненаследный князь осознал свою ошибку очень быстро, мы вступили в сражение и... я... он... мы...

— В общем — она его чуть не изнасиловала, — прекратил мучительный монолог князь.

И Грэя покраснела.

Натурально покраснела!

На щеках румянцем и на шее пятнами красными!

— Грэя, — потрясенно позвала я.

— Мне стоит переодеться, — выдала вампирша.

И стремительной тенью нас покинула.

Даркан сопровождал ее уход кривой усмешкой, и когда Грэя ушла, тихо сдал всю ситуацию:

— Я планировал перехватить их у автомобиля, я все же быстрее чем князь Текрад. Но у внедорожников их не оказалось. За пару минут я перебил боевиков и ринулся через лес. И, знаешь, был несколько удивлен крикам «Помогите, насилуют».

— Да чему же тут удивляться? Грэй просто звала на помощь!

— Мужским голосом? — насмешливо поинтересовался князь.

Оу.

— А что это на Грэю нашло? — тихо спросила я.

Пожав плечами, Даркан засунул руки в карманы брюк, и несколько напряженно ответил:

— То, на что я рассчитывал с тобой.

Пауза.

Она, возможно, и стала бы неловкой, но пока что в ней было больше непонимания, подавляющее большинство абсолютного непонимания.

Даркан тяжело вздохнул, мрачно посмотрел на меня и произнес максимально ровным тоном:

— Агрессия и секс связаны, Каиль. Контролируемое применение силы и настойчивость мужчины возбуждают обоих партнеров, вызывая нарастающее желание.

Снова пауза.

Выразительный взгляд князя. Непонимающий мой.

— Базовая фраза здесь: «Контролируемое применение силы и настойчивость мужчины», — уточнил для меня Даркан, видимо, перестав надеяться на мою сообразительность. — Это и произошло с Грэй.

Оу, вот оно как.

Что ж, мне оставалось только сообщить:

— Иди учи психологию, князь.

Вампир не вняв хорошему, между прочим, совету, остался стоять, обозревая меня с высоты своего роста.

— И в чем же я не прав? — в конечном итоге спросил он.

— Во всем, — мрачно уведомила его. — По твоей логике, если мужик проявил настойчивость и «контролировал свою силу», женщина тут же должна вспылать сексуальным желанием?

Даркан странно на меня посмотрел и ответил:

— Да.

Нет слов.

— Иди учи матчасть, — повторно посоветовала ему. — Потому что в психологии, ты, чувак, вообще нихрена не понимаешь!

И Даркан медленно выпрямился. Я только сейчас поняла, что все это время он старался быть чуть ближе, и поэтому немного сутулился. Но перемирие закончилось. Вот был нормальный князь, который спас Грэю, а вот его уже нет. Присутствует только сволочное вампирское безупречно-ледяное изваяние, которому над башкой не хватает транспаранта «Истинное и полное превосходство». И взгляд, из которого исчезают крохи тепла, делая его холодным, безжалостным, злым.

— Матчасть говоришь? — вкрадчиво-угрожающе переспросил князь.

И он высунул руки из карманов. Медленно оглядел свою правую ладонь, словно хотел убедиться, что с маникюром все в порядке, в смысле не пострадал маникюр после боя там, вновь взглянул на меня.

Все остальное случилось так быстро, что я оцепенела, ощутив яростный жестокий поцелуй, но едва попыталась вырваться, меня сжали в так, что не дернешься. Ощущение полнейшей западни, чувство своего бессилия, и агрессия с налетом эротичности, когда князь опустил руку с моей спины чуть... ниже, чтобы сильнее прижать к себе. И ни капли, ни толики боли, только ощущение собственной беспомощности, капкан крепких объятий, напор головокружительных поцелуев и запах самого князя, который даже без всего остального, уже в достаточной степени сводил меня с ума.

И в последней попытке мысленно отстраниться от происходящего, я попыталась представить себе то, что представляла все эти ночи – голову Навьена на пороге замка Даркана...

Но не вышло. В этот раз уже ничего не получилось. Теперь я знала, что головы тысячника там никогда не было, от замка уже вообще остались одни развалины, а Навьен... от меня отказался.

И князь остановился.

Обнял, крепко и надежно, прижал мою голову к своей груди и тихо произнес:

— У него нет выбора, Каиль. Просто из вас двоих он об этом знает, а ты нет. Все, не плачь.

Судорожно вытерла слезы с лица, даже не понимая, в какой момент они появились. Даркан галантно подал носовой платок, а я, забирая белоснежную ткань, посмотрела на ладонь князя. Когтей там не было, только идеальные ухоженные аккуратные ногти.

Зато когти были у Валианта. И предложение с «выбором» тоже имелось у него.

— Твой демон, — проговорила, промокая ресницы, — это все он. И «Твой шанс» тоже он. И...

И тут я вспомнила угрожающее: «Ничего, я не гордый. Подожду. Сама придешь».

Посмотрела на Даркана в ужасе, и спросила:

— Где моя мать?

Продолжая обнимать меня за плечи, князь достал из кармана телефон, открыл что-то, и передал гаджет мне. Там, на экране, моя мама, посвежевшая и помолодевшая, сидела на террасе с каким-то мужчиной, и улыбалась, беседуя с ним о чем-то и наслаждаясь чаем.

— Это кто? — напряженно спросила, указав на мужика.

— Доктор. Ее психотерапевт, — ответил Даркан.

Так, мама была в порядке. Это радовало.

Но напрягало очень демоническое: «Придешшшшшш... Прибежишь даже. Вами, наземными, так легко управлять».

Я знала, как работают вампиры — они давят на самое болезненное место, на близких и родных. Мой родной человек был в порядке, переходим к близким.

Почему-то я вспомнила свой кактус.

— Да ты издеваешься! — возмутился Даркан.

— Я думаю! — возмутилась уже я.

И вдруг все поняла.

— Навьен... — мой голос дрогнул.

Даркан замер, в темных глазах полыхнула ледяная ярость. Затем князь отобрал у меня телефон, набрал номер... И ответом ему были только гудки!

Напряженный взгляд князя на меня, стремительно бледнеющее лицо и через мгновение возле меня уже никого не было.

Грэя успела вернуться, навести порядок в спальне, принести мне обед и несколько платьев на выбор, а князя все еще не было.

Я ходила по спальне из угла в угол, догрызая последние ногти. Грэя улыбалась все так же лучезарно, но еще и немного мечтательно. Лично я не могла понять ее чувств, но в целом, если уж у нее такой темперамент, ее бы в полицию, в качестве подсадной утки. Представила себе сексуального маньяка, схватившего тихую скромную симпатичную жертву, и его истерический забег в момент, когда выяснится, что сексуально неудовлетворенный маньяк тут не он.

— Грэя, а сколько тебе лет? — спросила, делая очередной разворот.

— Девятьсот двадцать, — последовал вежливый ответ.

Я споткнулась об ковер и чуть не упала, но ничего, устояла в итоге.

— Хороший... возраст, — произнесла нервно.

Грэя посмотрела на меня с улыбкой, которая теперь стала еще и весьма понимающей, и произнесла:

— Полагаю, княгиня, вам интересно, что произошло между мной и младшим князем Текрад.

Мне было очень интересно, но я тактично промолчала.

Горничная, немного смущенно, произнесла:

— Младший князь очень... привлекательный мужчина. Мне всегда нравилась его позиция, я солидарна с ним во многих аспектах мировоззрения, и уважаю за силу, упорство и несомненный ум. Все же согласитесь, прорваться к вам, в момент когда даже князь Даркан поблизости, одно это уже говорит о многом.

Эээммм.

— Ко всему прочему, — продолжила Грэя, — князь так галантно убирал с пути все ветки, чтобы ни одна из них не задела меня, что я... не удержалась.

— Не удержалась в каком смысле? — настороженно спросила я.

— В прямом, — лучезарно улыбнулась вампирша.

Вздохнула, и продолжила:

— К сожалению, князь Текрад счел, что я являюсь княгиней Даркан, и потому не позволил вспыхнувшей страсти увлечь его в... весьма оригинальное приключение. Меня же ничего не сдерживало.

— В смысле не сдерживало? — возмутилась я. — Тут между прочим я стояла, переживала, волновалась, меня демон выманивал, а ты!

Грэя потупила взгляд, и коварно ответила:

— А я оторвалась. К тому же князь Текрад осознав, что я это не вы, больше не звал никого на помощь.

— Да? А почему он вообще начал звать на помощь?

Грэя смутилась окончательно, и, принявшись разглаживать несуществующие складки на алом шелковом платье, смущенно ответила:

— Младший князь Текрад очень нежный мужчина. Он не хотел причинить мне вред, и боялся, что может причинить мне вред. По этой причине он призвал к себе более слабых вампиров, которым проще контролировать свою силу.

Эээ... совсем эээ...

— А что они должны были сделать? — спросила окончательно шокированная я.

— Унести меня, не причиняя мне вреда, — объяснила Грэя.

— Ааа, — протянула я, — а я уж было подумала о худшем.

— К примеру? — изумилась горничная.

«Групповое изнасилование и все такое», — подумала я.

А вслух спросила:

— И как там Текрад?

— Когда я уходила, он практически был совершенно счастлив.

И принявшись напевать что-то про себя, Грэя начала расправлять и второе платье, тоже донельзя счастливая.

М-да, никогда мне вампиров не понять.

Еще с час я бродила по спальне князя, раздражаемая присутствием счастливой Грэи, которая в перерывах между томными вздохами и наведением идеального порядка, бесконечно мне напоминала про необходимость поесть.

А потом появился Даркан.

Он возник в дверном проеме, мрачный как грозовая туча и не менее мрачно вампир посмотрел на меня.

— Что? — спросила, остановившись посреди комнаты.

Я переоделась в трежлятое платье, и теперь шаталась в красном шелке, с красными ногтями, и красными губами. Если я, конечно, не сгрызла помаду с губ от нервяка.

— Сгрызла, но не всю, — прояснил для меня данный вопрос Даркан.

Помолчал напряженно, и сообщил:

— Навьен в аду.

Грэя пошатнулась. Но лично я обрадовалась очень.

— О, так он в вашей замке, первая хорошая новость за сегодня.

На меня как-то странно посмотрела горничная, еще более мрачно Даркан.

— Я сказал в аду, а не в доме, — ледяным тоном произнес князь.

И в чем разница?

На мой невысказанный вопрос последовал ответ:

— Разница в том, что трое суток – его максимум. Если его оттуда не вытащить, через семьдесят два часа Навьен сдохнет.

И тут уже пошатнулась я.

Медленно прошла к креслу, медленно в него села, в шоке глядя на князя. Князь без шока смотрел на меня. Грэя пыталась вообще не отсвечивать. А Даркан... кажется, принимал решение.

— Бегать можешь? — спросил он у меня.

Кивнула.

— Марш-броски на дальние расстояния?

Снова кивнула.

— Значишь, отправляешься со мной в ад, — постановил Даркан.
Отрицательно помотала головой.

Тяжелый вздох и усталое:

— Или ты пойдешь со мной, или... никто никуда не пойдет.
Выбирай.

— О, а я еще и стрелять умею! — сообщила, быстро поднимаясь с места.

Князь с усмешкой посмотрел на меня, и приказал:

— Грэя, помоги княгине переодеться.

Некоторое время у нас с Грэй ушло на споры, я не хотела надевать одежду князя, но горничная настояла на своем. Спортивный бюстгальтер ужал до максимума все, что там можно было ужать. Черная майка, причем ношенная, пошла сверху. Затем корсет из плотной чешуйчатой кожи.

— Крокодила ограбили? — поинтересовалась я.

Грэй лишь взглянула мне в глаза и не стала ничего говорить.

Брюки были тоже кожаными, и тоже ношенными. Зато носочки чистые, новые, из упаковочки, и черные. А следом сапоги на толстой подошве и с каблуком с квадратным каблуком. Несмотря на весь мой скепсис, они оказались удобными.

Потом мне сделали черными волосы. Черными и прямыми.

Потом пришел князь.

Тэранс, шедший за ним, остался за дверью, в смысле за проемом, двери то уже не было. Даркан отдал ему последние распоряжения, накидывая странного покроя кожаную куртку на меня, а после, приподняв пальцем мой подбородок, произнес:

— Готова?

И это не было вопросом. Я даже ответить не успела, как все вокруг нас начало меняться.

Меняться столь быстро, что казалось время полетело хаотично и стремительно. Вот мы в подвальной части замка, а вот все вокруг истлевает и разрушается и мы уже на поверхности. Солнце и луна несутся по небосводу как угорелые, сменяя день с ночью с невероятной скоростью. Лес вокруг разрастается, завоеывая развалины замка, затем леденеет, сжимается и вот вокруг тундра. Огромный ледник накатывает, погребая все под собой, даже нас.

— Дыши, — посоветовал Даркан. — Медленный вдох, медленный выдох. Если начнешь задыхаться — предупреди.

А я задыхалась, чувствуя, что вмерзаю в ледник в самом прямом смысле.

— Не паникуй.

Я перестала чувствовать свои ноги, вообще.

— Так, смотри мне в глаза, — поменял тактику князь. — И дыши.

Он легко склонился к моим губам, и прижался к ним за секунду до того, как нас поглотил лед. Вдох и выдох — он заставлял меня дышать, дышать собой.

Снова вдох и снова выдох — меня трясет от холода.

Мягкое движение губ и становится чуть теплее, а глаза — их теперь закрыть было сложно, они замерзли.

И вдруг порыв ветра, теплого, и лед начинает таять, чтобы через секунд пятнадцать исчезнуть полностью. И вокруг снова начинает расти лес. Сначала тропический, потом почти джунгли, затем начали появляться привычные мне деревья, а замок князя начал восстанавливаться на глазах.

Но мы не дождались его полного восстановления, Даркан оторвался от моих губ, и предупредил:

— Будем падать.

И земля под ногами разверзлась.

Короткое падение, и князь поддержал меня, иначе на твердую каменную дорогу я бы грохнулась. Но с его помощью мы вполне компактно прыгнули, оказавшись в полумраке, разгоняемом лишь... факелами, горящими на стенах домов.

Ад оказался... городом.

Изнанка

Мы шли быстрым шагом, под неизменные комментарии крепко державшего меня за руку князя.

— Не верти головой.

— Не останавливайся.

— Не смотри вверх.

— Перешагивай молча.

И все бы ничего, но не останавливаться следовало, когда из подворотни доносился отчаянный женский крик вопиющий о помощи, не смотреть вверх, когда там кто-то пролетал, перешагивать... трупы.

В таких условиях осмотреться толком не удавалось, я лишь успевала торопливо идти за уверенно следующим вперед князем, пытаюсь не перейти на бег, потому что Даркан шел все быстрее и быстрее.

И вдруг резкая остановка, мою руку, что была до этого как в тисках капкана — выпустили, и сам Даркан склонился в низком поклоне, умудрившись с силой отшвырнуть меня к стене. Так что пока все остальные, оказавшиеся не столь расторопными и подготовленными как князь, пытались склониться с непростительным запозданием в сотую долю секунды, я сползала по стене, и... это оказалось моим спасением.

Карета появилась без звука, без стука, без заметного движения.

Черная четверка лошадей с ярко-алыми глазами, какого-то жуткого вида четырехлапый извозчик на козлах, причем две его руки были заняты управлением каретой, третья была максимально далеко от нас, слева, а вот четвертая, она же вторая правая, держала хлыст. И каждый, кто не успел склониться или не склонился достаточно низко, получал... даже не то чтобы удар. Под тихие сдавленные завывания, нерасторопные оплакивали потерянные уши, пальцы, а порой руки и головы.

Но быстрая реакция, к сожалению, Даркану не помогла — карета остановилась дверцей аккуратно напротив него. Дверь раскрылась, длинные белые пальцы придержали красный бархат фосфоресцирующей ткани и раздался мелодичный женский голос:

— Какой милый юноша. Мне, кажется, это судьба. Красавчик, ты мне понравился, и у меня как раз сегодня свадьба, а мой жених так некстати сбежал. Но вот он подарок судьбы — я встретила тебя.

И я вдруг почувствовала себя... отмщенной. Не знаю что там наверху, ну кроме нормального мира, карма там или просто возмездие, но мне понравилось!

— Вынужден лишить себя столь почетной участи. Я не ровня вам, моя леди, — сдержанно, учтиво, галантно и весьма покорно произнес князь.

Черт!

А все так дивно начиналось.

— Хм, а малыш с характером, — несколько даже восхищенно произнесла «его леди».

К этому моменту я сползла по стене, и, к большому изумлению, обнаружила себя сидящей на чем-то. Ком-то. Этот кто-то едва слышно закричал, но возражать не стал и шепнул мне: «Переживу. Не дергайся».

То чувство, когда кто-то неведомый сходу начинает тебе нравиться.

И тут начатое было действо с князем, продолжилось самым знакомым мне образом.

— Малыш, — сладко пропела та, кто считал себя вполне вправе убивать и калечить за малейшую нерасторопность поклона ее экипажу, — вероятно, ты несколько поглупел от счастья, и потому не понял. Что ж, я перейду на более понятный для тебя язык — в карету. Живо!

Не знаю от чего, но я заулыбалась.

Быстро обернувшийся ко мне Даркан эту улыбку заметил.

«Карма» — максимально громко подумала я.

— В карету, — пропела «ледя».- Не люблю просить дважды. И, как ты понимаешь, третьего раза не последует. Ахраон!

Жуткий извозчик спрыгнул с козел.

Даркан моментально выпрямился.

Кто-то подо мной, кто мне сходу понравился, прохрипел шепотом:

— Валим.

— Я с тобой, — тем же шепотом ответила ему.

В следующий миг начался не просто ад — началось адище!

Индивид подо мной, бесшумно и ползком двинулся в ближайшую подворотню. Я, сидящая на нем, соответственно двинулась в том же направлении, используя так удачно подвернувшийся транспорт. Все остальные тоже расползались.

Сверкнула сталь.

Я услышала голос князя «Не смей!» и... не посмела двигаться вообще, вот как сказал, так и сделала.

— Кому это он интересно? — хрипнуло мое транспортное средство.

А потом в жижу перед нами рухнула рука. Оторванная. Жуткая. Прямо с кнутом.

Мой «коняка» застыл, а затем на дороге раздался чей-то вопль:

— Это Райден!!!

Все застыли так, что даже дышать прекратили. А после кто не умел ползать по стенам — тот научился. Я чудом умудрилась ухватиться за шею спасителя, ибо я даже от ужаса ползать по стенам не умела, а вот чувак умел. И мы прорвались на крышу, там уже бежали на пару, поддерживая то я его, то он меня, когда кто-то

соскальзывал с черепичного покрытия, а потом мы свалились в какой-то дом. Там кто-то орал. Кажется ребенок. Мой транспортный товарищ утащил меня в тот момент, когда крик младенца в люльке начал трансформироваться в масштабный огненный шар. Этот шар рванул, разнося дом на части, когда мы ползли по стене соседнего. От взрывной волны, моего «коня» смело. Чудом ухватившись за балкон, мимо которого нас пронесло, я ногами удержала коня. Вспомнила дивные сказки о том, как богатыри силой ног коней своих разворачивали. Почувствовала себя богатырем.

— Спасибо, — прохрипел мой способный ползать товарищ. — Я — Сай.

— Каиль, — представилась в свою очередь.

Едва ударная волна пронеслась, Сай снова ухватился за стену, я, соответственно, за него. Мы помчались скачками как можно дальше.

— Трижды проклятая ночь, — посетовал между рывками мой соратник по убеганию, — последний раз согласился на работу под прикрытием.

И тут у меня сердце екнуло.

— А ты кто? Полиция? — спросила, продолжая цепляться за его плечи.

— Какая полиция? Ты что, с поверхности? Я — стражник.

— Я — полицейский, — пискнула я, потому как Сай совершал какой-то совсем уж идиотский прыжок, прямо под мост.

А под тем мостом вода была какая-то угрожающая и кем-то кишачая.

— Что ж, многое проясняется, — замерев в положении «на весу», сказал Сай.

— К примеру? — не поняла я.

Сай повернул ко мне голову, у него она оказалась способна разворачиваться на все 180 градусов, оглядел меня, и сообщил:

— Будь ты местная из вампирского района, ты бы мне руку на той крыше не подала. Клыки накладные?

— Фальшивые, — не стала скрывать я.

Сай оглядел меня еще раз, и задумчиво произнес:

— Значит полиция... Что ж, не думал что вы в курсе про Изнанку. Тоже операция под прикрытием?

— Можно и так сказать, — замялась я.

— Дай угадаю — тебя похитили, — усмехнулся Сай.

Зубов у него было явно больше тридцати двух, я бы скорее сказала, что там клыков под сотку имелось, но чего не отнять, так это прозорливости.

— В точку, — призналась я.

Сай вернул голову в исходное положение, размял шею и постановил:

— Ладно, выбираемся отсюда. С остальным решим позже.

В этот момент я подумала, что как-то не хорошо с моей стороны подставлять Даркана. Все же он сюда за Навьеном пришел, и я как бы подписалась на содействие, иначе хрен бы он сюда вообще явился, но...

Тут вода под нами закишела еще сильнее, и я услышала хриплый вопрос:

— Там Райден?

— Да, — однозначно ответил Сай.

И звучало это примерно так, как если бы там была атомная бомба, или что похуже.

— Валим! — решили все в кишащей воде.

А я, пользуясь суматохой, осторожно спросила:

— Слушай, а кто такой Райден?

— Машина для убийства, — вообще без шуток ответил страж. — При жизни был еще ничего, но уже и тогда от него все старались держаться подальше, а как спелся с этим упыриным выродком... То чего не было у демона, сполна воплотил вампирский княжич. Пацан по-началу еще держался в рамках, его Валиант кое-как контролировал, но Райден втихаря натаскал своего протеже. В Изнанке Даркану равных нет, сама видела — гроха грохнул без напряжения, и он такой во всем — монстр, созданный для уничтожения, безжалостный, совершенный, и всегда спокойный. Ребром ладони способен разрубить вошедшего в силу демона, жуткий тип. Потом покажу его дело, если захочешь. Сейчас валим.

— А... эм... Что будет с Райденом?

— Не правильная постановка вопроса, — Сай тяжело вздохнул, — тут скорее вопрос в том, что будет с вампирским кварталом.

Стражнический участок от нашего полицейского отличался не сильно. Над дверью имелась табличка, гласящая, что данное учреждение носит название «Отделение городской стражи северо-западного округа», но это если смотреть прямо. Стоило чуть скосить взгляд, и становилось понятно, что надпись выполнена на какой-то смеси рун и иероглифов, и я лично вообще понять не могла, каким образом я все это оказалась способна читать. Да, по сути, и речь Сая я понимала хрен его ведает как, но понимала.

Мы ворвались в участок вместе с серым безрадостным рассветом, и от столов в подобии оупен офиса подняли головы с красными вовсе не от расовых особенностей, а от недосыпа и переутомления глазами все работающие сотрудники. Тут было... хуже чем в самой психованной сказке — две феи, с короткими стрижками, одинаково красивыми огромными тоже покрасневшими глазами и сверкающими черными прозрачными крылышками за спинами, трое громил с кожей зеленого цвета, парочка полностью покрытых шерстью мужиков с кошачьими глазами, одного чувака со змеиной кожей, и... нас Саем.

— Так, — начал явно начальник этой конторы, — это Каи, наша коллега с поверхности, маскирующаяся под вампира. Гродар, подправь ей потом клыки, а то залетит еще на фоне текущих неприятностей. Теперь к херовым новостям — в квартале демонов по сравнению с кварталом вампиров все очень даже мирно и спокойно.

И тут одна из феечек обронила бумаги и прошептала в ужасе:

— Только не Даркан!

Сай промолчал. Все поняли, что худшие ожидания подтвердились.

— Руша, отставить истерику, пристроить новенькую, — скомандовал ей начальник.

— Эстэр, отзывай всех наших, никаких операций под прикрытием до завершения конфликта между вампирами и демонами.

— Какого хера вообще конфликт возник? — прорычал один из зеленокожих. — Жили же тихо-мирно, только все наладилось.

— Ходили слухи, что из-за бабы, — пожал плечами «кошак».

— Уж я бы эту бабу... — зеленокожий размял пальцы с хрустом, я впечатлилась бицухами.

Мне стало не по себе.

— Руша, я отдал приказ, — напомнил начальник.

Феечка магией подняла листки с пола, махнула мне, и, бросив бумаги на свой стол, повела за собой куда-то в подсобку.

Подсобка выглядела... мягко выражаясь печально, шестиглазые крысы вообще не гостеприимно, но как оказалось, все самое интересное открывалось за дверью с надписью «Нужник». За одной дверью он точно был, я усекла подобие унитаза, правда явно не из фаянса или чего-то вроде, а грубого каменного, а вот вторая дверь вела мимо унитаза во что-то мрачное, и оттуда, почти без перехода в темный коридор.

И тут позади нас что-то заскрежетало.

— Гродар, не беси меня! — высказалась феечка.

— Так, а я не тебя, — мурлыканье позади сильно напомнила кошачье, ну если бы кошка был метра под два ростом. — Коллега, значит.

— Типа того, — я была в шоке слегка.

— Шеф потрепанный, ты местами тоже. Вчера из вампирского квартала валили вместе? — и это уже было похоже на вопрос.

— Типа того, — моя многословность поражала даже меня.

— Шеф тебя сходу под крыло взял, — продолжил кошка, — ты ему что, жизнь спасла?

— Типа того, — то ли на меня вся ситуация накатывать вместе с шоком начала, то ли хрен его знает. — Но если честно, он мою за вчера спасал чаще раза в три.

— Шеф такой, — согласился Гродар. — Но и ты — зачетная. Мало кто взялся бы помогать стервятнику.

Я вообще не поняла о чем он.

К счастью кот и не расспрашивал. Мы свернули с коридора в какой-то другой коридор, оттуда в еще один, а потом Руша открыла какую-то дверь, за которой летали бабочки, цвели цветы, росла трава прямо из ковра, и имелось две определенно казенные кровати.

— Правая твоя, моя левая, — сказала фея, разгоняя крылышками бросившихся к ней бабочек. — Садись. Гродар, ты ей не только зубки подправь, но и...

— Ушшшки, — промурлыкал шерстистый громила, по-кошачьи просачиваясь в комнату феи.

Руша тем временем насыпала явно сахар в кормилку для бабочек, и те ринулись поглощать внеплановый перекус. Походя фея полила ковер из лейки которую подхватила со столика, и не останавливаясь, даже не замедляясь ни на миг, ту же воду подлила бабочкам.

Потом прошла к шкафу, открыла, достала комплект униформы, и не оборачиваясь, начала выговаривать коллеге:

— Гродар, какие ушки? Мы в шаге от квартала оборотней, ты хочешь, чтобы ее уже сегодня уволокли на случку?

— Какую случку? — не поняла я, в ужасе глядя на мужика с мордой кота, который очень плотоядно оскалившись, склонился надо мной.

— Да к местной свахе, — Руша кинула на кровать рядом со мной комплект темно-коричневой формы и черные ботинки. — У оборотней демографический кризис, они приняли меры... своеобразные очень.

— Но ей бы пошли ушки, — мурлыкнул Гродар.

— Отвали! — вполне разъяренно прошипела феечка, ощерив такие клыки, которыми не мог похвастаться даже оборотень. — Нам лишнее внимание не нужно. Любая сваха поставит ее на учет. А коллега у нас под прикрытием. Вопросы?

Вопрос у кота был — склонившись к самому моему лицу, он прошептал:

— Какого цвета хочешь крылышки?

— Черные! — не задумываясь ни на миг, выпалила я. — Глаза тоже черные. Клыки... как у Руш.

Фея одобительно мне улыбнулась.

— Неплохо, — кот, напротив, помрачнел. — Только ты учти, что Руша у нас фея ядовитая, но не смертельно, от того глаза синие. А если я тебе черные сделаю, ты станешь максимально игнорируемой персоной, тебя постараются вообще не замечать.

— Мне подходит, — искренне обрадовалась я.

Гродар коварно прищурился.

Что там происходило дальше я особо не поняла и не почувствовала, а потом кошка отошел в сторону и сказал:

— Готово.

Руша достала откуда-то зеркало и подала мне.

Ну... что сказать. Я была темной шатенкой с голубыми глазами, а стала платиновой блондинкой с огромными черными и миндалевидными. За спиной колыхались блестящие черные словно из кружева крылышки, точнехонько в цвет глаз, а клыков у меня теперь было с полсотни мелких, острых и блестящих.

И еще у меня имелась мысль, что я сошла с ума, и лежу сейчас где-нибудь в частной клинике, с полным набором психотропных веществ в крови.

— Ты вообще как, останешься спать, или пойдешь в офис? — закатывая рукава формы обратно, спросил Гродар.

— Я — работать, — решила мгновенно.

— Ну вот, сразу ясно, что ты из наших, — хмыкнул Гродар.

И ушел, вежливо позволив мне переодеться.

Руша терпеливо ждала, пока я втиснусь в форму и научусь складывать новоявленные крылья. Складывая одежду от Даркана в шкаф, я осторожно спросила:

— Слушай, а тут можно как-нибудь сообщить кому-нибудь что-нибудь?

Окинув меня задумчивым голубым взглядом, Руша ответила:

— Хватаешь вестника, суешь письмо, называешь имя. Денег дать?

Я кивнула.

Первое, что я сделала, спустившись в офис, так это написала письмо Даркану. В нем было не так уж и много информации, всего лишь: «Я в полном порядке, у друзей, мне ничего не грозит. Спасай Навьена спокойно, не отвлекайся. Каиль».

Вестником оказалось подобие черных крыльев летучей мыши без самой летучей мыши. Услышав имя «Райден» безмозглые крылья заметно содрогнулись, но получив оплату, помчались уносить послание, а я вернулась в полицейский... в смысле участок стражи. И я была практически счастлива!

Ровно до слов шефа:

— Каи, ты со мной на вызов.

Стервятник и ядовитая фея – просто напарники года, и об этом шептались все. Отделение стражников, которые вызвали наш, особый отдел, расступались, стараясь на Сая не смотреть вовсе, а на меня лишь очень украдкой, и видимо для того, чтобы сразу запомнить к кому близко не подходить.

Погибшей была фея.

Такая странная, очень ухоженная, стильная, в длинной юбке-карандаше с молнией на всю длину этой юбки, зеленой блузкой в тон к зеленым крыльям, и черными покрытыми чем-то блестящим волосами.

Из-под волос растекалось пятно крови, вполне себе красной.

Такой же красной лентой было отгорожено место событий, заставляя разношерстную компанию адовых зевак держаться подальше. Как и сказала Руша тут был квартал оборотней, поэтому превалировали шерстисто-когтистые зрители. Оборотнями был и отдел стражей, вызвавших нас. Сейчас, при свете начавшегося дня, я

заметила, что Сай реально похож на стервятника, в смысле грифа, разве что клюва не было, но был нос. В остальном серая кожа, лысая голова, клыкастая пасть, но вот телосложение жуткова-тое — квадратное такое, и на сапогах четыре пальца, как на носках с пальцами, только у шефа стражи пальцы были с когтями.

— Зачем нас вызвали? — недружелюбно начал он, едва начальник оборотней попытался хоть что-то сказать.

И продолжив технику непозволения кому-либо вставить хоть слово, задал следующий вопрос:

— Что, воняет так, что у вас, мохнатых, нюх отбило?

Громила волчьей наружности, издал рык, явно означающий ругательство, и произнес:

— Самоубийства не по нашей части. Фея — самоубилась. Заполняйте бумаги и забирайте тело.

Прозвучало почти как требование.

Шеф скривился, обнажив половину своих клыков, повернулся ко мне и вполне серьезно спросил:

— Что скажешь?

Я могла бы сказать, что я в ахере, но если отбросить странную наружность окружающих, ситуация вполне себе была штатной.

Обойдя шефа, я присела на одно колено, оглядывая погибшую. Кто-то из оборотней в форме протянул мне странную конструкцию типа крючка на длинной стальной ручке, начала подозревать, что у них тут тоже что-то вроде отпечатков пальцев имеется, вот и не хотят, чтобы наследила. Ну ладно, будем работать как всегда.

— Итак — фея, — начала я, продолжая ахренивать с реальности, — судя по всему, офисный работник.

Я указала на мозоль, вообще не волшебным образом обнаружившуюся на левой ноге, которая оказалась без туфли.

— Кстати, где вторая туфля? — поинтересовалась мимоходом.

Просто одна ярко-зеленая на нехилой такой шпильке, превращающей обувь в помесь пыточного инструмента и попытки самоубиться путем падения сопряженного с ломанием ног имела на правой ноге, а на левой не имелось ничего, кроме мозоля и педикюра кроваво-красного цвета. Мне Грэя такой же сделала, бесил жутко.

— На лице следы косметики, — продолжила я, — волосы уложены.

И перекладывая темные пряди, я обнаружила вторую интригующую деталь:

— Две верхние пуговицы на блузке отсутствуют. Тело могло получить повреждения о что-либо при падении?

Я запрокинула голову — над нами имелось только небо. Кстати, синее, но с серым оттенком.

— Любопытно, — пробормотала, понятия не имея — фея сама могла взлететь? Ибо прыгать тут было неоткуда.

Тут шеф опустил на колено рядом, взял такой же крюк на длинной ручке, это явно был предмет местного спецоборудования, приподнял волосы жертвы, и сообщил:

— На шее следы удушения.

— Любовная игра иной раз бывает и жесткой, — высказался глава оборотней, намекая, что подобные отпечатки жертва могла получить и от любовника.

Сай взглянул на меня птичьими бусинками черных глаз, и озвучил ранее мною сказанное:

— Где вторая туфля?

Ответом нам было молчание.

— Убийство, — сказала я.

— Убийство, — подтвердил шеф, поднимаясь. — Работайте, сержант Рырг.

Когда мы уходили, этот Рырг костерил меня на чем свет стоит, желая мне как минимум выйти замуж за помесь демона и вампира. Учитывая, что эту процедуру я уже миновала, пугаться мне больше было нечего.

Безлошадный возок особого отдела ждал нас у парка, возле которого обнаружили тело. Шеф дал отмашку спецам, готовым идти паковать тело, чем заметно их порадовал.

И тут ко мне подлетели крылья, неся конверт пугающего черного цвета.

А отправляла я, кстати, белый.

Под внимательным взглядом шефа Сая, я приняла конверт. В махоньком конвертике оказалось на удивление много всего. Для начала деньги – компактный черный кожаный кошелек содержал маленькие золотые, серебряные и медные монетки. Затем там было кольцо, на котором имелась надпись «Собственность Объединенного Общества Обособленных вампиров», затем собственно письмо, начинающееся со вполне ожидаемого: «Убью!»

Шеф перегнулся через мое плечо, посмотрел на письмо и любопытствовал:

— Что за язык?

— К сожалению тот, что я понимаю, — посетовала я.

— А я нет, — мрачно произнес Сай.

— Первое слово — «Убью», — безрадостно перевела я.

Остальное все равно пришлось читать. Там имелся адрес, куда мне незамедлительно следовало отправиться, и вот адрес был продублирован на местном языке, его шеф стражей понял. Далее следовали указания что как и кому можно говорить, а про что лучше заткнуться. Что извозчика я должна выбрать из красноглазых и чернокожих — я огляделась и заметила парочку таких бедолаг, к слову к ним вообще никто не подходил и в целом от них старались держаться подальше, и бедняги всеобщее неодобрение явственно ощущали, поэтому щерили клыки всем кому только могли.

— Распоряжение Даркана, — сказал кто-то из наших коллег, затягиваясь темной сигарой. — С ночи по всем кварталам стоят, кого-то ждут. И не только возницы, у каждого экипажа охрана по пять-шесть вампиров.

— Я заметил, — сказал шеф.

Я лично вообще никого из вампиров не заметила, но, зато, поинтересовалась на всякий случай:

— А у вас тут есть оружие, стреляющее осиновыми кольями?

Шеф махнул своим, чтобы грузились в возок, и едва мы остались условно одни, тихо спросил:

— Ничего рассказать не хочешь?

Я не хотела. Вообще.

Кивнув на вампирскую службу предзаказанного такси, спросил:

— Тебя ищут?

Что тут сказать?

Сказала как есть:

— Вот короче все проклятия и пожелания сержанта Рырга в моем случае уже сбылись.

Сай хмыкнул.

— Смотрю, бежать к мужу желанием ты не горишь, — верно подметил он.

— С очевидным не поспоришь, — вздохнула я.

— Но ты точно страж, — Сай посмотрел куда-то поверх моей головы. — А сдавать своих я не привык. Спасибо за фею, кстати.

Помолчал, затем достал из внутреннего кармана блокнот с желтыми листками, и передав мне, скомандовал:

— Пиши. «Воспользоваться предоставленным транспортом было бы глупо — помимо твоей охраны, еще около десятка демонов контролируют каждый экипаж».

— Что, серьезно? — исправно все записывая, уточнила я.

— Да, — и стервятник судя по всему был серьезен. — Деньги тоже верни, тебя по ним могут вычислить, а аванс я тебе сегодня выдам.

Меня такой поворот событий вполне устраивал, но помня, что князь в ад отправился ради Навьена, я добавила и от себя «Тут у них какой-то конфликт интересов между вампирами и демонами, полагаю что вы, условно выражаясь, на ножах. Спасешь Навьена — шли вестника, а я пока высовываться не буду, я еще от тетки из кареты не отошла. Но, заметь, карма существует. Надеюсь, она на тебе еще и насильно женится».

И я, позапихав все в конверт невероятной компактности, вернула вестнику, назвав имя Даркана.

Вторым вызовом шел сигнал из квартала демонов.

Шеф, получив его, скривился и предложил мне вернуться в участок. Но я дорвалась до свободы и работы, поэтому отказалась.

Ночью разницы между кварталами особо не было, но днем — еще издали, из парково-лесной зоны квартала обратной открывался вид на огромную черную гранитную стену, что окружала квартал демонов практически от горизонта- до горизонта, местами сливаясь с небом.

— Бесполетная зона, — уведомил меня шеф.

— Серьезно? — не поверила я.

— А еще непролазная, непроходимая, непросочимая — даже призракам вход запрещен. Новые правила, чтоб их.

На меня пристально посмотрели и шеф спросил:

— Уверена, что готова?

Пожала плечами — я уже вообще ни в чем не была уверена. Но вот тот факт, что за нашим безлошадным экипажем пристроилось еще пять таких же, коричнево-черных, меня почему-то успокаивал.

Проезд через стену внушал какие-то очень монументальные чувства. Потому что мы не через ворота проехали, а через тоннель шагов так сто-сто пятьдесят в длину. А еще — въезд и выезд это были разные тоннели, что вообще напрягало.

За стеной оказались дополнительные ворота, и там нас ждал досмотр, а вот после мы выехали на площадь перед огромным построенным в готическом или очень похожем на него стиле замком, и я замерла, увидев на ступенях Навьена.

Ступени были основательные, штук так пятьдесят, Навьен в черной кожаной одежде смотрелся очень стройным в сравнении с охраной из натуральных демонов, только каких-то перекаченных, таких, что бицуха с трицепсхой рвала стальные доспехи, а вот рядом с ним стоял... Валиант. То, что это не Даркан, я определила сходу и еще издали — у демона поведение было судорожно-суетливым, князь же так себя не вел, в Даркане всегда ощущалось сдержанное достоинство, а не высокомерие.

— Старайся помалкивать, — вдруг сказал мне шеф.

И наш экипаж, подъехав к явно ожидающим, остановился.

Сай вылез первым, подошел к ступеням, сдержанно поклонился Навьену, который ответил столь же сдержанным кивком, вообще никак не кланялся Валианту, и это явно взбесило демона, после чего повернулся к одному из демонов-качков. Тот из остальных выделялся лишь черной нашивкой на воротнике, на таком черном-пречерном воротнике такой черно-обсидиановой обшивкой, и вот уже с этим демоном шеф обменялся рукопожатием, и выслушал что-то сказанное им.

Кивнул, едва демон умолк... а клыки у этого демона были тоже не чета вампирским, и направился ко мне, под разъяренным взглядом Валианта.

— Короче, штука такая, — Сай извлек сигару серого цвета, зажег ее щелчком пальцев, и, затягиваясь, продолжил, — тут у них массовое самоубийство, в попытке призвать демона. Этот, — он указал кивком на Валианта, — пытается всем внушить, что произошло реальное ритуальное массовое самоубийство, но новый князь, — кивок в сторону Навьена, — хочет знать точно. Лекс сказал, что времени у нового князя мало, ответ ему нужен сейчас. Я так понимаю, что новый повелитель демонов более чем устраивает, а вот шавка-Валиант возле него — не устраивает никого.

Ну, так как мне порекомендовали молчать, я уподобившись всем присутствующим, тоже кивнула. И мы с шефом и группой следователей, пошли за начальником местной демонической охраны.

— Новенькая? — поинтересовался мускулистый демон, взглянув на меня.

— Практикантка, — одним словом обозначил мой статус шеф.

— Архаксан, можно просто лорд Лекс. Руки не подам, прости, с вами ядовитыми феями лучше конечности держать при себе, — своеобразно представился демон.

Улыбнулась ему во все клыки, и пошла вверх по ступеням, стараясь не оглядываться.

Не удержалась, наверху, уже сходя со ступеней на порог замка, я все же обернулась.

Валиант что-то суетливо говорил Навьену и подошедшим к ним демонам не такой мускулистой наружности, а вот Навьен... Тысячник

смотрел на меня. Прямо на меня. Не отрывая взгляда.

Мне захотелось остановиться...

Но тут шеф сказал «Поторопись».

Самоубийство реально оказалось массовым — пятьдесят демонов покончили с собой путем перерезания горла. Здесь были старики, женщины и подростки-парни. Все в светло-серых длинных одеяниях. Каждый в момент самоубийства находился в черте круга, каждый упал сжимая окровавленный кинжал... Во всем этом присутствовал дух сектантства, но при этом... и не присутствовал тоже.

— Клан Взывающих, — произнес лорд Архаксан.- Открыли путь лорду Навьену, но не только ему. Определенно ожидался и кто-то еще. Круг не замкнут и для полного счета не хватает еще семерых. Обнаружены утром. У меня есть заключение местных стражей, но князь Навьен — вампир, и он затребовал независимую экспертизу.

Сай посмотрел на меня, я ответила таким же напряженным взглядом.

— Смотрю новому князю вы не особо рады, — доставая перчатки, произнес мой местный шеф.

Демон сделал глубокий вдох, от чего сталь его доспехов затрещала, медленно выдохнул и, не сдержавшись, высказал то, что накопело:

— Владимир Райден Даркан может и мальчишка. Еще он демон только частично, являясь по сути вампирским князем. Но он дал мир и демонам и вампирам в Изнанке. От принесения ему абсолютной клятвы отделяло лишь отсутствие наследника. И вот князь женился. По слухам — княгиня уже понесла, и младенец силен как легендарные демоны времен тех самых легенд, он еще в утробе матери, а уже несет оживление. И тут заявляется Валиант, мы обнаруживаем массовое призвание лорда Навьена кланом Взывающих, которые в принципе всегда были главными сторонниками Даркана, и в размеренное существование со вполне определенными планами на будущее врывается хаос. Я в растерянности, Сайнхор. Навьен неплох, он вызывает уважение, но когда-то половина наших полегла в стремлении избавиться от Валианта, мы заплатили страшную цену и не готовы к...

Не важно. У нас пять дней, чтобы разобраться, в чем дело. Приступайте.

Пять дней?

Серьезно? Пять дней?

Я хорошо помнила сказанное Дарканом: «Разница в том, что трое суток – его максимум. Если его оттуда не вытащить, через семьдесят два часа Навьен сдохнет».

И вот сейчас я слышу от демона «Пять дней». Хм. Или мне кажется, или «Твой шанс» снова в деле...

— Трое суток, — сказала я, доставая из форменного кармана перчатки по ощущениям выполненные из странной субстанции, вроде и резина, а вроде и нет. — Семьдесят два часа, после которых лорд Навьен сдохнет. И тут еще стоит учесть такой момент – насколько я в курсе, лорд Навьен ранее спускался в...- чуть не сказала «ад» но исправилась на, — Изнанку.

И громадного размера демон замер.

Шеф Сайнхор неодобрительно покачал головой, глядя на меня, но если рассуждать логически, то выходит, что Валианта тут никто видеть не хочет, особенно если население уполовинилось, ради того чтобы избавиться от него, и явно это же население сильно постаралось сделать все, чтобы от демона избавиться.

А тут выходит целый клан poleg, внезапно воспылав любовью к этому демону и горя желанием вернуть его в этот мир. Потому что речь именно о нем, о Валианте, ведь Навьен сюда уже спускался с князем, и Даркан сказал, что повторные путешествия в эту хренову Изнанку проходят уже проще, хреново лишь в первый раз.

— Сайнхор! — прохрипел лорд Архаксан.

Шеф, пусть и временный, сдавать меня не стал и произнес:

— Практикантка у меня хоть и ядовитая, но, должен признать, умненькая.

Застывший демон, глядя на меня невидящими черными глазами без белка и зрачков, хрипло произнес:

— Мне нужно знать, имел ли лорд Навьен доступ. И было ли это ритуальным самоубийством, или...

— «Или», — уверенно сказала я.

Я в принципе сразу это поняла, ведь тела после смерти двигали. И хоть пол был черным, а кровь после похоже повытирали, на светло-

серых одеждах остались характерные смазанные пятна. У самого старого на вид демона на запястьях обнаружили следы от веревки. Судя по всему — стальной. Потому как обычная не сдирает кожу до крови, особенно если речь идет о демонах. Второй странностью было то, что самый старый демон умер первым. Затем те кто чуть младше. Потом еще младше.

Это было хорошо заметно по остаткам крови — у самого старого демона, с проседью в волосах, кровь уже полностью свернулась и осталась на воротнике сухим бурым пятном, у остальных консистенция варьировалась от засохшей к засыхающей.

— Убийства были совершены в разное время, большинство жертв перед гибелью были связаны. Тела двигали после смерти, — озвучила я. А вспомнив о методах Валианта, добавила: — Вероятно, имел место шантаж, по причине коего демоны и перерезали себе шею, вероятно надеясь собственной смертью спасти кого-то.

— Детей, — сдавленно прохрипел демон.

После, лорд Архаксан развернулся и как неживой, почти не сгибая ноги в коленях, направился к выходу.

— Это убийство, — вынес свой вердикт шеф. — Мы уходим.

Когда мы покидали территорию демонов, Валиант был схвачен. Очень примечательные светящиеся грязно-зеленым наручники были скованы одновременно и с ошейником, и с оковами на ногах. Сам демон пытался с пылом и жаром что-то доказать, даже оказавшись на коленях и в оковах.

— Весело у вас тут, — заметила я шефу, едва мы отъехали от демонических территорий. — Вас вызывают только в случае самоубийств? С убийствами сами разбираются?

— Это Изнанка, — задумчиво глядя на меня, произнес шеф Сайнхор, — вслед за самоубийством приходят неупокоенные души. В самом прямом смысле этого слова и явления. Если вовремя не устранить тело, начинается моровое поветрие. У вас не так?

— Все кардинально иначе, — подтвердила его теорию. — Полицию вызывают в случае убийств, при самоубийствах дела не заводят.

Нахмурившись, стервятник уточнил:

— А как же тела?

— Хоронят, — честно сказала я.

— Но так нельзя, — шефа явственно передернуло, — тела самоубийц имеют свойство восставать, заражая все кладбище, и убивать все живое в округе.

После подобной информации мне захотелось вернуться на место убиенной феи и перепроверить свои выводы повторно. Хоть бы сразу сказали! Мне же теперь мучайся в неизвестности!

Но не став заострять внимание на том, что теперь мне лично спокойствия не давало, шеф поинтересовался:

— Как тебе стена?

Мне особо сравнивать было не с чем, так что я промолчала.

— Увеличили вдвое с прошлого пришествия твоего Даркана, — хмыкнул Сайнхор.

— Он не мой! — мгновенно отрезала я.

Не став комментировать, шеф произнес:

— Даже увеличенная вдвое, эта стена не защитит их от Райдена, и им это известно. Реальной защитой мог бы стать ребенок Даркана, но ты не беременна.

— Откуда знаете? — тут же спросила.

— Я — стервятник, я такие вещи чувствую, — шеф ощерился в клыкастой улыбке. А затем, перестав сверкать клыками в полумраке экипажа, уже серьезно сказал: — Ты ночью спасла мне жизнь семь раз.

— Не считала, вы меня тоже спасали, так что...

— Я считал, — перебил Сайнхор.- Стервятников не любят, Каиль, даже прикасаться брезгуют, а ты действовала как напарник — без суеверий, без суеты, без лишних слов и действий. Я оценил и я в долгу. И еще кое-что — у лорда Навьена время истекает, тут ты права на сто процентов, но у тебя нет. И я не заметил, чтобы у тебя проявилось желание вернуться к... мужу.

Аааа... я все еще не до конца верила в то, что все это вот происходит в реале. Может, реально лежу себе отдыхаю в психушке, кто его знает, я уже мало чему удивлялась.

— Стервятник, значит? — уточнила, так на всякий случай.

— Да, и чувствую смерть, — подтвердил шеф Сайнхор. И добавил: — Твою смерть я не ощущаю вовсе. Никак. Даже приблизительно.

Ну, я промолчала.

К обеду мы вернулись в участок.

Было еще четыре вызова, на один я ездила с шефом, на остальные с другими сотрудниками в количестве не менее трех кадров. Я так поняла, что шеф в одном экземпляре замещал сразу троих.

На последнем выезде были я, Руша, Гродар и один из зеленокожих громил по имени Зурх.

И вот именно в этом составе мы и вляпались в неприятности.

Бумажную работу в отделении сходу перекинули мне. Я после полиции была привычна к отчетности, а у них все это ввели недавно. Так сходу мое преимущество не выявилось, мне дали заполнять доки на выезд по убиенной зеленокрылой феечке, в то время как сам шеф взялся за бумаги по выезду на территории демонов. Когда я справилась за пять минут, Сайнхор перекинул мне часть своей бумажной работы — за полчаса я все заполнила, и обнаружила, что на меня потрясенно смотрят все присутствующие. Руша скинула свои доки первой, после нее потянулись остальные — мне было не сложно. Моя стихия, в полиции большую часть времени отнимает как раз бумажная работа.

И вот когда я выполнила почти всю недельную норму, пришел последний вызов.

Шефа не было, а вызов шел откуда-то с кладбища, так что парни, Гродар и Зурх принялись вооружаться. Руша напротив — украшаться, а я как сидела с папкой, так и осталась.

— Стрелять умеешь? — не особо надеясь на положительный ответ, спросил Гродар.

— Да, без проблем.

Кошак повел плечом, демонстрируя, что не особо то и поверил, но поделился арбалетом, набором осиновых кольев к нему, и какой-то хреню, которая выглядела как массивный браслет с дополнительным кольцом. Браслет, кожаный с черным квадратом циферблата крепился на запястье правой руки, кольцо шло на левую, камнем вниз.

— Активируешь соприкосновением камня с механизмом, количество зарядов полторы сотни, — проинструктировал Гродар.

— На сослуживцев дуло не направлять, — добавил Зурх.

У меня сложилось ощущение, что в любой полиции примерно одинаковые подколки. Но отреагировала как положено:

— Поняла.

Мы выехали в сумерках.

Два стальных безлошадных экипажа с решетками на окнах.

За рулем был Зурх, Гродар заметно нервничал, Руша сидела в позе лотоса со мной рядом на заднем сидении и медитировала.

— О чем мечтаешь? — спросила из вежливости в основном.

— Выжить, — тихо ответила фея.

Э... эм.

— Все так серьезно? — занервничала я.

— Не выходи из экипажа, — посоветовала Руша.

— Кстати — да, — поддакнул Гродар.

— Я оставлю индикатор включенным, если что сматываешься без слов, — добавил Зурх.

В целом, такой инструктаж я слышала и раньше, и оба раза это было шуткой. Но сейчас почему-то четко ощущалось, что никто не шутит от слова вообще.

И потому, я решила уточнить:

— А что конкретно случилось?

Стражи как-то замешкались, но затем Зурх ответил:

— Вампиры. Нам сообщили о массовом восстании на древнем кладбище.

И пока я охреневала, Гродар добавил:

— Если это связано с политикой и сменой власти — молча уезжаем. Но если кто-то поднял кладбище стихийным мертвяком — вызываем подмогу и держим оборону.

— Ладно, — я откинулась на сиденье, напряженно размышляя о происходящем в принципе.

Вообще, вынуждена признать — я тут всего один день, но Изнанка мне уже вполне себе нравится, даже работенка появилась непыльная. Если это тот ад по поводу коего Даркан сказал «Добро пожаловать», то я не против. Меня устраивает. Но если еще сегодня я могу потусоваться с местными стражами правопорядка, то завтра придется решать вопрос с Навьеном, Валиантом и самим Дарканом. Хотя с Дарканом я бы предпочла не решать ничего, а вот Навьена надо бы вытащить — князь ни разу не солгал мне, так что я была уверена, что и слова по поводу Навьена ложью не были. Но Валиант... демон меня напрягал и сильно. И слова о том, что нами, наземными, очень легко управлять мне не понравились, и то, что он вытащил Навьена сюда и сделал князем мне не нравилось тоже. Сильно подозреваю, что Навьена демон в это втянул, шантажируя мной.

А потом стало как-то не до размышлений.

Первую безлошадную карету, которая по идее была нашей охраной, всосало под землю!

Гродар выругался, Зухр ударил по тормозам, Руша впала в транс, и действовать пришлось мне — распахнув дверцу, я ударом вытолкнула фею, мужики сориентировались сами, а я выскочила за мгновение до того, как наш экипаж ушел под землю.

— Каи, прикрой Рушу! — крикнул Гродар.

— Кладбище подняли, — вынес вердикт ситуации Зухр.

Руша зависла. В прямом смысле. Все так же в позе лотоса, разве что крылышки чуток подрагивали, с огромными широко распахнутыми глазами, феечка висела в воздухе, индифферентная ко всему происходящему. Я подобным абсолютным спокойствием не обладала, и ухватив ее за руку, потащила за собой, на крышу ближайшего склепа. Зухр тем временем отстреливал оскаленные клыкастые морды, рвущиеся к нам из темноты, а Гродар тоже медитировал, правда стоя на одном колене.

А затем извлек из внутреннего кармана... флейту.

Я чуть не рухнула с него, тут мертвые косяками прут, причем на нас целенаправленно, а он флейту достал. Блестящую такую, чутко сияющую.

— Держи Руш, — крикнул мне Зухр, вцепляясь в водосток рядом с моей ногой.

И Гродар заиграл.

Тонкая, протяжная, печальная мелодия звучала все громче и громче, словно звала. Зухр стрелял из всего, чего мог в положении — висим на одной руке, аки груша боксерская в спортзале. Руша ушла в астрал и вообще ни на что не реагировала. Гродар продолжал играть на флейте даже тогда, когда у Зухра кончились боеприпасы, и он принялся рубиться узким мечом, уже понимая, что кошака не спасти.

Я достала арбалет. Не мой ИКР-13 конечно, и первый выстрел ушел над плечом кинувшегося на Гродара мертвяка, но пристрелялась я быстро.

Правда, снаряды закончились тоже крайне стремительно.

И тут стало ясно, кому играл на флейте Гродар — первый экипаж, что ушел под землю с концами, из земли доставался с большим трудом. Я уже активировала браслет кольцом, и собиралась палить из непонятной мне конструкции, как дверь частично высвобожденного стального транспорта была выбита изнутри, и наши четко и быстро покинули экипаж, одновременно отстреливая Гродара от рвущихся к нему мертвяков.

Секунд через пять все были на крышах склепов.

Зухр, едва все покинули поверхность земли, активировал мину, и вот тогда стало ясно, к чему было «Держи Руш» — не придержи я феечку, ее снесло бы взрывной волной. А Руша, как оказалось, была нашим последним козырем.

Медленно раскрыв глаза, фея улыбнулась, словно в восточном танце пробежалась кончиками пальцев по браслетам, которые охватывали ее руки от локтя до запястья, раскинула руки, распространяя яркое сияние, и громыхнуло так, словно где-то посреди кладбища рванула атомная бомба. Такая охрененно ослепительная атомная бомба, но за мгновение до того, как нас ослепило, стало четко ясно — восстало все кладбище. Вообще ВСЕ! И тут мертвяков было даже не тысяча, восставшие вампиры исчислялись сотнями тысяч. И я

вот сильно сомневаюсь, что взрыв устроенный Рушей что-то кардинально изменил в нашу пользу.

— Твою нахрен мать! — выругался Зухр.

Руш сидела, потрясенно хлопая ресницами, и она тоже была в шоке. Гродар сжимал флейту, и смотрел на вновь погрузившееся в темноту кладбище так, что стало ясно — живым не сдастся. Вторая группа всю вызывала подмогу.

— Валиант! — прошипел Гродар с такой ненавистью, что я сходу поняла — он этого демона тоже не любит.

— Что будем делать? — прицеливаясь браслетом, поинтересовалась я.

Кот взглянул на меня как-то странно, хмыкнул и выдал:

— Молиться.

— Серьезно? — я реально понадеялась, что это была шутка.

— Серьезно, — без шуток подтвердил Гродар.

Руш стремительно срывала с себя одни браслеты, и надевала другие. Зухр перезаряжал оружие, прихватив пару обойм у Гродара. То есть в силу молитвы тут явно особо не верили.

Я вспомнила историю с Навьеном в морге, и решила, что хуже уже не будет.

Когда я уселась на крышу склепа в позе лотоса Руша, странно на меня посмотрела, но молча протянула один из своих еще не использованных браслетов — не стала отказываться, мало ли, вдруг пригодится.

— У вас вторая фея? — крикнули с соседней крыши.

— Типа того, — ответил Гродар, с нескрываемым сомнением взирая на меня.

Все на этой крыше знали, что я не фея. Все, включая меня.

Но это не помешало мне, закрыв глаза, старательно воскресить в памяти залитое холодным светом помещение морга, разорванное тело Навьена и всю ту боль, что рвала меня изнутри. Говоря откровенно, сейчас я испытывала несколько иные чувства, ощущая себя... да преданной и брошенной. Но несмотря ни на что, Навьен был мне дорог. И Навьен был вампиром.

Как и все эти, восставшие.

Я представила себе, как мучительно погибали вампиры. Если предположить, что в деле был замешан Валиант с его «Твой шанс»,

значит погибали тут более чем мучительно. Зачем? Понятия не имею. Но мне очень хотелось, чтобы все они были живы. Все кто погиб не своей смертью. Все, кого жестоко убили. Все, кто отдал свои жизни за чужие или даже свои идеалы.

Я просто хотела, чтобы они были живы. Вопреки всему. Чтобы просто были. Целые, невредимые, живые.

«Господи, помоги мне...» — было последней отчаянной мыслью.

И тут меня за руку схватила Руш, и начала стремительно натягивать на меня браслет за браслетом. С соседней крыши коллеги пошвыряли нам оружие и раздался крик:

— Если вашей феечке нужны амулеты, у меня есть рунические с полным резервом!

И тут снизу послышался голос:

— У меня семь родовых артефактов. Не стрелять, я жива. Передайте фее.

Какие артефакты? Я тут с конструкцией стрелятельного браслета до конца не разобралась, про артефакты вообще понятия не имею, так что я просто продолжила делать то, что умела — молиться. Не то чтобы читать «Отче наш», хотя мысль выучить наизусть теперь в планах определенно присутствовала, но в остальном... Я просто хотела, чтобы все были живы. Просто живы и не швырялись в меня артефактами в виде диадем, колье, колец и всего прочего — я всем этим еще в замке Даркана была сыта по горло, но крышу склепа продолжали усыпать драгоценностями.

А потом я просто вырубилась.

Когда я открыла глаза — надо мной летали бабочки, за окном сияло солнце и лучи проникали в этот тропический рай, и еще какие-то забавные птички размером с бабочек тоже порхали по комнате от одного цветка к другому.

— Очнулась? — позвала с соседней кровати Руш.

С трудом повернув голову, я чуть не выругалась — феечка выглядела сильно так себе. Ввалившиеся глаза, поседевшие волосы, поникшие крылья, истощенное почти до скелетообразного состояние тело.

— Выглядишь неплохо, — прохрипел этот полутрупик. — Воды...

Я думала она это мне, и подскочила было, но, оказалось, сказано было птицам — те шустро притащили изящный хрустальный чайничек и начали отпаивать Руш практически по капле, а я, хоть и чувствовала себя неплохо вроде, рухнула обратно на кровать — голова кружилась, перед глазами плясали черные точки.

— Ты молодец, — простонала, напившись, Руша. — Если бы не ты, мы бы там все вчера легли. Без вариантов даже.

Промолчала, пытаюсь понять, что я там вчера наворотила. С пониманием дело шло туго.

— Но я все пытаюсь понять, — продолжила фея.

Я не стала говорить, что занимаюсь ровно тем же.

— Ты не вампир, — Руш подняла руку, и ее тут же облепили бабочки, втирая какую-то мазь, — шеф не притащил бы к нам вампира, а вампирша не стала бы таскаться за стервятником.

Помолчав, осторожно спросила:

— Слушай, а банальные люди у вас тут водятся?

Фея замерла, повернула голову ко мне и высказалась:

— Откуда?

Я пожала плечами.

— Люди вымерли, — Руш обессилено откинулась на подушку. — Самая недолговечная раса. Теперь вымираем мы. Более восьми сотен лет назад вампиры замедлили этот процесс, в связи с чем у них

привилегии в Изнанке, но факт остается фактом — на сто умерших рождается один ребенок. Поэтому князя — неприкосновенны.

— Ииизвини, что? — нервно переспросила я.

Руша медленно повернула голову, посмотрела на меня потухшими зелеными глазами и с трудом, но выговорила:

— Вампирские князя возвращают жизнь. Этот дар только у них. Никакая иная магия не способна вернуть из мира мертвых, а князя — могут. К сожалению, только живые. К еще большему сожалению — они не слишком любят данный процесс, и редко спускаются в Изнанку. На сегодняшний день оживления ожидают более сотни недавно погибших.

Я вспомнила рассказы доктора Савадж и уточнила:

— На воскрешение где-то месяц?

— Да, — Руша говорила с трудом, словно каждое слово причиняло ей мучительную боль. — Так ты княгиня?

Замявшись, уклончиво ответила:

— Не уверена.

— Никто не уверен, — Руш закрыла глаза. — Но вчера ты оживила кладбище, которому сотни лет, и не затратила на это ни единой единицы магии моих артефактов. Мне просто интересно как?

Тот самый момент, когда, кажется, пора поговорить о боге.

— Я свидетель Иеговы, — пробормотала невпопад.

— Ничего не поняла, — призналась Руш.

И на этом перестала подавать признаки жизни.

Лежа на постели в окружении порхающих бабочек и встревоженных птичек, я посмотрела на феечку и подумала «Господи, пожалуйста, пусть она живет».

— Не нужно меня оживлять, — пробормотала фея.

— Ну ладно, как скажешь, — не стала спорить я, тем более что вообще не сработало и выглядеть лучше полутрупик крылатой наружности не стал.

И тут в окно влетел вестник.

Разогнав к чертям всех бабочек, он завис надо мной, ожидая, пока я возьму послание угрожающе-черного цвета. Мне послание брать не хотелось, но вестник настаивал, даже шипеть чем-то умудрился, пришлось брать.

Письмо началось со слов: «Феечка ты моя!»

Психанув, дотянулась до ручки, лежащей на тумбочке, и прямо там и написала:

«Не твоя!».

Далее Даркан повествовал о следующем:

«Умудрилась поднять кладбище силой молитвы?»

Из вредности приписала рядом «Нет, силой любви. Моя любовь к Навьену безгранична, и я решила поделиться ею с миром».

А вот потом было не до шуток:

«Я в курсе, где ты. Подстава со второй феей не сработала, твой новый шеф зря старался. Теперь по нашим делам — Навьен схвачен. Валиант сбежал. Мне потребуются сутки на то, чтобы поднять убитых демонов из клана Взывающих — это цена демонов за освобождение Навьена. Не высовывайся из участка стражи хотя бы один день. Я успел вмешаться вчера, но в течение этих суток буду занят. Береги себя, карма моя ходячая».

То есть вампиров вчера оживила не я...

Даже обидно как-то стало.

И то, что меня так быстро нашли — тоже не обрадовало.

И тут Руша поднялась, пошатнулась и странно на меня посмотрела.

— Что? — напряженно переспросила я.

— Мне... мне лучше, — явно не веря в то, что говорит, прошептала фея.

Подняла руку перед собой, потом вторую. Затем сделала приседание. Выпрямилась. Нахмурилась. Снова посмотрела на меня.

— Как ты это делаешь? — был ее следующий вопрос.

— Силой молитвы, — по-моему, идеальная отмазка.

Руш медленно опустилась на ковер, заняв кажется ее излюбленную позу лотоса, и спросила:

— Научить сможешь?

Да чему ж тут учить?

— Отче наш, иже еси на небеси...

— Подожди, я запишу! — Руш подскочила и бросилась к тумбочке, вернувшись обратно плюхнулась на пол, раскрыла блокнот, приготовила карандаш и воззрилась на меня в алчном ожидании продолжения.

А я, хоть убей, дальше ничего не помнила.

— Ну! — нетерпеливо потребовала фея.

— Бог есть любовь, - выдала моя память.

— Правда? — переспросила Руш.

— На сто процентов, — я села на кровати, расстроено констатировала помятость моих тонких крылышек и попросила: — Позови Гродара, пожалуйста.

Изменения в моей внешности происходили под строгим присмотром шефа Сайнхора. Белые волосы заменили на золотистые, черные глаза на сине-зеленые, феечность мне оставили, крылья правда изменили на зеленые, а мне прежние как-то больше нравились.

Когда со всем было закончено, шеф спросил только одно:

— Работать будешь, или отлежишься один день?

Учитывая полученное от Даркана письмо, я догадывалась, что это мог быть мой последний день, а потому с энтузиазмом отнеслась к идее вернуться к работе.

Я грызла яблоко, стоя у окна в допросной, и делала вид, что я тут вообще мимо проходила и особо не при делах.

Сайнхор и Комдор вели допрос, причем зеленокожий громила Комдор, иногда срывающийся даже не на крик, а на рев, играл доброго полицейского, а Сайнхор, хоть и молчал, почему-то выполнял роль злого полицейского.

Через стальной и ко всему прочему покрытый серебряными рунами стол сидела... девочка. Лет ей было десять-двенадцать на вид. Худенькая, маленькая, стройненькая, тощенькая, с огромными глазами, темными стриженными под каре волосами, белой почти фарфоровой кожей и маленькими аккуратными алыми губками на бледном идеальной формы личике. На девочке была форма какого-то учебного заведения, если я правильно поняла, а еще она превосходно умела... врать.

— Ничего не слышала. Спала. Я всегда по ночам хорошо сплю, нам ведь дают таблетки, — вещала дрожащим от слез голосом девочка.

Со стороны все выглядело примерно так — двое стражей схватили скромную забитую жизнью сиротку, притащили в участок и собираются повесить на нее, невинную, все преступления разом.

Продолжая жевать яблоко, я оттолкнулась от окна, подошла к шефу, Сайнхор двинул плечом, позволяя мне прочесть дело «маленькой беззащитной невинной десятилетней девочки».

И я чуть яблоко не обронила, вместе с надкушенным куском.

Невинной маленькой девочке было четыреста семьдесят лет! Уголовница со стажем — убийства, массовые убийства, подлоги, мошенничества, грабежи, снова убийства. Снова посмотрев на «дите», я не сдержалась и воскликнула:

— Да быть этого не может! Тут какая-то ошибка!

Шеф глянул на меня, затем на Комдора и ему приказал:

— Принеси стакан воды.

«Добрый полицейский» поколебался для виду, но именно что для виду, я уже эту схему воздействия на психику задержанного хорошо

знала, и вышел, сообщив девочке:

— Тебя никто не тронет. Права не имеют. Адвокат прибудет с минуты на минуту. Я сейчас вернусь. Ничего не бойся.

Малышка вздрогнула, закивала в ужасе, из прекрасных детских глаз скатились две крупные слезы — по слезинке на глаз. Идеально! Я бы ей вообще первый приз за актерскую игру выдала. Но тут такое дело — закрытая школа, в которой обучалось это «дите» и стало тем катализатором, что привело вчера к массовому восстанию на вампирском кладбище. И кладбище подняли сознательно — двенадцать учениц закрытой школы самоубились на этом самом кладбище, как итог... Ну, если бы не Даркан, итоги могли бы быть убийственными.

Так что я вступила в игру, точно зная, чего хочу от этой милой девочки.

— Итак, энитта Эори Ханиган, — зачитала я имя, выведенное Комдором в протоколе допроса.

В папке шефа Сайнхора имелось другое — эитт Гаа Нардак. Я так поняла что энитта это обращение к девушкам, эитта — к замужним женщинам.

Девочка, при обращении энитта заметно оживилась, несмотря на пудовые стальные кандалы, стягивающие ее тоненькие запястья, подалась ко мне, и с жаром спросила:

— Вы мне верите?

— Конечно! — заверила со всей искренностью.

И пробежалась взглядом по протоколу «доброго полицейского». Исходя из записей Комдора дело было так — милая девочка по имени энитта Эори Ханиган мило спала в своей милой комнатке на тринадцать человек. И вообще не понимает, куда делись остальные девочки из ее комнаты. Ну ушли и ушли, ей ни слова не сказали, она вообще спала после таблеток, которые всем выдают на ночь, чтобы сон был крепче и ничего не слышала.

— Итак, — я сделала вид, что целиком занята чтением протокола допроса, — вчера после ужина вы выпили таблетку... Снотворное значит. Это такие маленькие, синенькие, кругленькие?

И посмотрела на девочку.

— Зелененькие, — с готовностью поправила она. — Нам их всегда дают перед сном. Но... знаете, мне кажется, в тот вечер, девочки их опять не выпили.

— Да? — я показательно нахмурилась. — То есть все в школе послушно выпили, а они нет? Какие плохие, непослушные, недисциплинированные и опасные девочки. И часто они так?

Малышка кивнула, скривилась и добавила:

— Еще тупые. Почти всегда. Ночь бесились, а потом на уроках отсыпались и ничего учить не могли толком.

Я покивала сочувственно и внесла пункт: «Длительное отсутствие сна».

— Их наказывали? — спросила, дописывая слово «сна».

— Нет, — фыркнула девчонка, — мне приходилось молчать. Вы же понимаете, их двенадцать, а я всего одна... Мне было страшно.

Сильно сомневаюсь, что страшно было ей.

— Кто выдавал таблетки? — задала я следующий вопрос.

— Я, как староста комнаты, — девочка сникла. — А они... они пить отказывались.

Вот как...

— Чем мотивировали? — еще один осторожный вопрос.

— Кошмарными сновидениями! — всплеснула руками девочка, и от этого жуткова-то звякнули кандалы.

Посмотрев на наручники, я спросила шефа:

— А их можно снять? Все же холодное железо, ребенок еще артрит подхватит.

— По протоколу до окончания допроса нельзя, — совершенно равнодушно ответил Сайнхор.

Тяжело вздохнув, неодобрительно покачала головой, показательно не одобряя действия шефа участка стражи, и предложила девочке:

— Давай побыстрее закончим.

Она согласно кивнула. В огромных глазах плескалась надежда, на лице проступила невыносимая мука, а сотрудничать дите было готово во всем и полностью, только бы все это поскорее закончилось и ее отпустили. Я так подозреваю, что это было общее желание всех абсолютно задержанных — свалить поскорее. На этот рычаг воздействия я сейчас и нажала.

— Итак, энитта Эори Ханиган, — вновь вернулась к допросу, — значит твои соседки по комнате вели себя плохо уже довольно давно?

— Да! — воскликнула она. — Зовите меня просто Эори, пожалуйста.

Улыбнулась ей, соглашаясь с предложением.

— Эори, а по ночам девочки что обычно делали?

— Шушукались, — она лобик нахмурила. — Иногда что-то обсуждали, но так, чтобы я не слышала, и прятались от меня в дальнем конце спальни, будить не хотели.

Интересно, с чего бы им бояться ее разбудить, если по ее же словам энитта Эори Ханиган принимала снотворные и крепко спала, как самая порядочная и послушная ученица.

— Сколько дней они не принимали таблетки? — мой следующий вопрос.

Поразмыслив, девочка неуверенно произнесла:

— Шестнадцать дней... наверное.

Оговорка «наверное» была определенно некстати. Если она сама выдавала им таблетки, как староста, она должна была знать точно. Итак, первая зацепка.

— Кто выдавал старостам комнат снотворные? — продолжила я.

— Дежурная по этажу, — ответ последовал быстро, и явно был правдивым.

Отлично, а теперь первый подвох:

— Кто дал снотворные вам?

Ее ответом должен был быть «Дежурная по этажу». Причем ответом быстрым, без задержек и заминок, но энитта Эори Ханиган нервно улыбнулась и сказала:

— Та, так же как и всем. То есть...

Я не дала продолжить и уточнила:

— Давайте быстрее с этим закончим и отпустим уже вас. Мне совершенно ясно, что вы невиновны, и все это просто одно большое недоразумение. Поторопимся. Каждый вечер дежурная по этажу выдавала вам тринадцать синих таблеток, так?

Таблетки были зелеными, если учитывать ее предыдущие показания, но энитта Эори Ханиган допустила второй промах, подтвердив уже имевший обсуждение факт:

— Да, зеленые продолговатые капсулки.

Слишком подробное пояснение.

— Зеленые? — мой вопрос. — Почему они были зелеными, Эори? Вы ведь говорили, что синенькие.

Это говорила я, а не она, однако механизм уже был запущен, а энитта Ханиган поняла, что слегка запуталась в показаниях, и начала

стремительно тараторить:

— Иногда были синие, а так зеленые. У них такой цвет, потому что в гелевой капсулке содержится концентрированный снотворный отвар. Он мерзкий, и проще выпить таблетку, чем стакан этой гадости. Отвар делают в школе, он очень специфический, чтобы сон был крепким, но утром не было никакой сонливости. Чтобы учиться. Ну, вы понимаете?

— Ага, поняла, — еще несколько строк легли в протокол допроса. — Поэтому таблетки, которые вам дал демон имели другой цвет? Он не знал состава того снотворного, что разработали в школе? У него не было точной информации о таблетках?

Я говорила очень дружелюбно и с самой располагающей улыбкой на лице, а еще с сочувствием, которое выражала всем своим видом.

И это сработало.

Милая маленькая девочка, переменившись в лице, возмущенно воскликнула:

— Да все у него было! Состав, образцы, цветовые и вкусовые характеристики! Но нет, он же самый умный, до него попросту не доходило, что эти курицы, конечно, тупые, но не до такой степени, чтобы не отличить синие таблетки от зеленых! И я... Он... Вы...

И энитта Эори Ханиган, она же эитт Гаа Нардак застыла, оборвав себя на полуслове.

А я улыбнулась.

Посрамленная не знаю, кто по расовой принадлежности, переменилась в лице, и прошипела:

— Я никого не убивала! Доказательств у вас нет! Думали, что провели меня как тупую скрыггу?

Я не знала, что такое скрыгга, но определенно я догадывалась что:

— Доведение до самоубийства — это преступление. Вы лишили девочек сна на шестнадцать суток — и подтвердили это. Не удивлюсь, если вслед за отсутствием полноценного сна девочек преследовали галлюцинации, и уже даже не важно, способствовали вы этому или нет. Достаточно факта подлога таблеток.

И я посмотрела на шефа. Сайнхор криво усмехнулся, криво, но очень одобрительно, и произнес, обращаясь к стене:

— Дело закрыто. Забирайте.

Истаявшая стена, (а я еще удивлялась, почему в допросной комнате у них нет зеркала, за которым кто-нибудь стоит и все слушает, но как оказалось — все есть) и в допросную вошло двое вампиров. И как оказалось «злые полицейские» тут именно они.

— Нет! — заорала арестованная, стремительно меняясь в лице. — Это не так! Они сами! Я... она заставила меня это сказать, она медиум! Она...

Ее уже никто не слушал — двое вампиров, причем от их убийственного выражения на лицах даже мне стало нехорошо, да и в целом вампиров не люблю, подошли, подняли, и выволокли сопротивляющуюся «девошшку» в эту самую стену. Стена вернула свой прежний каменный вид. Мы с шефом остались сидеть.

— Ловко ты, — выговорил после некоторой паузы шеф.-Синенькие-зелененькие... Как ты поняла?

Пожав плечами, разложила все по полочкам:

— Первая оговорка — неуверенность в количестве дней. Как староста она должна была вести учет и знать точно. Вторая — о том кто выдает таблетки. Подвох в вопросе «Кто выдавал старостам комнат снотворные?», правильный и логичный ответ «Дежурная по этажу», и подозреваемая дала его быстро и четко, однако она замялась, едва я персонализировала вопрос, изменив на: «Кто дал снотворные вам?». Уточнение по цвету таблеток было лишь отвлекающим маневром и уловка сработала.

Сайнхор молча поаплодировал.

— Что с ней будет? — спросила, не столько из-за сочувствия, его особо не было, учитывая, что мадам стубила двенадцать жизней без зазрения совести, но вот как работает местная правоохранительная система мне было действительно интересно.

— Мы доказали причастность к преступлению, далее ею займутся коллеги из вампирского ведомства. У них есть право применять пытки, у нас его нет.

Ну прямо все как на земле — один в один.

— А если бы она оказалась невиновна? — поинтересовалась я.

— Отпустили бы, — шеф кинул мне папку на гражданку Гаа Нардак. — Как видишь, реально расколоть ее удалось только сейчас. До этого ей удавалось уходить от допросов с применением пыток — доказательств не было.

Любопытные у нашего отдела полномочия.

И тут зашла Руш и сообщила, что у нас новый вызов на место.

Со скалистого обрыва открывался вид на огромный океан из мглы. Мгла клубилась, местами из нее выныривали огромные рыбыны, местами щупальца кого-то наподобие осьминогов, иногда виднелись проплывающие вдали парусники, правда не похоже было, чтобы они плыли — скорее летели по волнам тумана.

— Не подходи близко к краю, — в очередной раз предупредил шеф Сайнхор.

И сиганул вниз.

Я осталась стоять, послушно отойдя за железную сетчатую оградку, видимо препятствующую желанию самоубийц самовыпилиться из жизни путем утопления в этом недоокеане. Помимо меня тут имелись три отряда быстрого реагирования. Вампиры, их отличала определенная темнота в отделке безлошадных экипажей, оборотни — они в основном были верхом на мотоциклах, и теперь пять железных коней шипели, медленно остужаясь. А еще тут были самые охрентельно красивые типы на свете — фейри. Я так поняла, что это феи, только мужского пола, но вели они себя как-то так, что я начала находить различия в их видовой принадлежности к той же Руше. Руша была нормальная, а эти нет. В основном золотые волосы, иногда серебряные. Одежда сплошняком белый и зеленый, украшения золото и платина. На длинных пальцах изящные кольца. В надменных взглядах смесь презрения и отвращения.

И одними взглядами эти семеро не ограничились.

— Надо встать с подветренной стороны, а то несет... падалью,- высказался один из них.

Я даже и не поняла сначала, к чему это было сказано, потом вспомнила что шеф у меня вроде как стервятник, и мне... обидно стало.

— Да, будьте так любезны, отвалите подальше, от вас жутко несет чем-то крайне неприятным, — высказала фейкомужуику.

В отряде оборотней послышались смешки, и мужик чем-то напоминающий тигра, поправив кожаную куртку, высказался, ни к

кому не обращаясь:

— Не знал, что у фей такой хороший нюх, думал мы одни здесь... вынуждены терпеть неприятные... пусть будет запаха.

Фейри заметно помрачнел, но оборотню он высказывать ничего не стал, а вот на меня обратил самое пристальное внимание. С вызовом посмотрела в ответ — и не таких наместо ставили.

И вдруг фейри как-то неуловимо изменился. В единый миг черты лица его утратили надменность и мерзопакость, став утонченными и в то же время мужественными. Взгляд — внимательным и притягательным. Тело — вызывающим желание прильнуть к широкой груди и узкому торсу. И даже волосы как-то оттенок сменили, подчеркнув выразительность взгляда.

— Отфотошопился на ходу, — задумчиво произнесла я, скептически рассматривая мужика.

Мужик слегка обалдел.

В следующее мгновение он как-то распрямился, расправил плечи и... стал красивее. Существенно красивее. Как с картинки. Идеальные волосы, идеальная кожа, идеальное тело, волосок к волоску, ресничка к ресничке, губки к губам...

— И фильтр добавил, — еще более задумчиво констатировала я.

И тут оборотни заржали.

Не поняв вообще с чего это они, я почему-то посмотрела на вампиров — те вели себя невозмутимее некуда, но почему-то тоже едва заметно, но улыбались. Едва фейри к ним развернулись в ярости, вампиры тут же улыбаться перестали и в целом вновь стали индифферентны к обстановке, но обстановка уже была накалена до предела.

— Очарование десятого уровня впустую, — сквозь хохот, утирая наворачнувшиеся слезы, проговорил оборотень, пытаюсь выпрямиться. — Хогвейн, это все, это старость, смиришься, друг.

Остальные оборотни ржали, даже не предпринимая попыток это скрыть. Фейри же словно каменели и леденели, казалось, даже дышать перестали, но в воздухе определенно несло ледяным бешенством. Ну и я так подумала, что на рожон лезть не стоит, и пошла поближе к оборотням. Встала, невозмутимо сделала вид, что я тут с ними с самого начала стояла, и вообще мы банда.

Тигропохожий же, подошел, хлопнул по плечу, как своего, и тихо сказал:

— Ты подожди, это же лорд Хогвейн, он до пятнадцатого уровня может. Готовься.

И тут в воздухе отчаянно запахло ландышами.

Я повернулась к фейри. Он стоял, все так же в окружении своих, но парочка разделявших нас, так сказать убралась с дороги, позволяя главному произвести убойный и прямой удар харизмой пятнадцатого уровня. И харизмы хватало! В лицо фейри словно дул легкий ветерок, идеальные волосы стали еще идеальнее, глаза напоминали два омуты, в которые хотелось рвануть и нырнуть с разбега, не лишённые выразительных мускул плечи стали еще выразительнее, а еще этот запах...

— Возле моего дома жила одна старая древняя вконец бабка, у нее духи были вот прямо как эти, — доверительно сообщила я оборотню. — И воняло так, что все в округе точно знали, когда она на прогулку вышла.

Оборотни всхлипнули, а затем ржач раздался такой, что земля затряслась. Нет, я не стала рассказывать, что у этой бабки одеколон «Майский ландыш» был не просто так, бабка вообще фронт прошла и просто так на мякине ее было не провести, а одеколон она использовала для того, чтобы все окресные коты знали — пришла еда. На «кис-кис» у бабули сил уже не хватало, она после лестницы с час на лавке сидела, пытаясь отдышаться, вот и придумала способ. Коты оказались существами понятливыми, сигнал усвоили сразу. Мы тоже, поэтому присоединялись к кормежке таща кто что мог из холодильников. Чудесное было время. Но самый эпичный бабкин выверт был даже не с «Майским ландышем», бабуля — капитан милиции в отставке, лихо обдирала мошенников всех мастей. Именно черные риелторы, сами того не подозревая, обеспечивали едой все питомники вокруг. Бабуля умудрилась «продать квартиру» раз пятьдесят, все время оставляя мошенников с носом, а себя с наличными.

В детстве я хотела, когда состарюсь, стать вот такой бабкой. Реальная мечта была, часто поддерживала в любых жизненных трудностях.

— Слушай, а ты специально делаешь вид, что на тебя не влияет, или как? — поинтересовался коллега тигриной наружности.

— А? — переспросила я. — Прости, задумалась. Просто хорошая была бабка, мне ее иногда не хватает.

На этом заржали даже вампиры. Смех у них был гораздо более сдержанный, чем у оборотней, но расхохотались все, в то время как от фейри кажется, вполне отчетливо слышался скрежет. Надеюсь, у них тут есть стоматологи.

И тут шеф крикнул:

— Каи, руку!

Я, конечно, удивилась, почему «руку» а не «веревку», потому как у нас были заготовлены четыре штуки, привязанные к крепежам и столбам, но сказано-сделано.

Рванув вперед, я подхватила одну из веревок, на бегу обматывая руку, и поступила абсолютно правильно — сама шефа я бы не вытащила, а без меня Сайнхор выбраться бы не смог. Падальщик тащил два трупа и одно живое тело. И выглядел при этом шеф жутко до одури — серое покрытое словно пергаментной кожей тело, излишне длинные руки-крюки, шея по птичьей длинная, вместо рта снова пасть с сотнями острых зубов. И тело при этом мерзко-прохладное, как чешуя какая-то по ощущениям, но я ухватила Сайнхора за руку, он подтянул тело, зашвырнул трупы и доходягу наверх, на берег, а после этого с рычанием, обезумевший, кинулся на меня, обрастая тленом.

Не знаю, каким образом я не разжала руку.

Вероятно причина в том, что я все-таки человек, и я разумом понимала, что это шеф, пусть и местный, но все-таки коллега. Возможно потому, что чувствовала свою ответственность. А может у меня просто был шок, я не знаю, но хватку я не разжала. Зато поняла, почему он говорил, что никто никогда не подал бы руку падальщику.

Вторым рывком Сайнхор выпрыгнул на берег, и почти сразу утянул меня за собой, чтобы кинув на землю, нависнуть, рыча и едва не истекая слюной. А вот все остальное у него истекло — одежда, кожаная веревка которой был привязан шеф, когда начал спуск, обувь, перчатки... Оно все осыпалось тленом. И я так понимаю, если бы Сайнхор попытался воспользоваться веревкой, чтобы выбраться... веревка бы его не спасла, обратившись прахом.

— Совсем хреново? — спросила я у чудовища, нависающего надо мной, практически распятой на, между прочим, далеко не мягкой земле. Тут осколки каменные везде были, больно в спину впивались.

Шеф зарычал. Жутко так, аж до костей пробрало, а затем все же слез с меня. В смысле не то, чтобы он на мне валялся, но его конечности пришили как бабочку к стене, наверное, не пройди я весь тот ад, что пришлось пройти по вине Даркана, я бы заорала. Или испугалась. Или впала в панику. А так... Просто за шефа волновалась.

— Убивать умеешь? — все еще рыча, спросило чудовище.

— Естественно, — мрачно призналась я.

Кивок и Сайнхор кинулся на одного из трех — стремительно трансформирующегося фейри. Трансформировался фейри определенно в зомби, потому как покрывался зелеными пятнами, и ни один из сородичей к нему даже не приблизился. Сайнхор убивал сам. Грыз, терзал, разбирал на составные части.

Оборотень, единственный из живых, тут же оказался в распоряжении фейри, и они его, несмотря на всю свою надменность, принялись лечить одним групповым сеансом. Шестеро стояли, протянув руки и словно ловя на радары тепло солнечного света, а седьмой, тот что фотошопился тут, опустившись на одно колено, шептал что-то себе под нос, держа ладони над грудью оборотня, где груди видно было мало, а вот крови много.

Мне же достался вампир.

Его шеф закинул максимально далеко, и вампир повредился при падении, но все равно встал и теперь медленно, но верно, шел прямым ко мне и Сайнхору. Вампиры держались в стороне, помрачнев разом, оборотни приготовили оружие, но стрелять никто не торопился. Я поняла, что придется мне.

Первый выстрел из арбалета — и болт застрял в глазу озомбивавшегося вампира. Но это зомбаку не помешало ничуть, он лишь пошатнулся и дальше пошел.

Пришлось спешно менять тактику.

Семью выстрелами я снесла зомбаку голову и монстр пошатнувшись, рухнул на колени.

— Голова! — рывкнул на меня Сайнхор. — Держи голову! Она не должна свалиться в пропасть!

Выстрел, и катившаяся к сломанной ограде башка была пришпилена к земле

Я, не двигаясь с места, перезарядила арбалет, приготовила второй колчан с болтами, и проверила на месте ли стреляющий браслет. И все это под охреневшими взглядами что вампиров, что оборотней. А фейри никуда не смотрели — они оборотня лечили самозабвенно.

Потом по словам шефа была «Бытовуха».

Групповуху фейри закончили и сдали оборотня его соплеменникам с рук на руки — живым, здоровым, но слегка так основательно потрепанным жизнью.

А шеф в гордом обнаженчестве, пока я скромно делала вид, что вообще ничего не видела и смотрю исключительно на мертвяков, сходил в экипаж, оделся. Потом вернулся. Что первый, что второй труп очертил белым мелом, поразительно рисовательных качеств, а затем сел и начал заунывно петь, аки шаман. Я думала молится, но как оказалось он таким макарком костер разжигал.

Первым в призванном белом пламени сгорел дотла фейри. Потом пришла очередь вампира.

Когда шеф закончил, вампиры спели свою песню — и их пепелообразный сородич исчез, словно его слизало языком мрака.

Фейри тоже с распевкой не затягивали и их единорассового сотоварища слизало языком света.

Потом было два церемонных поклона Сайнхору, и фейри с вампирами отчалили.

Потом оборотни ремонтировали ограду, а шеф сжигал спущенные в океан мрачного дыма веревки. Вид у Сайнхора был... жуткий. Такой словно из него всю душу высосали и силы высосали тоже.

Когда с веревками было покончено, он перемахнул через отремонтированную уже ограду подошел ко мне и не глядя, сказал:

— Спасибо.

Я уже не готова была сказать «Не за что», потому что точно знала — есть за что.

— Ну, вы меня на месте не загрызли и то хлеб, — мое философское замечание шефу почему-то не понравилось.

Косо взглянув на меня, мрачно спросил:

— А как поняла, что мог?

— Интуиция полицейского никогда не подводит! — гордо отрапортовала.

А потом уже вообще не гордо спросила:

— Что это было вообще?

Сайнхор тяжело вздохнул, посмотрел вдаль, на мрачный горизонт и все же счел нужным ответить.

— Три самоубийства. Ну, точнее два, но ты поняла. Если бы мы не подоспели вовремя, на запах добровольной смерти сюда сползли бы как минимум четыре тысячи океанических монстров. Ограда была сломана, сигнальная система нарушена. Прорыв бы обошелся нам чудовищной кровью.

— Ни... чего ж себе, — жутко звучало. — А почему оборотень остался жив?

— Обоняние, — стервятник с усталой ненавистью смотрел на океан мглы. — У оборотней прекрасно развито обоняние, так что в то время как эти двое покорно перерезали себе горло, он уже знал, что это бесполезно и его ребенок мертв.

В это время раздался вой. Да такой жуткий, что я быстро прикрылась шефом.

Оказалось — напрасно.

Выл оборотень. Тот самый, которому фейри удалось спасти жизнь, залечив раны. Так вот я как-то сходу поняла, что благодарности от него они не дождутся. Оборотень предпочел бы сдохнуть. Прямо здесь и сейчас. Если бы не угроза, которую любое самоубийство несло этому миру, думаю, он бы себя прикончил без вопросов даже. Потому что его горе было сокрушительно. Он выл, царапая и загребая землю выросшими когтями, просто выл... а его коллеги молча стояли, понимая, что никакими словами и утешениями тут не поможешь.

И тут меня как переключило.

Торопливо подойдя к убивающемуся оборотню, я не самым тактичным образом потянула его за плечо, и едва мужчина поднял на меня полные горя покрасневшие глаза, сходу спросила:

— Насколько я понимаю, в вашем случае имело место похищение ребенка с целью оказания давления на родителей, то есть конкретно одного родителя — вас. В какое время было совершено похищение — ночь или вечер?

— Ннночь, — хрипло ответил оборотень.

— Значит ребенок взрослый, — определила я.

Просто не уверена, что даже в этом мире маленькие дети свободно себе гуляют по ночам.

— Да... — оборотень говорил с трудом. — Взрослый... был...

И его когти вновь впились в землю.

— Так, стоп, без истерики! – потребовала профессионально, а профессионально требовать я умею. — Если ребенок способен оказать сопротивление, значит было произведено нападение. То есть, с вероятностью в девяносто процентов, для нападения было использовано оружие, и, возможно, имело место ранение, вот откуда была кровь.

И оборотень сел.

Огромный жутко, по мне так отдаленно напоминал медведя, волосатый тоже был сверх меры, волосы черные такие покрывали даже плечи и шею. Вообще глядя на эту махину, я понять не могла, как Сайнхор его вытащил и даже кидануть вверх умудрился.

— Место похищения вам известно? – перешла я к делу.

— Думаешь, есть шанс? — шеф подошел беззвучно.

— Медлить в любом случае смысла нет, — резонно заметила.

Оборотни переглянулись и тигроподобный постановил:

— Фейка со мной.

Остальные тут же замялись, потому как количество мотоциклов было ограничено, а прикасаться к Сайнхору явно никто не хотел до содрогания, так что решение приняла я.

— Я с шефом, раненного в наш экипаж, и как раз будет, кому им управлять. Народ, по коням.

Раненный послал лесом любые попытки запихать его в транспорт, и отобрал мотоцикл у одного из собратьев. И мы выдвинулись еще до того, как два оставшихся оборотня завели мотор экипажа.

Правда тоже почти сразу я поняла страшное — водить мотоциклы шеф не умел. Нет, он отчаянно делал вид, что все идет как надо, только руль слегка разболтался, но очевидное стало очевидным для всех. В итоге Сайнхору пришлось пересаживаться к раненному медведяде, а мне вспоминать уроки вождения.

Но если быть откровенной — водила я не намного лучше шефа, и когда мы прибыли к месту назначения, руки мои тряслись как у алкаша со стажем, а волосы стояли столбом, направленным точно по курсу к крыльям. То еще было зрелище.

Всклооченная фейка по прибытию в квартал оборотней безошибочно определила самое шумное место — это было какой-то внушительное питейное заведение, с грохотом заехала на его территорию... еще бы без грохота, я слегка случайно снесла каменный фонтан, не справившись с управлением. Но когда нас останавливали подобные мелочи.

— Уважаемые граждане! – на пределе своих голосовых связок начала я. – Срочно требуется ваша помощь — похищен ребенок.

И так как охреневший оборотень уже подъехал, я обернулась к нему с приказом:

— Сообщите особые приметы, если таковые имеются. Так же имя, возраст, внешность.

Вконец охреневший мужик, странно на меня посмотрев, хрипло спросил:

— Что вы творите? Сначала вы дарите мне надежду, а после... я...

Договорить не дала, оборвав чисто профессиональным:

— В данный момент наиболее эффективным способом поиска станет развернутая информационная кампания. Нам нужны добровольцы для прочесывания территории. И да, если ваш сын еще жив, это практически единственный способ спасти его жизнь. Но,

конечно, вы можете предпочесть быть себе втихаря, не тревожа сородичей. Правда в этом случае у вашего ребенка не останется даже шанса.

Мужик замер.

Затем слез с мотоцикла, рывком, от которого швы разошлись и кровь закапала на мостовую, запрыгнул на бортик более крупного фонтана, и громко объявил:

— Моего сына... похитили.

Следующие четыре часа прошли суматошно и нервно.

Мы вызвали на место Руш и Гродара, шеф смотался в картографический отдел и принес несколько копий карт квартала оборотней, вампиров и фейри. Обе общины подключились к поискам со смешанным чувством недоверия ко мне и сомнений в здравомыслии моих коллег. Единственными кто не смотрел на нас как на умалишенных, были оборотни, за что им честь и хвала. Они же первыми и приступили к обыску по секторам, так что фейри и вампирам пришлось присоединяться к уже сформированным группам.

А мне торчать на месте.

Волонтеры прочесывали выделенные участки и возвращались с докладом. Если все было в порядке, я объявляла участок чистым, и давала новую разрядку. Если нет – участок прочесывался повторно, уже увеличенным составом поисковой команды.

Вот так мы их и обнаружили.

Вампир, оборотень и фейри — смертельно раненные, истекающие кровью и выжившие лишь потому, что все три расы отличаются кардинальной такой живучестью. Но найди мы их на час позже, живучесть их бы уже не спасла. Лечить, кстати, тоже пришлось на месте.

Групповые пения фейри разносились по всей округе.

Папа-медведь рыдал не скрываясь, и шеф выдал ему уже шестой носовой платок, который, походу, вообще был полотенцем. Вампиры

напряженно ждали развязки. Фейри пели.

— Есть хочешь? — спросил подошедший Гродар.

— Адски, — я вдруг поняла, что реально вконец голодная.

— На, — и мне протянули пирожок.

В меру румяный. С водорослями, очень похожими по вкусу на капусту, так что не став задавать вопросы, я захрустела вместе с Гродаром.

Руша оказалась рядом почти сразу, и зашипела на нас:

— Грызть пироги! В такой момент! Когда все молятся о спасении несчастных загубленных детей! Да как вы можете?

Кошак молча отодвинул край безрукавки, в кармане коего и хранился сверток с пирожками, и вскоре мы хрустели уже втроем. Только мы с Гродаром нагло, а Руша давясь и делая вид, что ни разу не жует.

Каким-то едва заметным образом рядом с нами материализовался и шеф. Запас пирожков с водорослями у Гродара кажись был бесконечным, так что нас, хрустящих, стало четверо, а мы с Рушей себе еще по одному пирожку взяли.

И именно в этот момент фейри решили завершить свое хоровое выступление!

Все оборвалось в один миг, на высокой ноте!

Все трое юношей разной расовой принадлежности разом поднялись с импровизированных деревянных лежанок (оборотни у деревянных столов ножки оторвали и притащили), и огляделись, несколько недоуменно.

Толпа замерла.

И тут медведядя взял и громогласно объявил:

— Вот они, наши спасители!

Вспышки фотокамер! Возгласы радости! Лавина вопросов, и главный из них «Кто тут главный?».

По-моему так быстро отряд быстрого самоубийственного реагирования еще никогда и ниоткуда не сваливал.

— Какой позор! – Руша уже битый час сокрушалась над газетным снимком.

Снимок удался на славу.

Гродар, я, Руша и шеф, с одинаково охреневшими выражениями на лицах и в разном процессе потребления пирожков — кто-то как я еще надкусить не успел, кто-то как Гродар последний кусок в рот засовывал, а кто-то как Руша кусал в момент съемки. Не подкачал один шеф – от первой же вспышки лицо его трансформировалось в клыкастый оскал, который внушительно смотрелся на фоне наполовину подъеденного пирога.

— «По предварительной информации, спецотдел командира Сайнхора традиционно отмечает каждое завершенное дело характерным пиршеством. Уважаемый торговец Банхун заявил, что это не первое в его лавке приобретение стражем Гродаром пирогов с рыбой». Рыбой?! — возопила Руша.- Я думала это капуста!

— Я решила, что водоросли, — призналась, с ужасом размышляя над тем, какая это вообще могла быть такая рыба с таким-то вкусом.

— Мне было все равно, после океана Смерти вкуса еще неделю не буду чувствовать, — сказал шеф, и вернулся к бумагам.

Отчеты пришлось писать в пяти экземплярах. И если для оборотней, фейри и вампиров все писалось достаточно сжато, они сами стали участниками событий, то вот демоны и Свободные острова запросили полномасштабный отчет, и Сайнхор сейчас корпел, скрежеща клыками.

От него все старались держаться подальше, даже обиженная Руша, а я вот смотрела на него и... и в общем.

— Давайте помогу, — предложила я.

Подняв голову, шеф пристально посмотрел на меня жутким немигающим взглядом. Я бы испугалась бы, но тут такое дело:

— Серьезно, шеф, мне нужно как-то отвлечься от мысли, что же это была там за рыба такая.

Сайнхор вздохнул, и протянул мне бланк для вампиров. Вот, блин, для клыкастых писать было влом, но работа дело такое — влом, не влом, но надо есть надо.

Я взяла стул, подседа поближе к шефу, засекла странные взгляды присутствующего народа, и не сдержавшись спросила:

— Что?

Руш моментально взгляд отвела, Гродар замялся, зеленокожий Комдор подавил странную гримасу.

— Они брезгуют, — внезапно сказал шеф.

И все застыли.

— Я — стервятник, так что... Отодвинься, фейка, работать будет комфортнее.

Из вредности придвинулась. Кожа у шефа была, конечно, жуткая, за руку его сегодня хватать тоже было то еще дело, но — он шеф, он свой, он полицейский, пусть даже и стражник. Так что...

— Короче, реально я боюсь только змей, — сказала, придвинув к себе бланк для отчета, — на втором месте кровососные князья. А остальные норм, жить можно.

И начала заполнять пункты что случилось, когда случилось, где случилось, почему случилось, присутствующие в момент события лица.

Привычная работа, отработанный до автоматизма навык. Прибыли во столько-то, описание местности, описание действий.

— А на завтра это отложить нельзя? — тихо спросила Руша.

— Отчет о происшествии необходимо писать в тот же день, когда произошло данное происшествие. По правилам следовало произвести основные записи на месте событий, но это не так критично, как необходимость написать отчет не позднее суток после случившегося. Уже на второй день воспоминания начнут смазываться личными впечатлениями и эмоциями, — пояснила я.

Шеф одобрительно усмехнулся, и выдал:

— Руша, Гродар, за работу. Опишите все, что видели.

И неожиданно сказанное мне:

— Офицер Каи, объясните задачу.

И тут я вспомнила главный минус этой системы — тут не было системы. Они бумажной работой в принципе занялись не так давно, так что навыков еще не было. Короче, это будет сложно.

— Так, сели все, приготовили отдельные листки, — скомандовала я, перекаывая у Сайнхора его имя, звание и регистрационный номер подтверждающих звание документов. — Существует пять основных правил, вот их сейчас и запишете.

Народ не пришел в восторг от моих слов, но все расселись по местам и приготовились писать.

— Есть пять главных правил, — продолжила я, охренева с имени шефа — Сайнхор Сай Тайгар Эшедс Хармаддад. Не выдержала и спросила прямо: — Это точно имя?

— А на что похоже? — перестав писать, спросил начальник.

— На дурацкое заклинание. Не хватает еще чего-нибудь типа «Абра-кадабра».

И тут шеф очень внимательно на меня посмотрел. Я настороженно на него. Мрачно выверившись в шипяще-рычащем словосочетании, он молча вывел в протоколе «Кадабар».

— Вы прикалываетесь?! — не сдержалась я.

— Нет, у меня нет с собой иглы, а прокалывать тебя клыками нет желания, — прошипел шеф, — это мое шестое имя. Только вот ты и седьмое угадала.

И он разъяренно написал «Абра».

Мля, а ведь у нас там чуть ли не каждую минуту какой-нибудь цирковой да и не только фокусник, доморощенные тоже бывают, а еще дети. И все они говорят «Абра-кадабра» даже не подозревая, что таким темпом из шляпы фокусника можно вытащить вовсе не милого зайку.

— Семь имен? — переспросила, пытаясь сгладить ситуацию. — Ого.

Шеф ничего не сказал и продолжил работать. Мне было стыдно. Остальным тоже не весело.

— Короче, пять правил! — громко напомнила я. — Правило первое — представьтесь. Четким, разборчивым почерком имя, звание и...

— Раса, — подсказал шеф.

Он вроде не очень злился, но кто их стервятников знает.

— Правило второе: Четко опишите место происхождения. Точный адрес, координаты, местоположение, время суток — все имеет значение. Так же, очень важно описать абсолютно все, что вы видели. Порой, таким образом выявляются детали, позволяющие в дальнейшем раскрыть преступление.

— Ммм, запахи описывать? — спросил Гродар.

— Да, четко и конкретно. Ваша задача практически словесно создать картину происшествия.

— Ага, понял, — сказал оборотень, скрипя писчим пером по бумаге.

Хм, а я, кажется, неплохо справляюсь.

— Правило третье: Опишите участников происшествия. Всех. Всех кого увидели, заметили, узнали или нет. Нет незначительных деталей и свидетелей. Если удалось идентифицировать и допросить — отлично. Если нет, описываете всех, кого вспомнили.

— Вообще всех? — уточнила Руш.

— Да, вообще всех присутствовавших на месте события. Правило четвертое: Не используйте личные предположения. Как только вы напишете «Я полагаю, преступник хотел сделать то-то» ваш мозг начнет подкидывать факты и детали, подтверждающие ваши предположения.

— Это с чего бы? — возмутился Комдор.

Пожав плечами, высказала собственное мнение:

— Никакой мозг не хочет выставить себя идиотом.

— Хм, логично, — вставила Руша.

Остальные сосредоточенно записывали.

— Четко, сухо, детально, короткими предложениями. Без ваших эмоций. Без ваших суждений. Без ваших изысканий — все должно быть только по делу. Если вы записываете произошедшее с чужих слов, указывайте с чьих, это важно.

— Это чтобы не присвоить себе чужую славу? — спросил оборотень из второй команды, и имени его я вообще не запомнила.

Но вопрос мне не понравился.

— Это чтобы после можно было понять, кто, что и ради чего говорил.

И тут Гродар сказал:

— Так, стоп, я не понял сейчас. Это же простой стандартный опрос свидетелей, а ты намекаешь на мотивы. А смысл? Совершивший преступление не станет давать показания на месте происшествия.

— Ну, тут как сказать, — не согласилась я. — По статистике, в большинстве случаев убийцы весьма интересуются процессом

расследования и не прочь порой направить следствие по ложному следу.

Народ призадумался, но служба дело такое – сиди и пиши молча.

— И пятое правило — правило двадцати четырех часов. Отчет с места происшествия должен быть написан как можно быстрее. Вопросы?

На меня все посмотрели, затем отрицательно покачали головами и сосредоточенно принялись писать. А я переписывать то, что писал шеф – дело пошло быстрее.

Где-то часа за полтора мы закончили. Удивительное дело, но с местной письменностью у меня все складывалось шикарно, даже почерк вроде стал лучше, иероглифы такие здоровские получались.

— Всегда думал, что у меня почерк поганый, — глядя на мои отчеты, гордо переданные ему, сказал шеф, — а теперь вижу, что у меня с каллиграфией все еще ничего.

Вот тебе и... почерк хороший.

— Да не, — Гродар подошел, перегнулся через стол, — полностью как у вас, вампир клыка не подточит.

Мы с шефом переглянулись. Мне бы хотелось думать, что слово «поганый» тут означает что-то другое, типа «красивый», но ситуация явно не оставляла простора для двусмысленностей.

И тут зеленокожий Комдор задумчиво произнес:

— Шеф, сколько народа было на месте обнаружения жертв похищения на момент этого самого обнаружения?

Я повернулась к Сайнхору, остальные тоже посмотрели на него. Стервятник призадумался, и произнес:

— Стандартная поисковая группа второго уровня. Каи?

Так, так, так...

Я вскочила, сходила к своему столу, захватила карту и вернулась. Зона поисков в этом месте была обведена не два раза, а три.

— Стандартная поисковая группа третьего уровня, — отрапортовала я. — Этот участок прочесывался в третий раз, я отправила максимум из возможного — вампир, два оборотня, фейри, фея и ползень.

Ползни вообще жуткие были типы. Вроде внешне как люди, только в штанах с длинной мотней, свисающей чуть ниже колен. Их в какой-то момент медведя притащил, сказал, что они тоже помогут. Помогли. На места, где обнаруживались следы недавно копанной земли я их отправляла, хоть остальной народ их и сторонился заметно так.

— Значит шесть, — напряженно произнес Комдор. — Гродар указал шестерых. Руш тоже. Но почему вы, шеф, указали семерых?

И мы все снова повернулись к шефу.

Сайнхор сидел, и задумчиво постукивал по столу пальцами. Затем когтями. Жуткими такими, черными. Затем на черных когтях начал проявляться зеленоватый налет, как на трупе. Потом...

— Так, все, мне уже страшно! — не выдержала я.

Бросив на меня короткий взгляд, шеф произнес:

— Потому что там было семеро. Трое под землей, и семеро на поверхности. Семеро. Каи?

Теперь все на меня смотрели, а я четко восстанавливала в памяти всю последовательность событий. Первая поисковая группа обнаружила две сломанные ветки, и я отправила вторую — оборотень, вампир, фейри, фея. Четверо. Они вернулись быстро. Довольно быстро. Так в принципе все возвращались достаточно быстро, но не из второй поисковой группы, такие уже основательно местность прочесывали. А эти вернулись. И все бы ничего, но один из оборотней сказал про запах сырой земли. И я отправила третью группу, уже с ползнем и дополнительным оборотнем, в пару к тому, кто запах земли засек. И бинго, они нашли.

Только там, на момент, когда подали сигнал об обнаружении, было шестеро — вампир, два оборотня, фейри, фея и ползень! И в радиусе как минимум семисот шагов никого более не было, остальные места были помечены на картах как зачищенные, там ни одной поисковой группы уже не осталось к тому времени.

— Шестеро, — абсолютно уверенно сказала я.

— Семеро, — не менее уверенно сказал шеф.

— Первым на место прибыл я, там было шестеро, — уверенно сказал Гродар.

— Я последовала за шефом с группой фейри, к моменту нашего прибытия помимо шефа и Гродара никого не было, — с не меньшей уверенностью сказала Руша.

И все снова посмотрели на шефа.

Причем сомнений во взглядах ни у кого не было, было осознание.

— Так, — медленно проговорил Сайнхор, — Гродар, вызывай экипаж, выезжаем на место.

И он, торопливо собрав отчеты, понес их ожидающим представителям силовых ведомств оборотней, фейри, вампиров, демонов и свободных.

Когда шеф вышел, Комдор пошел открывать оружейный склад, остальные принялись доставать личное оружие из ящиков столов, а потом тоже к зеленокожему, за дополнительным снаряжением.

— То есть в словах шефа никто не сомневается? — спросила я.

— Он — стервятник, — крепя на пояс катану, ответила мне Руш.
— Он никогда не ошибается.

Тяжело вздохнув, с завистью сказала:

— Везет.

А что тут еще сказать? Я позавидовала. Никогда не ошибаться это круто, я бы тоже так хотела. Я бы тогда в тот автомобиль не села в жизни.

Народ собрался быстро. Вообще очень быстро, как по звуку сирены, я замешкалась, слегка охренев от выбора орудий убийства, и тут в помещении раздалось:

— Действительно думаешь, что мне повезло? — шеф скинул мундир, бережно повесил его на спинку своего стула. — Всегда все знать паршиво, Каи. Паршиво любить, и точно знать, что тебя не любят. Паршиво возвращаться после патруля домой, и знать, что до тебя в постели твоей жены побывал смазливый вампир из питейного квартала. Я бы предпочел не знать. Seriously. Я бы просто предпочел не знать.

Он прошел, тускло сверкнув лысым черепом в свете канделябров, выбрал два арбалета — с автоматической обоймой, и с болтом на веревочке, которым можно было стрелять как гарпуном, отдал мне. Себе захватил что-то мощное, черное, металлическое вроде как, размером с меня где-то.

— Жена, значит, у вас есть? — спросила я, крепя арбалеты на пояс.

Стервятник усмехнулся, обнажив клыки же жуткие мать моя родная какие, и не глядя на меня, ответил:

— Была.

Черт, не убил же он ее?

— Шеф, — тут шеф мне протянул кинжал еще, — такой вопрос — была в каком смысле? На развод подали?

Стервятник посмотрел на меня жуткими птичьими немигающими глазами, и холодно произнес:

— У нас нет разводов.

Значит, убил. Черт, а нормальным мужиком вроде казался.

— Осуждаешь? — спросил вдруг.

— Не одобряю точно, — честно сказала.

Сайнхор клыкасто ощерился, а пасть у него была та еще, и произнес:

— Я ее купил. По ее просьбе. Знал, что она меня не любит, но сделал вид, что поверил и поставил на карту все, и даже больше, чем все. Вот такая была сделка. Как-то так.

Помолчал, глядя на меня, и явно нехотя выговорил:

— Можешь не отвечать, но если хочешь, чтобы я попытался помочь — назови условия сделки.

OoooMMM.

Что ж, а я взяла и честно сказала:

— Не было никакой сделки. И моего согласия никто не спрашивал. Шеф, я не знаю, что там у вас было, но то, что вышло у меня, это... херня сплошная. Я в их кровососущем храме даже не вякнула, но... Хреново все, в общем.

Странно хмыкнув, Сайнхор задумчиво произнес:

— Значит, согласия не было. Хм. Ладно, попробуем.

— Попробуем что? — обалдела я.

Но Сайнхор, не став ничего объяснять, мотнул в сторону выхода и пошел первым.

Выезд на место преступления всегда событие интересное. Народ уже разошелся, преступники свалили, а улики – улики остались. И такое ощущение, что все оставили сокровищницу поспешно разграбленной, а двери не заперли. И теперь можно пройтись и исследовать все спокойно и обстоятельно, без суеты и посторонних взглядов.

Мы выехали в расширенном составе, я, шеф, Зухр зеленокожий, его расу я пока не знала, Комдор — тоже зеленющий, Руша, Гродар и двое из подразделения стражей квартала оборотней. Нам их посадили на хвост, когда мы пересекали границу квартала оборотней, и отделаться от двух дюжих мужиков сильно волосатой и слегка косолапой наружности не удалось.

На месте Руша отвечала за освещение, запустив в воздух с десяток светящихся мыльных пузырей белого, голубого и желтоватого цвета. Потом, поразмыслив, запустила еще столько же зеленоватых. И теперь были мы, милые летающие шарики, ну точно на вид как мыльные, и один ползающий по земле шеф. Остальные стояли, даже не дергаясь.

Вот как мы приехали, выгрузились и Руша организовала нам освещение, так все и остались стоять, а когда я было дернулась осматривать местность, Зухр тихо сказал:

— Стоять.

На мой удивленный взгляд, так же тихо пояснил:

— Шеф работает.

Ну шеф то работал. Да еще и как. Передвигаясь на всех четырех конечностях, что очень какой-то кошмарный фильм напоминало, он буквально обнюхивал каждый куст, а хуже того было когда Сайнхор открывал свою усеянную острыми зубами пасть, и высовывая язык слизывал что-то только ему ведомое с деревьев, листьев, кустов, а порой и прямо с земли. Жуткое зрелище.

И раз уж нам не давали пока вмешиваться, я тактично сместилась к Гродару, Руш была занята своими пузырями, и шепотом спросила:

— Грод, а что за история была у шефа с женой?

Оборотень сложил руки на груди, технично сдвинув меня в сторону от коллег, и делая вид, что придиристо оглядывает плечо и к воротнику у него тоже есть вопросы, коротко обрисовал ситуацию.

— Мутная история. Она была из отвергнутого клана, там предательство в крови уже пару поколений, так что в вампирском квартале они неприкасаемые и нерукопожатные. И делов натворили столько, что им было запрещено покидать квартал. Вампиры и запретили, чтобы так сказать не позорили честь расы. Но эта гадина выбралась. От казни собственными сородичами ее спас шеф. Любовь штука поганая... Он ее выкупил ценой ста лет службы вампирам. Не знаю, с какой силой он давил на горло своей гордости, но, в общем через пару дней унюхал на этой бабе запах другого мужика. Прикинь?

Охренеть!

— Вот гадина! — не сдержалась я.

— Да там... погано все было, — Гродар вздохнул тяжело. — Шеф заключил еще контракт на пятьдесят лет, чтобы ее не убили свои же. Так оно... любовь эта, чтоб ее.

Окончательно потрясенная я, ошалело посмотрела на шефа — шеф обнюхивал дерево, все так же по-собачьи, точнее по-монстрячьи, и выглядел как жутик монстрической наружности. Но внешность оказалась более чем обманчива.

Вот, млин.

— А что это за клан такой был? — спросила, стараясь не думать, что Сайнхор отдал сто лет своей жизни за свободу той твари, а потом еще пятьдесят, чтобы ее не убили.

— Вампирша из рода Женьер, если слухи верны, — сказал Гродар.

И тут меня как током пронзило.

Одну Женьер я знала! И гадина она была та еще! И лет ей было сто семьдесят...

— Случаем не Ивгена Женьер? — спросила, гулко сглотнув.

Гродар резко повернулся ко мне, и потрясенно спросил:

— Откуда знаешь?

Вместо ответа я выдавила всего одно слово:

— Охренеть!

И тут шеф провозгласил:

— Валиант!

А Валиант у нас демон, почти провернувший аферу под лозунгом «Твой шанс», и ныне проворачивающий дельце под названием «Хана Навьену». Ну, в общем, я начинаю догадываться, чьи клыки тут повсюду торчат.

Оттолкнувшись от местного автомобиля, я, проигнорив окрик Зухра, подошла к Сайнхору, все так же в жуткой позе приноживающегося к дереву, присела на корточки, сравнявшись с лысой башкой командира, и сказала:

— Короче, он был связан с Ивгеной Женьер.

И шеф перестал дышать, только зубы обнажились, да морда стала принимать совсем уж чудовищное выражение.

— Там, на поверхности, он устроил заговор, и пытался женить Даркана на этой Женьер. И я как-то сильно сомневаюсь, что это случайность или совпадение.

И шеф сел. Прямо на истоптанную траву, присыпанную свежей землей. Сел, сгорбившись и упираясь локтями в колени, обхватил голову. Протянув руку, положила ладонь на его плечо. Не знаю, какие слова могли бы помочь, так что просто показала, что я рядом, что я понимаю, что поддержу, если что.

— Зухр, вызывай демонический спецотряд. Я знаю, где Валиант.

— И где же? — убирая руку, заинтересованно спросила я.

Шеф помрачнел, и все так же глядя в землю перед собой, глухо ответил:

— В моем доме.

Не могу сказать, что мне всегда было интересно, где живут стервятники, которые не птицы. Я просто раньше вообще не знала, что такое стервятники в плане расы, но почему-то мне показалось вполне логичным, что у Сайнхора оказался дом на дереве.

На огромном таком дереве, в огромном таком лесу с оригинальным названием — Лес Голода.

Мы в двух экипажах подъехали к деревянному таблоиду с этим названием, и остановились в ожидании. Как оказалось, ждали демонов.

Те прибыли тоже в местном аналоге автомобилей.

Все выгрузились из транспорта и начали проверять снаряжение.

— Каи, ты со мной, — приказал шеф.

Руша молча встала за Гродаром, Зухр прикрыл вторую фею, а меня значит шеф? Я тут что, самое слабое звено?

Потом подошли демоны. Возглавлял их отряд уже знакомый мне лорд Архаксан. Гибкий широкоплечий демон, подошел. Затем остановился, пристально глядя на меня. А после взял, козел, и поклонился. С невероятным почтением и всячески демонстрируемым уважением.

Я сходу поняла, что мне хана.

— Рад приветствовать вас, моя кня...

— Пасть захлопнул! — заорала практически.

Вот, черт, какого вообще?!

Но этот черт, пусть даже и демон, взял и настоял на своем:

— Моя княгиня.

Слова прозвучали в повисшей тишине как удар грома. Жаль, молний не было, еще более жалко, что эти молнии не вдарили по этому... стукнутому.

Но реакция на его слова все равно не заставила себя ждать.

— Что? — пискнула Руш, роняя широкий наручный браслет, закрывающий руку от локтя до ладони.

— Какая еще княгиня? — спросил Гродар.

Зухр усмехнулся, и произнес:

— Так и знал, что с девчонкой дело не чисто.

А мне хоть плачь!

Особенно когда все повернулись и воззрились на меня так, словно вообще впервые увидели.

В общем — млять!

Но тут шеф взял и повторил сказанное:

— Каи со мной. Выдвигаемся.

Обычно каждое слово Сайнхора было спусковым крючком к действию, но сейчас все остались стоять, где стояли, и продолжали пялиться на меня. Так неприятно было.

— Сай, мы не в праве подвергать княгиню опасности. Мне жаль, но распоряжение Райдена было четким и конкретным. Пока она оставалась в участке, мы не вмешивались. Но Лес Голода место не безопасное, — произнес лорд Архаксан.

Я стояла, на грани сорваться на вой, но тут мой стервятниковый начальник взял и выдал:

— Брак был заключен без согласия. Без платы. Без договоренностей. На поверхности князь Даркан мог претендовать на любую женщину, но мы в Изнанке, здесь Каиль член моей команды. Проблемы нужны?

Не знаю на счет проблем, но Зухр округлил и так нехилые глаза и прохрипел:

— Она княгиня Даркан?!

И от меня отступили все, шага на два сразу. Один только шеф даже не дернулся, и я его как-то зауважала еще больше. И так раньше уважала, но вот сейчас прямо гордость испытала.

— Сай, — сокрушенно произнес демон. — Послушай меня как друга — она не просто княгиня и это был не династический брак. Если ты знал все с самого начала, значит в курсе — за нее Райден поубивает нас всех не глядя и не испытывая ни малейшего раскаяния. Она его сердце. И его душа. Именно по этой причине Валиант потерял и силу, и власть. И все судорожные попытки Валианта хоть как-то вернуть себе отгрызки бывшего влияния — это агония. Только агония. Но если погибнет княгиня, Даркан будет ослаблен, а ослабленный князь — неумолимая машина смерти. Ты осознаешь последствия?

Не знаю как шеф, но я осознавала. Мне уже довелось испытать сомнительное удовольствие видеть одержимого мной отчима, и я думала ничего хуже уже быть не может, но то, что испытывал ко мне князь... похоже тоже было одержимостью. За что мне все это? Просто — за что?!

Сайнхор медленно обернулся и посмотрел на меня. Я стояла как в воду опущенная, и плакать хотелось. И...

— Ты хочешь к мужу? — тихо спросил шеф.

Я не хотела от слова вообще, но всего за пару дней это отделение стражи и сам Сайнхор, стали мне не чужими.

— Выбора у меня нет, — и только сказав это, я поняла, в насколько обреченном состоянии нахожусь.

Эти приключения в Изнанке были как глоток свежего воздуха, а дальше — просто безысходность. Хоть плачь, хоть вой.

И тут шеф сказал:

— Выбор есть всегда. Держаться вместе, Зухр, Гродар, от демонов ни на шаг. Каи, ты со мной.

И мне подставили спину, корежившуюся от изменения формы. Шеф перекидывался в стервятника так и не переодевшись, и сейчас на нем рвалась форма, но зато все оружие было закреплено на отлично. А мне два раза предлагать не нужно, я ухватила за шею шефа, и мы сиганули в Лес Голода прямо вот так, сходу.

— Сайнхор! — заорал демонический лорд.

Нам было по-барабану, мы уже оказались в лесу.

И нас там ждали...

Я помнила случившееся на кладбище, но мертвяки там были вполне себе медлительные, а вот здесь — вообще нет. Первым на нас ринулся огромный дохлый, но с явно отменным аппетитом, оборотень. Он подставился под удар так тупо, что я снесла его выстрелом из арбалета, вообще не напрягаясь, но... это было только начало. В сумрачном, туманном лесу стало очень оживленно. Монстряки-мертвяки спускались с деревьев по-паучьи, головой вниз и быстро перебирая всеми конечностями.

— Нихрена себе! — только и сказала я, покрепче сжимая ногами своего «коня».

— Мне сейчас будет немного сложно говорить, — прохрипел Сайнхор, — если будет необходимость, я полностью сменю форму, и

тогда тебе придется решать все самой. Запомни главное — я буду слушать твои приказы в любом состоянии, это первое. И второе — если кто-то и знает, как разобраться с Дарканом — это Валиант. Все поняла?

Да, я поняла.

И это понимание меня не радовало.

— Вы сейчас из-за меня рискуете жизнью, статусом и положением? — спросила у шефа, укладывая на бегу еще семерых монстров.

И тут Сайнхор сказал:

— Ты подала мне руку, не содрогнувшись от омерзения. Я никогда не смогу объяснить, насколько это оказалось важным для меня. Погнали!

И мы так погнали, что ветер в ушах засвистел.

Я даже отстреливаться перестала, вцепившись в шефа, и раздумывая над перспективами. Перспектив неожиданно оказалось очень много. К примеру, у меня появилась вполне себе перспектива убиться об дерево. Или об ветку. Еще маячила, а порой и почти наступала перспектива стать зомбаком — у некоторых из них на теле были следы укусов, так что оказалось несложно догадаться, что хватит и укуса, чтобы обрести практически вечную жизнь. Не самую лучшую, конечно, но вполне себе интересную, насыщенную, долгую. Хотя, если честно, в свете такой перспективы, жизнь с Дарканом уже не казалась такой уж беспросветной. С другой стороны тут точно будет веселее.

А потом впереди показалось дерево. Могучее, с толстым мощным стволом, и в нем был построен дом. Такой себе вполне миленький домик, со стеклами, освещением, системой безопасности, шипами по стволу, и кучей светящихся рунами талисманов. И вот на все это мы неслись по земле с неумолимой скоростью, а там шипы были железные, с полтора метра длиной.

— Твою мааааааааааааать! — заорала я, когда поняла, что ни тормозить, ни останавливаться шеф не собирается.

— Ррррааааа! — ответил мне монстр, походу уже утративший способность говорить.

В общем, млять!

— Господи, Отче наш, Иже еси на небеси! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, на небе и на земле! Хлеб

наш насущный дай нам и оставь нам долги наши, как и мы оставляем должникам нашим! И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого... Ааааа!

И я уже представила себе, как сейчас меня проткнут с пару десятков штырей заостренных, как неожиданно в стволе открылась дверь, мы влетели в нее, дверь закрылась, и в острия влетели все наши преследователи. Послышался вой, рычание, хрип, а потом чей-то возглас:

— Где я?

И еще чей-то:

— Кто я?

И еще один:

— Есть хочется...

И тут меня взяли за шкурку и сняли со своей спины. У шефа не только голова поворачивалась на все триста шестьдесят, но и руки в суставах.

— Слушай, — стремительно возвращая себе приемлемую форму, произнес он, — это что сейчас было?

— Молитва! — честно призналась.

Снаружи же донеслось еще и:

— Ай!

— Что это за конструкция?

— Какой год на дворе?

И шеф такой взял, да и выдал:

— Твою мать! Они что, ожили?

А наверху слышался стон, протяжный, мучительный, переходящий в вой.

— Так, — Сайнхор посмотрел вверх, по засветившейся лестнице, — а что ты там говорила, про «избавь нас от лукавого»?

Я ответить не успела, потому что наверху слышалось мучительное:

— Помогите... пожалуйста... что происходит?!

Шеф очень внимательно посмотрел на меня.

Я молча развела руками, лично я давно уже ничего не понимала, если честно.

Сайнхор, осознав, что от меня толку не добьешься, подхватил тунику с вешалки, их тут было много, накинул на себя, прикрывая

тело, и затягивая пояс, спросил:

— Ты их оживила?

— Вряд ли, — честно ответила, — похоже тут Даркан появился.

Наверху стонали с нарастающим отчаянием.

— Про лукавого не знаю, я просто молилась, — сообщила прямо.

— С чего бы? — переспросил шеф.

— Так это, — я руками развела, — тут мы, тут мертвяки, тут шипы на стволе, тут мы мчимся на эти шипы аки лавина снежная, я... Ну так, помолилась перед смертью неминуемой.

У шефа такие глаза стали — округлые.

— Каиль, я форму сменил, не из-за обитателей Леса Вечного Голода, а из-за Валианта. Я к схватке с ним готовился, а мертвяки это так, мелочи.

— Ну не хилые же у вас мелочи, должна признать! Хух! — у меня сердце колотилось как бешенное.

— Ладно, поторопимся, — решил шеф.

По лестнице он взлетел практически, а я так следом потащилась, под крики и стоны Валианта, и вот мне его вообще как-то не было жалко.

К тому моменту, как я поднялась на второй этаж этого вполне уютного домика, демон был уже прибит штырями к полу, заключен в круг из серого порошка, и подвывал, осознавая, что сейчас его тупо сожгут — шеф это умел.

А еще Сайнхор умел вести допросы. Правда начал с не самого приятного вопроса:

— Что с Ивгеной? Где она?

Подвывающий Валиант, который сейчас если и был похож на Даркана, то как восковая начавшая плавиться кукла — лицо вроде тоже, но мимика и выражение лица вообще князю не соответствовали.

— Она... она... — тут демон скосил глаза, и один глаз потек почти на висок, но даже в таком состоянии этот гад вполне был способен на гадости. — Она ее убила!

И стоящий на одном колене перед поверженным шеф, медленно поднял голову и посмотрел на меня. И я себя как-то вконец погано почувствовала. Просто Ивгена Женьер была мразью, такой окончательной мразью, но я сейчас смотрела на мужчину, для которого эта мразь была важнее жизни. И...

— Мне очень жаль, — тихо сказала, с трудом выдержав взгляд шефа.

А в его глазах рушился весь мир. Весь до основания. Абсолютно весь.

— Она мертва? — едва слышно спросил именно у меня Сайнхор.

Помолчав, я подумала и была вынуждена признать:

— Не уверена.

— Мертва! — заорал, пришипленный как самая уродливая гусеница к полу, Валиант. — Эта тварь ее убила!

И это было правдой, абсолютной правдой, жестокой такой, но правдой.

И тут шеф вскинул руку, коброй вцепившись в горло Валианту, и прорычал:

— Серьезно? Человеческая девчонка убила ста семидесятилетнюю вампиршу? Кого ты пытаешься обмануть, урод?

Хм, а мне нравится такая постановка вопроса.

Но моя патологическая честность от этого менее честной не стала.

— Она напала на меня, и ее убил Навьен, — призналась, подойдя ближе. — Но, шеф, было бы ложью сказать, что я не причастна к ее смерти. Я ее спровоцировала, она напала, Навьен меня защищал, как княгиню. Как-то так.

Демон криво ухмыльнулся, и язвительно возвестил:

— Я же говорил!

В следующую секунду Сайнхор сломал ему шею.

Я было кинулась, пытаюсь спасти свой источник информации, но оказывается себя шеф держал в руках, потому как шею то сломал, но демона не убил. Хруст костей, и Валиант вернул позвонки на место, корежась от боли.

— Что она совершила? — не глядя на меня, но именно у меня спрашивая, произнес шеф.

Ну, тут такое дело:

— Я понятия не имею, почему на земле у нее статус обращенной вампириши, а не чистокровной.

И тогда Сайнхор посмотрел на меня. Посмотрел так, что сходу стало ясно — это был обман. С самого начала Ивгена Женьер вела игру не по правилам.

— Валиант все устроил, — догадалась я.

Шеф молча кивнул.

А затем нехотя рассказал:

— Она предала меня, использовала как последнего идиота. Но я... я любил. И когда клан вынес приговор, спрятал ее здесь, в своем доме. Вампирам попасть сюда практически нереально, это Лес Вечного Голода, так что вампиры зверели от голода за пару минут, оборотни тоже, феи в принципе не способны сюда проникнуть. Исключение — некоторые демоны и я. Это был мой дом, очень много лет. До того, как я встретил Ивгену. И именно здесь я ее спрятал, когда срок моего договора с вампирскими кланами истек, а продлевать его они не захотели. Ивгена умудрилась натворить... немало всего, ее клан жаждал мести. А этот дом изолирован от атмосферы леса, здесь она была в безопасности. Я надеялся, что сумею договориться с вампирами, но в один из дней я вернулся, а дом был пуст... Но в нем сохранился запах. Запах демона. Этого демона.

И шеф мрачно посмотрел на Валианта, осознавшего, что вполне себе есть шанс отсюда не выйти.

И уловив, что для него все закончится хреново, этот демон начал делать то, что в принципе делал всегда — изворачиваться.

— Я спас ее! — громко заявил он. — Перенес на землю!

— Я знаю, — тихо сказал шеф. — Ценой переноса стала гибель двух десятков демонов, так что... ты подписал ей приговор. Спасти от вампиров я еще мог, но спасти от демонов... уже нет.

Валиант скривился, его рот поплыл, превращаясь в полость от уха до уха, жутко так выглядело.

— Если бы... — прошипел он, — если бы не эта, — кивок на меня, я сделал бы Ивгену княгиней Даркан!

Криво усмехнувшись, шеф произнес:

— Серьезно? Ты надеялся, что сумеешь провести Даркана так же, как водил за нос его отца? Это ты зря, с мальчишкой такой номер не прокатил. И, кстати, почему только сейчас? Почему ты не сделал ее женой старого князя?

Скривившись, Валиант ответил:

— Он ей не нравился, она влюбилась в мальчишку. Баба тупая!

И получил по морде. Сходу. Без предупреждения. Но удар был такой, что череп весь перекосило. А я стояла, смотрела на это дело, и думала о том, что любовь это самая херовая штука на свете. Потому

что шеф, даже после всех предательств и рабства на сто пятьдесят лет, все равно продолжал любить ту, что являлась маразой последней. И на это больно было смотреть. В общем, я не выдержала.

— Шеф, — позвала осторожно, — насколько мне известно, из морга ее забрала княгиня Мортем. Есть шанс, что ее оживили. А если нет... я могу попросить князя, он мне... не откажет.

Сайнхор вскинул голову. Лысую серую башку с жуткой кожей, жутким взглядом и не менее жутким ртом, но... он все равно был очень хорошим мужиком, и я не смогла иначе.

— Серьезно? — тихо переспросил шеф.

Усмехнулся, покачал головой, и выдал:

— Каиль, я стервятник. Знаешь, что я способен ощущать помимо запахов?

Я не знала.

И он пояснил:

— Ты еще девственница. Не знаю как, ведь запаха Даркана на тебе полно, но черту он не перешел, и это говорит о многом. Например, о том, что ты ляжешь под него ради того, чтобы помочь мне.

Капец!

Даже не нашлась, что ответить на это, но... Сайнхор был прав, я знала, чего хочет князь, и ради шефа я бы на это пошла без лишних размышлений. Погано, конечно, но факт, к сожалению.

— Я бы ее все равно убил, — отведя взгляд, произнес шеф. — Я прощал многое, практически все, но побег из Изнанки стоил этому миру жизни двадцати демонов, и среди них были дети.

Дважды капец.

— Она убила как минимум пятерых девушек, чтобы вернуть себе молодость и красоту перед свадьбой, — я знала, что этим делаю шефу только больнее, но промолчать было бы неправильно.

— Теперь понятно, почему ты не жалеешь о ее смерти, — усмехнулся Сайнхор. — Но хватит жалеть меня, от этого только хуже... причем мне.

— Как вы?..- не поняла я.

— Я — падальщик, я ощущаю эмоции, как и запахи, — сдавленно ответил он. — Прекращай. Если Даркан здесь, нужно торопиться. Ненавижу плоть.

Я не поняла к чему это было сказано, но тут Сайнхор ринулся на Валианта и сходу откромсал ему плечо, и выплюнул тут же, вы круге очерченном серым порошком.

Демон взвыл. Выгнулся дугой, и начал истекать черной кровью, а шеф, утерев рот рукавом, просто молча смотрел на его мучения. Я стояла, и тоже смотрела, понимая, что это еще не все. А демон ревел, плечо стремительно отрастало, мерзкова-то так выглядело. Но едва плечо восстановилось, шеф подался вперед и сделал еще один кусь...

И все повторилось, только судя по вою Валианта на сей раз ему было больнее, чем раньше.

Я поежилась, жутко это все было, и опять же — пытки как-то не мое, но один посмотрев на шефа увидела его жест — четыре согнутых пальцев из шести. Черт!

Не в силах смотреть на все это, я пошла бродить по дому, с трудом сдерживая желание закрыть уши, чтобы хоть немного это все не слышать. А Сайнхор продолжал пытать демона, а я как дура хотела это остановить. Невыносимое чувство.

Дом был в запустении, повсюду были залежи пыли, но что странно — ни одного паука или намека на паутину. Только пыль вездесущая.

Валиант орал. Шеф молчал. Я подошла к столу у окна в соседней комнате, выглянула через стекло — вокруг дерева, в котором был построен дом, собирались обитатели Леса Вечного Голода. Народ переглядывался, кое-кто пытался соорудить из лохмотьев подобие одежды, бывшие мертвяки делились на группы в основном по расовому признаку, а еще... им пора было сматывать, потому что даже через стекло я услышала рев других обитателей этого леса, и эти обитатели все еще были вечно голодными мертвяками. Жуть просто. И, главное, народ понял что им грозит опасность и сейчас спешно поднимал упавшие ветки, готовясь отразить атаку.

А потом на поляну шагнули из леса демоны. Глаза у них жутко светились, клубящийся сумрак стал им доспехами, но помимо него и доспехи тоже были, вполне себе симпатичные. И наши все тоже появились, их прикрывали демоны и это радовало.

А потом у всех был шок.

У освобожденных от пут смерти вампиров и оборотней, ставших живыми, и у демонов с нашими, которые осознали, что перед ними

вполне себе живой народ, испуганный, потрясенный, но живой.

Лорд Архаксан размышлял не долго:

— Дасон, уводи оживших и команду Сайнхора. И быстро.

Но вот чего я не поняла — а Даркан где? Оживить тут по идее мог только Даркан.

— Тут лорд Архаксан, — уведомила шефа.

— В дом они сходу попасть не смогут, — ответил стервятник и сделал очередной кусь.

От воя Валианта задрожали стекла, и этот вой демоны слышали тоже. В единый миг Архаксан вскинул голову и наши взгляды встретились. Я нервно помахала рукой, демон вопросительно вскинул бровь. Да, неловко вышло.

— Каи, выдай ее еще раз, — вдруг сказал шеф, — эту молитву твою.

Я повернулась и обнаружила, что кусь отхряпанный от демона как-то странно ведет себя — от него провисают темные капли, и ввязываются в нечто не самое хорошее, в смысле в демона ввязываются. И выглядит все так, словно откушенный кусок Валианта в пасти Сайнхора превратился в яд, черный, густой, смолянистый, и явно отравляющий, потому что отплеиваться шеф принялся старательно.

Но Валиант это конечно нечто — умудриться надо было, сделать так, чтобы в процессе того, как тебя пытаются, взяться и стать ядом. Изворотливый, гад.

Глядя на демона, мрачно выдавала:

— Господи, Отче наш, Иже еси на небеси! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, на небе и на земле! Хлеб наш насущный дай нам и оставь нам долги наши, как и мы оставляем должникам нашим! И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого...

Дальше можно было не продолжать, на фразе «Избави нас от лукавого» демон задрожал, ядовито-смолянистая плоть его стала обычной красной, Валиант забился в конвульсиях на очерченном полу, и даже слегка откусил себе свой длинный, ставший раздвоенным язык.

— Сильная магия, — похвалил шеф, поднявшись и пошатываясь, направился к стене, где обнаружилась вода вполне себе в удобоваримом виде.

Задумчиво проговорила:

— И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого...

На фразе «Избави от лукавого» Валианта начинало колбасить как последнего нарика от предпоследней в его жизни дозы героина. Демона ломало, складывало по полам, выгибало дугой, выворачивало суставы под самыми разными углами, пару раз заламывало ему спину, а голова та вообще дергалась как от удара каждый раз.

Так что эту часть молитвы я удовольствием повторила еще раза четыре, прежде чем вернулся от деревянной чаши с водой шеф, и присев перед демоном в стадии доколбаски, вернулся к допросу.

— Ты пытался организовать Прорыв Смерти. Зачем? — вопрос прозвучал спокойно и взвешенно.

Валиант дернулся, и... откусил себе язык.

— Хорошая попытка, — сказал шеф. — Каи, давай ее еще раз, эту твою молитву.

Послушно повторила:

— И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого.

Валиант взвыл.

Вой оборвался на высокой ноте, и послышался хруст ломаемых веток вдали, звук стали снаружи, какие-то чавкающие звуки, и что-то еще, что не вызывало желания пойти и посмотреть что за дичь тут творится.

— Зачем? — повторил шеф. — Даже если ты не скажешь мне, тебе придется рассказать все демонам, а я тебя им сдам без сожалений. Но изрядно покалечу перед этим. Существенно покалечу. Подумай о целостности своего тела... Восстанавливать ты можешь многое, но... не все.

И в руке Сайнхора блеснул клинок.

А Валиант заткнулся.

Откушенный черный язык змеей вернулся в пасть Валианта, тот его подхватил губами, пошамкал, восстанавливая видимо речевой орган, и хрипло произнес, неожиданно обратившись ко мне:

— Только представь себе свой мир без вампиров... — и сказано было так искушающее.

Я заметила быстрый предупреждающий взгляд Сайнхора, но не удержалась:

— А что, есть шанс? — поинтересовалась почти равнодушно.

Но, к сожалению, только почти.

Потому что наживку я уже заглотала вместе с крючком.

Была бы ли я счастлива, если бы в моем мире не было кровососов? Определенно — да! Это ведь тогда был бы совершенно иной мир. Без постоянного насилия, без смертей, без этих уродов клыкастых, окончательно охреневших от своей безнаказанности.

— Каи, — тихо позвал Сайнхор.

Я глянула на шефа, глянула на Валианта. О том, что я попалась догадались оба.

— Как минимум, я могу помочь тебе избавиться от Даркана, — промурлыкал Валиант.

Да, змей искуситель из мифологического райского сада мог идти вешаться заживо от зависти, потому что искушать так, как Валиант, он определенно не умел. Но учитывая все, что я и так уже знала об этом типчике, доверять было бы глупо.

— Шеф, отрежьте ему там то, что планировали, — попросила стервятника.

Сайнхор усмехнулся, и полез расстегивать штаны. Не свои.

— Ты! — взвизгнул демон. — Не смей! Это жестоко! Каиль!

А я отвернулась.

Да, пытки в полиции штука запретная, и их вообще только последние садюги любят, но «Твой шанс» определенно заслуживал всего самого поганого.

— Это бесчеловечно! — заверещал демон.

— Кто бы говорил о человечности, — не сдержалась я.

И ушла к окну, нервно кусая губы накладными клыками. А хотелось развернуться и пойти выяснить, насколько возможен подобный вариант событий. Мир без вампиров — звучит как утопия. Утопия, оно вроде как нереальность. С другой стороны, проработав столько в полиции, я точно знала, что худший бич современности это именно вампиры. Не будь их, мир, стал бы пусть и не совершенным, совершенный мир невозможен, но как же проще стало бы жить всем. Поднимать взгляд от земли, без опасения столкнуться взглядом с вампиром, который сочтет это излишней вольностью, кары заслуживающей.

Да, экономика, возможно, рухнет на какое-то время, но это временные трудности по сравнению с тем, сколько беззакония творят

эти кровососы. И деньги у них все под контролем, человечеству нормально развиваться они просто не позволяют.

И зерно надежды начало стремительно прорастать в моей душе.

Мир без вампиров? Неужели это действительно возможно?

Резко обернувшись, я увидела, как шеф стремительно наносит удар, и далее дом в дереве сотрясся от вопля искалеченного демона. А орал Валиант так, что уши закладывало.

А я вот о чем думала — в Изнанке нет людей, как сказала Руша. Тут в целом оказалось много чего интересного, но людей-то не было. А раньше были... И вот вопрос — а можно ли как-нибудь вытравить кровососов из моего мира в этот? Травят же тараканов... Может, есть шанс вытравить вампиров?

И тут толи Сайнхор кромсанул как-то уж очень пугающе, то ли Валиант осознал безвыходность своего положения, и выговорил с ненавистью:

— Свобода моего клана. Ставка — свобода моего клана... Я последний представитель своего рода... пощади.

Да, когда инструмент размножения отрезать пытаются, можно ради разнообразия и правду сказать.

— Твой клан давно канул в небытие, — как-то очень жестко сказал шеф.

Тяжело дыша, Валиант с ненавистью ответил:

— Шанс есть всегда. Ты — стервятник, ты спукался за туманы серого хаоса, ты знаешь, что там тоже есть... жизнь.

Шеф молча посмотрел на меня.

Я ответила напряженным взглядом.

Мне лично терять было уже нечего — с минуты на минуту заявится князь Даркан, а дальше одно сплошное безнадежное существование с перспективой обращения в вампиршу и рождением монстров от монстра. Лучше уж смерть, прости меня господи.

Где-то в лесу гроыхнула молния, рычание сотрясло воздух, гул — землю, и почти ничего не сотрясло дерево, в котором мы находились.

— Я тебя понял, — тихо сказал шеф.

Валиант, пытающийся отползти интимным местом подальше от кинжала, попытался было скрыть свое ликование — но такое не скроешь.

— И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого! — высказала я, ибо... ну так, чисто из вредности.

Валианта скорезило, шеф тяжело поднялся.

Мне было как-то жутковато в этот момент. С одной стороны появилась надежда — а с надеждами в последнее время было так плохо дело, что даже эта маленькая казалась лучиком света в сплошной тьме безысходности.

— Уходим, — принял решение Сайнхор.

Походу, ему терять тоже было нечего.

— Я с вами! — потребовал Валиант.

Один выверенный удар и шеф смял ногой всю морду демона. Жутко смотрелось. Но я вообще не знаю, на что рассчитывал демон — здесь имелись два чела, ну один чел и один стервятник, которые точно знали, что доверять этому демону — это подставляться под удар. Все что Валиант умел, это искушать вариациями на тему «Твой шанс», так что проще без него, чем с ним.

— Спускайся на первый этаж, выбери себе плащ, — приказал Сайнхор.

— Хорошо, — спорить даже не подумала.

— Не оборачивайся, — добавил он же.

И надо же мне было взять и обернуться. Зря я это сделала, потому как лицезреть отрывание головы удовольствие то еще. А шеф эту голову оторвал.

— И... зззачем? — напряженно спросила.

— Нам нужны его знания и он в курсе нашего плана, — объяснил шеф. — Все, уматываем.

И тут внизу кто-то сломал вход.

Только бы не Даркан...

— Даркан, — сходу обрушил мои надежды Сайнхор.

Так оно, кто-то рушит стены, а кто-то надежды.

— Второй выход в стене, справа от водяной трубы, — внезапно подсказала голова Валианта.

В любой другой ситуации мы бы ее не послушали, но, сейчас не сговариваясь, рванули к стене. Сайнхор открыл проход, внизу слышались голоса демонов, кто-то в лесу отчаянно звал на помощь, а мы не менее отчаянно рвали когти в самом прямом смысле данного выражения — спускаться пришлось на когтях Сайнхора, и потому я

одной рукой держалась за него, а второй... за оторванную голову, которая истерила прямо как живая.

— Нам конец!!! Мы сдохнем! Мое прекрасное лицо! Мои волосы! Ты можешь не так дергать, а? Больно, между прочим!

И это все голова. Оторванная.

— Шеф, — едва мы рухнули куда-то в землю, позвала я, — может его тут бросить?

— Да, хорошая идея, — согласился Сайнхор.

— Я молчу! — испугался Валиант. — Не нужно меня выбрасывать!

Сюрреализм полнейший.

Таверна на границе трех миров. С одной стороны серый туман, под которым угадывались огромные пространства и порой мелькали страшные корабли и даже тела, с другой темно-зеленое небо, идущий стеной непрерывный дождь и яркая тропическая зелень, с третьей запыленные неизвестно каким образом дома степного городка, который простирался по краю обрыва. В целом река, песчаная степь, гранитные обрывы с серым туманом сходились в одной точке. Мозг напрочь отказывался воспринимать эту реальность.

— Ешь, давай, — приказал шеф, поправляя низко надвинутый капюшон истертого пылью, ветрами и временем плаща.

На мне был примерно такой же, тоже с отпечатком перенесенных трудностей, только размером в раза три меньше.

— А что это? — ковыряясь деревянной ложкой в деревянной тарелке, спросила настороженно.

— Рагу, — усмехнулся шеф. — Условно овощное.

Есть и так не было ни малейшего желания, а после слов про очень условную овощную составляющую стало как-то вконец не по себе.

И в этот миг в таверну ворвались демоны. Сразу с двух сторон — со степно-пылевой и со джунглиево-дождевой. Первые были в пыли, вторые мокрые.

Одного из них я уже знала — лорд Архаксан. И самое любопытное — этого одного я уже сегодня даже видела, и даже не раз.

— Вы трое в порт. Вы — проверить колесницы. Обыскать постоянные дворы! — приказал лорд.

Я начала нервно есть, и зря — рагу точно мясное было, вот сто процентов.

И тут мне сунули пончики. В пакете, от которого пахло сдобой и ванилью. И происхождение у этого пакета было явно не местное. Зато руки очень... очень знакомые.

— Навьен, — прошептала я, так и не дотронувшись до пакета.

— Княгиня, — сдержанно поздоровался он.

И мне хватило одного этого слова, чтобы осознать, что тут не все так просто. Было бы просто — он назвал бы меня по имени. А так...

— Где Валиант? — лорд Архаксан сел напротив меня, рядом с шефом.

Навьен сел практически рядом.

На миг его ладонь оказалась так близко, что я не удержалась, и потянулась к нему пальцами... тысячник мгновенно убрал руку со стола, так что мне остались лишь пончики, есть которые уже тоже не было никакого желания.

— Здесь, — ответил Сайнхор на ранее прозвучавший вопрос.

И пнул ногой голову демона, которая жевала четвертый кляп по счету, уже под столом, а не скамье рядом, и все равно умудрялась мычать. И бесить эта голова умудрялась тоже.

— Давайте обсудим условия сделки, — сказал Архаксан, и пнул ногой мешок с головой Валианта.

Демон взвыл. Архаксан добавил. Демон снова взвыл. Архаксан...

— Хватит! — меня Валиант тоже бесил, но все это уже как-то бесчеловечно вконец было, а я все-таки человек.

Мужико-монстры рядом со мной помолчали, но как-то осуждающе, так что я это осуждение ощущала, даже взгляда от тарелки не поднимая.

— Первое, — лорд Архаксан сел так, чтобы не испытывать искушения пнуть демона еще раз, — княгиня немедленно возвращается к князю...

— Нет, — весьма категорично высказался стервятник.

— Сайнхор, — демон поправил воротник своей формы, — это не обсуждается. Я дал вам два часа, но это максимум, большего не могу.

Шеф посмотрел на меня. Из-под капюшона сверкнули черные глаза-угольки, я напряженно посмотрела в ответ.

— Неужели князь зачистил лес Голода за два часа? — насмешливо поинтересовался шеф.

— Князь в бешенстве, так что... Мы тоже не в восторге. Никто не в восторге. Но что есть, то есть. Княгиня должна вернуться.

За что мне все это?

Первый раз Архаксан перехватил нас у Южного склона, но шефу было что ему предложить, и поэтому демоны «нас не нашли» и «пошли искать дальше». Второй раз было через час, и лорд Архаксан

сообщил, что времени осталось немного. И все же мы рассчитывали еще хотя бы на шесть часов... а выходит у нас был всего лишь час. Кто бы знал.

Стукнула дверь на нижнем этаже, мы с шефом переглянулись.

— Так, исчезли, — приказал Сайнхор.

Под столом протестуя по поводу всей ситуации завывала голова демона.

Демон с головой и телом молча поднялся и как-то растворился в суете таверны. Тысячник задержался на мгновение дольше, но лишь на мгновение... Вот миг прошел и его нет, словно и не было.

— А я тебе уже говорил, что чувствую эмоции? — поинтересовался шеф.

— Да, вы это уже говорили, — угрюмо подтвердила я.

Стервятник ухмыльнулся, так что клыки в сумраке под капюшоном сверкнули чудовищно и невозмутимо промурлыкал:

— Мы выбираем, нас выбирают... Как часто рагу не доедают. Ешь, давай.

Я посмотрела на пончики, и начала сосредоточенно есть рагу. Если все получится и придется давать деру, лучше быть сытой. Кто его знает, когда в следующий раз получится поесть, если... все получится.

Тяжелые шаги существа с серо-черной морщинистой кожей гулко прогрохотали по деревянным ступеням, и вскоре на стол перед шефом рухнула какая-то чугунная кастрюля. Выглядела она так себе. Какой-то невнятной формы, помятая, закопченная, покореженная. Я до сих пор не могла понять, зачем именно она потребовалась Сайнхору.

Но, в данной ситуации мне оставалось только молча слушаться.

— Такая подойдет? — громила монстрической наружности, без спроса рухнул на скамью рядом с шефом.

Протянув руку, стервятник вытащил коготь, царапнул закопченную покрытую сажей корку, и задумчиво произнес:

— Даже не знаю. Точно династия Тянь?

— Она самая, — монстр со дна океана Хаоса, ударил себя пяткой в грудь.

Взметнувшаяся от этого действия пыль окончательно превратила мое рагу в нечто несъедобное, и я подумала, что сбегать можно, если что, и на голодный желудок, а вот с диареей не побегаешь.

— Нужно проверить, — произнес шеф, перестав ковырять когтем вековую сажу на этом подобии кастрюли.

Затем резко наклонился, достал мешок с головой Валианта и бахнул ею об стол. Демон взвыл, выдавая свое существование в непроглядной пыльной таре.

— Договор будет заключен, когда мы проверим подлинность, — произнес Сайнхор.

Монстряка уже все явно проверил, в смысле подлинность Валианта, и теперь алчно смотрел на мешок с головным содержимым.

— Мне потребуется не более трех минут. Каи, ты со мной. Эрдо, ждешь здесь.

Чудище радостно закивало башкой, явно намереваясь нас кинуть.

Проблема была лишь в том, что мы об этом знали.

А вот чего не знал сам торговец, так это того, что мы его тоже собираемся кинуть.

Мы поднялись. Я с тоской оставила на месте пакет с пончиками и с радостью недоеденное условно рагу, шеф оставил свое поило в большой деревянной кружке и тоже рагу. Эрдо остался, с вождением взирая на мешок с головой Валианта.

Мы вышли из-за стола, и направились к спуску в третий вход этой таверны.

Эрдо оставался за столом, вместе с нашим заказом, намереваясь свалить, как только мы исчезнем из вида.

Кастрюля, которую он нам «продал» — была сто процентной подделкой.

Ситуация — той еще авантюрой.

— Хозяин, — подойдя к спуску вниз, лениво произнес Сайнхор, — наш заказ оплатит наш владелец.

И шеф кивнул в сторону Эрдо, который сидел с самой коварной ухмылкой, собираясь кинуть нас и свалить с головой Валианта, но сходу врубился, что что-то пошло не так.

А мы, два скромных раба почтительно несли грязную старую никому не нужную кастрюлю. Ситуация казалась прозрачной до идиотизма.

— Э, — напрягся Эрдо, перестав взирать на мешок, — какой еще счет?

— Вы признаете себя собственностью? — мрачно переспросил громила, протирающий очень грязную кружку очень грязной тряпкой.

— Да, — сказал шеф.

И толкнул меня к выходу.

Я сорвалась на бег. Шеф рванул следом. Охрана таверны рванула к Эрдо. Демоны и один вампир, которые далеко не ушли, естественно, рванули к нам, но столкнулась с вышибалами таверны и немного замешкалась.

Мы с Сайнхором промчались по ступеням вниз, шеф открыл дверь, я выскочила в нечто, где даже дышать было сложно, шеф выскочил следом, а потом... Дверь просто исчезла.

— Два живых существа — как предсказуемо, — сказал Сайнхор и отшвырнул кастрюлю.

— То есть выход был настроен на самого Эрдо и Валианта? — догадалась я.

Мне в целом в большинстве своем приходилось только догадываться, все происходило так быстро, что соображать приходилось на ходу.

— Как видишь, — хмыкнул Сайнхор. — Пошли.

И мы пошли. Вниз по извилистой тропинке, выложенной камнем. Сначала просто шли, потом я споткнулась, и шеф протянул руку. В смысле конечность монстрическую, но идти держась за стервятника, было удобнее.

— Куда теперь? — спросила едва слышно.

Место куда мы спускались, а тут был конкретно спуск, откровенно говоря, пугало.

— В Исхор, родной город Валианта, — кратко ответил Сайнхор. — Что можешь сказать о Валианте?

О, да что тут можно сказать вообще?

— Урод, — охарактеризовала все свои мысли одним емким словом.

— Но у этого уroda есть одна удивительная черта. Заметила?

Шагая по каменной тропинке, я все пыталась заметить. Но особо ничего не замечала. До недавнего времени Валиант и князь воспринимались одинаково. Причем абсолютно одинаково. Если бы тогда Валиант не вылез из князя, я бы о нем вообще не знала. Если бы не попытался выманить меня из комнаты — я бы понятия не имела,

насколько он опасен. Если бы я не догадалась, что именно он являлся тем, кто называл себя «Твой шанс» едва ли осознала бы всю опасность этого демона. Жаль, Навьен повелся на его уловку...

— Шеф, говорите прямо, — попросила я.

Сайнхор помедлив немного, все же сказал:

— Валиант умеет находить слабые места.

И где-то на этом я остановилась.

— Здесь лучше не останавливаться, но если ты в шоке, я могу тебя понести, мне не трудно, ты легкая.

Ну, если сравнивать с Сайнхором то да, я относительно легкая.

— А почему лучше не останавливаться? — спросила чисто по инерции.

— Это океан Хаоса, получить пропуск в изнанку достаточно проблематично, даже у самого ушлого торговца в итоге несколько часов ушло.

— Эрдо самый ушлый?

— Что, много вопросов накопилось? — снисходительно спросил Сайнхор.

Молча кивнула.

— Эрдо торговец в тринадцатом поколении. У него связи практически везде. Из всех торговцев он был единственным, кто мог получить пропуск в Изнанку максимально быстро. Мой расчет был прост — у Эрдо и его семьи счета к Валианту, он и им в свое время крови вдоволь попортил, а мы с тобой стервятник и его девушка, которым для заключения брака требуется благословение предков. Ни один живущий ныне стервятник не даст мне лично благословения, но его можно получить у предков, вот для чего кастрюля династии Тянь. Эрдо счел, что обвел вокруг пальца влюбленную парочку, а у влюбленных с мозгами сама понимаешь, проблемы и не малые. Так что торговец был уверен, что заключил идеальную сделку — всучил нам подделку, подлинность которой можно проверить только в Океане Хаоса. Но сделать это без пропуска в сам океан, как ты понимаешь, невозможно.

— А пропуска он нам даже не предложил, — догадалась я.

Шеф кивнул.

— А почему голова Валианта считается живым существом? — тут же спросила. — Он же уже дохлый.

— Он живет всех живых с этой головой, — помрачнел Сайнхор.
И рывком закинул меня к себе на спину.

— Не хотел его оставлять, но, как видишь, расчет оказался верным — у Эрдо был пропуск всего на двоих. То есть на него и на Валианта. Так что голову этого на всю голову, мы с собой в любом случае взять бы не смогли.

— Может стоило тряхнуть Эрдо на предмет лишних билетиков... в смысле пропусков?

Но Сайнхор отрицательно покачал головой и пояснил:

— Сложность получения пропуска заключается в том, что на руки его никто не получает — пропуск встроен в проход. И обычно устанавливается на имя того, кому дозволен проход.

Тут я поняла, что мы могли вообще не пройти. То есть вот — вообще.

— Но мы вошли в двери вообще без проблем, — высказала шефу.

Стервятник усмехнулся и пояснил:

— Валиант — самый разыскиваемый индивид в Океане. Поверь, Эрдо не стал бы оформлять пропуск на Валианта. Так что он получил два пропуска на предъявителя.

Тут я вообще остановилась, осознав всю схему авантюры, которую провернул Сайнхор.

— А что будет с Эрдо? — спросила потрясенно. — Там же демоны!

— Да ничего особенного, таверна принадлежит ему же, через подставных лиц конечно, но ему, так что от демонов его прикроют, — и шеф клыкасто улыбнулся.

Я же стояла и тихо охреневала от схемы, которую он провернул. И еще от того, что там в той таверне остался Навьен...

— Каи, я уже говорил, что ощущаю эмоции? — мрачно спросил шеф.

Я кивнула.

— У Навьена время на исходе. Князь вернет его в вашу реальность в течение максимум часа, и не потащит за собой в Океан Хаоса, так что... успокойся уже.

А оно почему-то не успокаивалось никак.

— Слабость Навьена ты, не так ли? — задал прямой вопрос Сайнхор.

И тут я, я... я так подумала и:

— Навьен предан князю.

И только сказав, поняла, как тяжело вообще было произнести подобное.

Шеф посмотрел на меня своими жуткими пронизательными глазами и сказал:

— Каи, он вампир. Для вампиров это нормально. Тем более тысячник. Конечно, он предан князю, безусловно и абсолютно. Это даже не сознательное желание, это на уровне рефлексов и инстинктов. Просто прими это — преданность князю, часть личности Навьена, его неотъемлемая часть.

И мне просто принять это?

— Нужно найти способ вернуть вампиров в Изнанку, без них на земле реально лучше будет.

Сайнхор пожал плечами, и вдруг спросил:

— Знаешь, почему я с тобой?

Вопросительно посмотрела на него.

Усмехнувшись, стервятник пояснил:

— Много лет и даже веков назад, когда в Изнанке не осталось людей, вампиры, приложившие к этому свою когтистую лапу, нашли путь выхода в ваш мир, бросив саму Изнанку медленно подыхать в агонии. А мир, обреченный на неизбежный конец... жить в нем не самая приятная штука на свете. Так что я с тобой, до конца. До самого конца, каким бы он ни был. Теперь залезешь на меня и держись крепко, привал через два часа. Если есть вопросы — можешь обдумать, но не болтай на бегу.

И кости позвоночника Падальщика начали с хрустом перестраиваться.

— Последний вопрос, — поспешила я, устраиваясь удобнее. — Что мы будем искать в родном городе Валианта?

— Его умение находить слабые места, — ответил Сайнхор, пригибаясь к земле. — Держись крепко.

И сорвался на бег.

Если бы я знала, чем все закончится, вообще бы ничего не ела.

Это был жуткий мир. Если Изнанка мне сразу как-то понравилась, то Океан Хаоса вызывал только содрогание. Казалось, что мы передвигаемся по океаническому дну, а сверху с неба временами толщу воды просвечивают солнечные лучи, и вот там, где был свет — все было еще относительно нормально. Ровно до того момента, как свет сменял сумрак. В сумраке все становилось кошмарным. Так в свете лучей деревенька, в которой по дорогам бегают дети играясь, женщины азиатской внешности выполняют домашнюю работу, а мужчины или мастерят что-то, или пашут землю, едва свет перекрывался сумраком, становилась местом ужаса. И оказывалось что дети не играют мирно, а с перекошенными лицами преследуют кого-то, женщины готовят не кашу, а молотят чьи-то останки, мужчины не пашут землю, а забивают мотыгами живых людей... Мне после подобного расхотелось смотреть по сторонам, но не ехать же с закрытыми глазами. Так что я смотрела. Ужасалась и дальше смотрела.

Потом впереди возник город.

Издали он казался вполне живым, ярким, шумным. Толпа путешественников проходила через охраняемые ворота, телеги были полны мешками с зерном, торговцы гнали коров и баранов, путники готовили документы, для предъявления стражникам.

Я все ждала, когда лучи света сменятся сумраком, и дождалась, чтоб его.

Вместо овец — волки в овечьих шкурах. Вместо товаров — покрытые плесенью телеги. Вместо документов — медные монеты. Вместо людей — сплошные монстры. Жуть, в общем.

Поэтому когда Сайнхор сбежал с дороги, не добежав до входа в город, я даже обрадовалась. Дальше я растягивалась после скачки, все затекло и болело, а шеф сращивал обратно позвоночник и втягивал конечности. Жуть творилась везде вокруг. Мысль о том, что я сейчас где-нибудь лежу в психушке под препаратами, не отпускала.

— А что здесь вообще происходит? — спросила, едва шеф вернул челюсть на место.

— Временной коллапс, — разминая шею, ответил Сайнхор. — Океан Хаоса существует одновременно в двух временных параллелях, одна до падения границ, и вторая после. Там где все кажется нормальным для тебя — это до. Там где нормально для меня — это после.

— Мне сложно представить, что жуткая сторона медали может быть нормальной, — честно призналась временному начальству.

Вправляя плечи в суставы, Сайнхор ответил:

— Если оторвать ногу животному — она не прирастет обратно, это вот твоя реальность. Если оторвать лист у дерева, его можно посадить и вырастить из него новое дерево — это моя.

И пока я потрясенно смотрела на шефа, он, явно раздосадованный моей недогадливостью, объяснил четче:

— Кто-то размножается интимными актами, кто-то укусами. Все просто. В Океане семью себе можно создать самостоятельно — нашел женщину, укусил и она твоя. Выбрал себе детей, покусал и они тоже твои.

Я поежилась.

А потом до меня вдруг дошло:

— По идее вампиры тоже размножаются через укус!

— Вот-вот, — усмехнулся Сайнхор, — начинаешь понимать.

Понимать? Я огляделась, и поняла, что я вообще уже ничего не понимаю. Но принцип размножения через укус — что-то в этом было.

— Вампиры родом отсюда, так? — догадалась я.

— Как, впрочем, и демоны. И фейри. Оборотни и феи исконные жители Изнанки, остальные поднялись из океана, — сказал Сайнхор.

Забавно, у нас тоже млекопитающие по идее пришли со дна морского.

— Это Исхор? — я кивком указала на город.

— Да, родной город нашего демона, — подтвердил шеф. — А теперь, включи мозг, и подумай — каким образом у Валианта могла развиться способность находить чужие слабости. Сразу скажу — его дом я уже обыскивал в прошлом, когда Ивгена пропала. И не я один. Так что искать нужно где-то в другом месте. Идеи, предложения?

Молча посмотрела на город. Вообще то еще удовольствие подходить к проблеме жуткого и абсолютно непонятного мне мира с мерками моей стабильной и изученной нормальной реальности, но я

об этом потом как-нибудь подумаю. Сейчас нужно было думать о Валианте.

— Так... эмпатия...

— Эмпатия? — переспросил Сайнхор.

Сложив руки на груди, я продолжала рассматривать город, и ответила как по книге:

— «Эмпатия — это осмысленное понимание эмоционального состояния другого человека, способность сочувствовать и сопереживать».

— Эмм... А ты уверена, что это про Валианта? — уточнил шеф.

— Ну, вы же сами сказали, что у этого демона уникальное умение находить слабые места. — Я развернулась к Падальщику. — Обычно эмпатия это скорее о способности человека понимать и разделять чувства других, и сама эмпатия воспринимается как нечто положительное. Но, чаще всего эмпатия развивается у детей, растущих с неадекватными, истероидными и непредсказуемыми родителями. Ребенок с раннего детства вынужден развивать способность отслеживать эмоции тех, от кого зависит, так что эмпатия это не всегда хорошо. А где рос Валиант?

Сайнхор нахмурился, что выглядело вконец жутко, и задумчиво ответил:

— На деревне. У бабушки. Хорошо, что в город не зашли. Забирайся обратно.

Еще три часа «в седле» намекнули моим ногам, что в принципе форма «колесом» это вполне себе жизнеспособная форма, так что к деревне я шла очень оригинальной походкой, плюс клюка в качестве опоры.

Шеф мою походку прокомментировал лишь одной фразой:

— Хорошо, что ты в плаще.

В общем, я поняла, что плащ не особо спасал положение.

На всякий случай спешились мы на холме, оттуда к деревне подходили по дуге, в процессе которой я думала лишь о том, что лучше бы пробежалась. Да устала бы как собака, но верховая езда определенно не мое.

Сама деревня была давно заброшена.

В нескольких километрах от нее имелся черный и тоже явно заброшенный замок, который пугал даже на расстоянии. А еще он дымился... Я сначала думала, что может эффект такой в сумраке, но когда на замок упали солнечные лучи, он остался неизменным.

— Сожгли, давно уже. Еще после первой выходки Валианта, — объяснил Сайнхор.

— А что была за первая выходка? — спросила я, усиленно пытаюсь не ходить колесом.

— Подарил бабуле пудру с чумной лихорадкой, — Падальщик криво усмехнулся. — От всех родственников избавился за одну ночь. Тех, кто не сдох сразу сожгли власти, чтобы не допустить распространения заразы.

— Жесть какая, — не сдержалась я.

— Демоны, — шеф притормозил, подстраиваясь под мой косолапый шаг. — У них жестокость — показатель силы. А Валиант по их меркам — слабак. Кстати, к нам идут.

Я остановилась.

— Не Даркан, — успокоил шеф.

Ну, а если не Даркан, то и не страшно — и я бодро закосолапила вперед.

— У меня такое впечатление складывается, что единственным кого ты в принципе боишься, является князь, — заметил Сайнхор.

Я не остановилась, нет... но идти начала на порядок медленнее.

— Однако, — продолжил шеф, — судя по действиям Архаксана, единственной ценностью в обоих мирах для князя являешься ты.

Ну после этого я остановилась.

— Из-за Валианта? — предположила с надеждой, которая была какая-то изначально дохлая.

— Сомневаюсь, — Сайнхор мрачно посмотрел на меня. — Ты явно не входила в его планы. Вообще странно, что князь встретился с тобой. Случайность?

«Я ведь влюбился в тебя, Каиль... С первого взгляда. С первой секунды. С первого вдоха».

— Да, гребанная случайность, — согласилась я.

И перед глазами промелькнул князь, с надломленной горечью произнесший:

«Я так любил тебя»...

Ну его на хрен такую любовь! Я не любила! И не собиралась ни любить, ни прощать, ни тем более смиренно принимать его выбор как данность.

И едва я ускорила, торопясь к пункту назначения, Сайнхор, для которого идти быстрее труда не составляло, спросил невозмутимо:

— Все настолько паршиво?

— Скажем так, если я тут сдохну где-нибудь, я не против, — нервно ответила ему.

Некоторое время мы шли молча, а затем шеф задумчиво произнес:

— Князь сделал что-то такое, что ты ему никогда не простишь?

Прямо спросил.

Я ответила вопросом на вопрос:

— Полагаете, к этому руку приложил Валиант?

— Ответ напрашивается сам собой, — задумчиво произнес Сайнхор.

«Что ж, из всей этой ситуации я извлек несколько весьма полезных уроков. Во-первых, не доверяй никогда и никому, ведь даже самый преданный друг, может подло ударить в спину. Во-вторых, если что-то понравилось — бери сразу. Не жалея, не щадя, не пытаясь понравиться и «войти в положение». И, в третьих, не принимай в

расчет чувства и принципы женщины... Ведь принципов у тебя, Каиль, как оказалось, нет. А чувства... Говорить о твоих чувствах нет никакого смысла. Ты даришь их любому — от смазливового пацана с пошлого постера, до первого сделавшего вид, что ты ему небезразлична вампира».

— Князь сказал, что у меня нет принципов. Но один принцип у меня точно остался, и я принципиально отказываюсь быть княгиней Даркан. Как-то вот так.

И на этом на нас напали.

Напавшим было существо с шестью руками, звездой во лбу и черным шарообразным туловищем. И пока я стояла с клюкой и отвисшей челюстью, Сайнхор скрутил нападающее существо в узел, с особой старательностью связал узлом конечности чудища, и тщательно упаковал все в наручники, они у него оказались с собой. Когда напавшее создание было повержено, луч света обозначил это как милую старушку в цветастом платочке, милом сарафане с передником и со сковородкой в руках, а в сумраке это снова был монстр, причем жуткий.

— Хренового дня, уважаемая, — весьма вежливо поздоровался с ней Сайнхор.

— Шппшппш, — ответило это нечто.

Но когда на чудище упал свет, старушка по-доброму сказала:

— Заходите, родненькие. Устали же с дороги. А я вам уж и пирогов напекла с водорослями. — и тут снова свет затмили тучи, и монстр продолжило: — Шппшппш.

— Вот жесть, — не сдержалась я.

— Из всего замка выжила всего одна старая нянька... судя по переднику это вот она и есть, — сказал шеф.

— Жесть, — других слов у меня не было.

Полуразвалившаяся изба «няньки» на поверхности казалась обычной полуразвалившейся избой, но под землей напоминала скорее паучье логово. Пока Сайнхор паковал в клетку «домашних животных» активно пытающихся поесть за мой счет, то есть меня схомячить, я исследовала логово. Не самый приятный обыск в моей жизни.

Во-первых, потому что у «няньки» Валиант был не единственным воспитанником, зато он оказался единственным кто выбрался из «колыбели». А, во-вторых, потому что у Валианта имелся целый домик в подземелье. Именно домик. В саду. На берегу маленького озера. В окружении цветущих до сих пор цветочков и маленького сада. И даже с маленьким Валиантом. От него пришлось отбиваться палкой, пока Сайнхор не пришел и не спеленал этого механического демона.

Где-то спустя час тщательного обыска в этом домике был обнаружен тайный ход в подподвальную комнатку и вот самое интересное обнаружилось именно там. Целый шкаф с зельями.

В целом слой пыли стал главным указателем. Потому что он, пусть и незначительный, все же имелся. Его стирали, причем тщательно, но он все же был, причем под всеми баночками, кроме одной.

Именовался пузырек незамысловатым иероглифом «Слезы», и выглядел весьма непритязательно – пузырек из плохообработанной глины, но из всех тут за последние несколько лет брали только его.

Шеф, после недолгих размышлений, открыл пузырек и накапал себе в глаз пару капель. Сначала в один, после, проморгавшись и оглядевшись, во второй. Постояв немного, протянул пузырек мне и произнес:

— Закапывай.

Испытывая массу сомнений по данному поводу, подумала о том, что Сайнхор плохого не посоветует, и закапала себе по капле в каждый глаз.

В следующее мгновение мир изменился сходу!

Часто моргая, я смотрела на шефа, и видела над его головой всего одно слово «Ивгена». Отойдя от стеллажа с зельями, увидела в зеркале себя, и надо мной сверкало слово «Свобода». У цветка в углу тоже имелось желание и выглядело оно иероглифом «Воды!!!».

Сходила к озеру принесла воды растению. Потом сходила покормила рыбок. Потом прополола сад. Потом полила дерево. Потом собрала плоды, которые никто не собирал уже давно и дереву было тяжело. Потом покормила животных. Потом поправила кандалы на «няньке» потому что у нее левая третья рука затекла. Потом уменьшила пламя в печи, потому что там подгорала мясная подливка, и «няня» за нее переживала, ведь остальных демонов надо было кормить ужином. Потом пошла спасать остальных демонов...

Где-то на моменте отпирания двери меня и остановил Сайнхор.

— Мы что-то явно не то делаем, — сказал шеф.

— Согласна, — согласилась я.

— Я там еще морковь досею и будем выбираться отсюда, — решил Падальщик.

— А я чайник поставлю, и тесто на новые пироги замесить надо, — решила я.

На этом и разошлись.

Одна я с тестом не справилась, пришлось бабулю расковырять, и потом уже в восемь рук управились быстро. Нянька оказалась мировой бабкой, много интересного рассказала, но иногда с рассказов переходила на малопонятное «Пшшппшшшш». Мы напекли пирогов с водорослями, с рыбой, которую наловил Сайнхор, с дичью которую поймал тоже шеф, и всех покормили. Потом допололи грядки с морковкой, она была странной, но урожай обещал быть достойным. Потом закатали банки с фруктами, которые я сорвала с дерева. Потом грибы солили.

Потом появился мужик, над которым сверкал иероглиф «Каиль».

Иероглиф показался мне знакомым, и он значил что-то очень понятное, но грибы были важнее.

— Каиль, — задумчиво произнес шеф, допиливая ножку для стола, потому что старая треснула и надо было заменить. — Какое-то знакомое имя.

— Мне тоже кажется, что знакомое, — сказала я. — Бабушка, три ложки соли на банку?

— Шшшшш...

— А, опять помутнение. Ну, потом скажете, — решила я, и продолжила чистить грибы.

Но у меня отобрали ножик. И грибы. А потом отобрали и меня у меня же. Обидно было.

Над Грэй сверкали два слова «княгиня» и «ребенок». С того самого момента, как я проснулась, над ней вились эти два слова. Первое время я думала, что это галлюцинация, потом постепенно начали возвращаться воспоминания о грибах, пирогах, и необходимости полить растение в углу какого-то домика...

Интересно какого?

Пока лежала и думала об этом, открылась дверь. Одна, и потом вторая. Обе стальные. Словно я в сейфе была, или в хранилище золотого запаса какого-нибудь не особо продвинутого государства. И пришел князь.

Даркан был зол. Безупречен, прекрасен, внешне невозмутим, но адски зол.

«Убил бы!» — сияло над его головой.

Я села, с неожиданным интересом ожидая последующего. Удивительным образом мне действительно стало интересно, что будет дальше. В смысле убьет там, или не убьет, и в целом... интересно.

Темные глаза цвета мокрого асфальта медленно сузились.

Даркан смотрел на меня, я на него.

— Как... удивительно, — медленно произнес князь.

А над ним появилось «Это не яд, мы все проверили. Я проверил дважды лично. Не яд. Не магия. Не мутация. Что с ней не так?!»

«Я грибы недосолила», — подумала отрешенно.

— Грибы? — переспросил князь.

«Перепроверить логово паучихи еще раз, мы что-то упустили», — засияло над ним.

И на красивом лице проступило нечто хищное, пугающе-задумчивое, заставляющее осознать, что передо мной не просто монстр, а очень-очень-очень опасный монстр. Настолько опасный, что его даже в Изнанке все боятся. Интересно, а в Океане Хаоса тоже?

Взгляд князя стал еще более напряженным. А я вот подумала — это вообще нормально, что у одного единственного чувака имеется такое влияние? И власть. И ужас, который он на всех нагоняет. И...

И я грибы недосолила. А у бабушки спина больная, годы уже не те, и пшшшшпшшш пошаливает.

— Каиль, — тихо позвал князь.

Молча посмотрела на него. Взгляд Даркана становился все более пугающим с каждой секундой. Так если внешне смотреть, то парень как парень — молодой, офигительно красивый, ухоженный, стильный, черно-пепельные волосы волосок к волоску, прическа крутая настолько, что хочется невольно свои волосы пригладить, и стоит, держа руки за спиной, от чего широкие плечи кажутся еще шире, а талия более узкой. И костюм классный, и даже ботинки.

И только взгляд выдавал в молодом князе — монстра.

В глубине его темно-серых почти черного оттенка глаз, отчетливо виднелось нечто, рвущееся на волю. Пугающий, голодный, пронизательный взгляд хищника, по праву расположившегося на самой верхушке пищевой пирамиды и ныне пристально изучающий свою главную добычу. В глазах князя читался голод. Зверский, неутоленный, неутолимый, всепоглощающий голод...

А я грибы недосолила. Млин!

«Грибы?!» — промелькнуло над идеальной прической идеального молодого мужчины.

— А мы сейчас где? — тут же спросила я.

Глаза князя еще более угрожающе сузились и он холодно произнес:

— Мы дома, Каиль.

Это вслух. А вот над ним засияло пульсируя:

«Будь проклят тот день, когда я понадеялся на твою разумность!».

Да ладно!

— Так, — я села, натянула одеяло до шеи, и спросила: — А когда мы вернемся в Изнанку?

Ничего мне не ответив, Даркан развернулся и вышел.

Стальные двери открылись, стальные двери закрылись.

Грзя бесшумно вышла из неприметной комнаты, и с явным сомнением посмотрела на меня. Над ее головой сияли, сменяя друг друга: «Княгиня не понимает?», «Что она творит?», «Никакая любовь не защитит ее от разъяренного князя!», «Что мне делать?!».

А мне? Мне что делать? У меня там грибы, бабуля, и у нее пшшшшшшш пошаливает и шеф!

Два последующих дня князь не появлялся.

Трижды в день Грэя выводила меня на прогулку по лесу, причем тропическому. Где мы находились, я лично так и не поняла, но у местных жителей были крайне интересные мысли.

«Змей — двести сорок одна штука».

«Четыреста тараканов».

«Семьсот восемьдесят семь пиявок».

— Грэя, тут кто-то собирает всю живность перед моими прогулками? — спросила я, прикрываясь зонтиком который покрывала плотная сетчатая ткань.

— Мы... — вампирша несколько замялась, — несомненно предпринимаем некоторые меры для вашей защиты.

«Как княгиня узнала об этом?!» — между тем тревожно засияло над ее головой.

Хм, интересно.

Но тут началось нечто куда более интересное.

«Приступаем!» — засияло над высокой травой метрах в ста от нас.

И я как во сне отчетливо увидела три летящих заостренных осиновых кола. Я бы сказала, что это ИКР-13, но модель была явно поновее моей, и скорость перемещения снарядов тоже была выше. Резко ухватив Грэю за локоть, я отшвырнула вампиршу к ближайшему дубу, и перехватила все три снаряда на зонтик. Зонтик издох на месте.

«Дротики!» — засияло все на том же месте, над высокой травой.

Дротики со снотворным. Сделанные из серебра. Двенадцать снарядов, накрывающих площадь моего возможного перемещения, причем они просчитали даже вариант падения на землю, но на зонтик никто не рассчитывал, а зонтик был хорош! Очень даже. И сетка на нем прочная.

Я перехватила все дротики, потому что четко видела куда они летели, окончательно дорвав натянутую ткань зонтика, и замерла, тяжело дыша и напряженно глядя на все ту же траву. И не то чтобы

трава мне угрожала, трава точно была не причем, а вот те, кто в ней засел уже были угрозой.

— Княгиня! — воскликнула Грэя, взвиваясь в воздух, и размещаясь прямо передо мной, своим телом закрывая от угрозы.

«Действуем по плану!» — решили травосидельцы.

А в их плане на первом месте, между прочим, стояло убийство Грэй!

Я выхватила один из запутавшихся в сетке зонта дротиков, и всадила в спину ничего не подозревающей вампирши. Пошатнувшись, Грэя обернулась — в ее огромных глазах было непонимание и недоумение.

— Прости, так будет лучше, — виновато пробормотала я.

Горничная вновь пошатнулась и рухнула в траву.

Нападающие зависли, не понимая, что происходит. Одна княгиня Даркан отобрала у бессознательной вампирши нож, резанула свое платье, сильно укорачивая длину, и начала видеть то, что сейчас произойдет. В деталях. В вариациях. Во всех возможных путях развития данной ситуации.

Их было семеро. Все вампиры из дома Мортем. Все с приказом никоим образом не навредить княгине. И у них даже имелись носилки, чтобы меня бессознательную максимально безопасно транспортировать с горы, а мы, как оказалось, жили на горе. Надо же, из-за тропического леса я этого и не заметила.

Зато замечала все остальное.

ИКР-770 стал моим первым трофеем, а с ним дело пошло уже быстрее. Двух вампиров я вырубил зонтиком, это было не сложно — мой мозг просчитывал их действия и даже их скорость, а я фактически тыкала зонтом в воздух, производя движение еще до того, как на этот зонтик напарывался вампир. Остальных расстреляла из ИКР-770.

Потом стояла, в одной руке сжимая окровавленный изломанный зонтик, в другой оружие и пыталась понять, что это тут сейчас только что произошло.

А произошло невероятное — я, человек, только что убила семерых вампиров!

Не просто убила, я видела каждое их движение, я знала куда бить, я...

Повернулась, озираясь на месте вовсе не боя, а скорее побоища и замерла — Даркан оказался стоящим за моей спиной. Так что когда я повернулась, уткнулась носом в его грудь.

Вокруг оглушительно пели цикады, земля опаляла влажным зноем, слышались отдаленные голоса вампиров князя, а я продолжала сжимать ИКР-770.

— Неплохо, — процедил Даркан.

Пауза, в течение которой я думаю о том, что вполне могу попытаться. Могу ведь. Ладонь сжимает рукоять, указательный палец дрожит на спусковом крючке.

— Но результаты Падальщика впечатляют куда существеннее, — добавил князь.

Запрокинув голову, настороженно посмотрела на вампира.

— Что? Хочешь узнать как Сайнхор? — с усмешкой поинтересовался Даркан.

— Хочу, — не стала скрывать я.

Сильные пальцы, не делая попытки обезоружить меня, скользнули по моей щеке, взгляд глаз уникального оттенка мокрого асфальта стал каким-то отстраненным, и князь, прикоснувшись к моим губам, произнес:

— Разнес все тюремное подземелье в демоническом квартале, сбежал, никто не ведает как, и... грибы солит. У бабули. У нее проблемы с пшшшпшпшп и он пока никак не может оставить ее одну, так что помогает ей по хозяйству, пока она не поправится.

И князь, перестав изучать взглядом каждый изгиб моих губ, холодно взглянул мне в глаза, чтобы насмешливо поинтересоваться:

— Мой беспечный ангел, неужели ты действительно полагала, что Валиант не предпримет мер для сохранности своих тайн и зелий? Как ты думаешь, сколько воспитанников было у этой няньки до Валианта? Нисколько. Только он. Догадываешься, откуда взялись остальные?

Скривившись, с досадой подумала, что у бабули между прочим было не так уж и плохо, уж точно лучше, чем у Даркана. Может тоже сбежать? И шеф уже на месте, и путь проникновения в Океан Хаоса мне известен. В конце концов, а что я теряю?

— Ты неисправима, — тихо сказал князь.

Легкое прикосновение к моей шее и я стала еще и неуправляема, в том смысле, что собой вообще управлять перестала. Красивый

молодой мужчина, задумчиво подхватил меня на руки и понес вверх по тропинке. Грэя поднялась, вытащила из себя дротик и брезгливо подумала «Всего лишь рассчитанный на человека! Как я могла поддаться его воздействию?!». И что? Если на человека рассчитано, то это уже и не яд, что ли?! Что за расизм такой по отношению к ядам? Хочу к бабуле... там грибы вкусные... И мир интересный. И все такое яркое, красивое, незабываемое. Я словно в другой стране побывала, где лето круглый год, культура интересная, масса еще не осмотренных туристических объектов, и вообще... я обратно хочу.

— Понимаю, — с усмешкой произнес Даркан, — мне этот мир тоже ранее казался серым и убогим, лишенным красок, тусклым, безвкусным и абсолютно неинтересным. При любой возможности я сбегал в Изнанку, и никогда не хотел возвращаться. А потом... появилась ты, и этот мир засиял, перестав быть серой и безликой обыденностью, заполненной лишь рутинной. Но это я. Для меня родиной является Изнанка. А ты? Ты так быстро пристрастилась к другому миру, что это даже в какой-то мере пугает.

Мы внезапно свернули с тропинки, и перед нами открылась скала.

— Грэя, возвращайся в дом.

— Да, мой князь, — покорно ответила вампирша.

Но над ней полыхнуло «Если с ребенком что-то случится, я убью вас лично!».

И я эти мысли увидела. Увидела ясно и отчетливо. Внезапно, нахлынуло совершенно определенное понимание того, что Грэя не на стороне князя, чтобы она мне не наговорила про смирение, уважение, принятие своей судьбы и все прочее. Грэя... она... она...

Она осталась там на тропинке, а нас от нее отделила стальная стена, только внешне замаскированная под камень.

— Мне нужно поговорить с Грэй, — произнесла я.

Это двигаться я сейчас не могла, а говорить, хоть и с трудом, но вышло.

Князь остановился, свысока посмотрел на меня и поинтересовался:

— Ты так волнуешься о Грэе?

Ненавижу просить, особенно князя, но:

— Пожалуйста, — почти униженная просьба.

— Ключевое слово «почти», — констатировал Даркан.

Но меня отпустил.

После, вернув мне возможность двигаться, открыл проход — Грэя еще не успела уйти, она стояла все там же и так же, и сжимала кулаки, явно пытаясь взять себя в руки.

«Княгиня?! Что происходит?» — засияло над ней.

Выйдя из скалы, я обернулась к заинтересованно наблюдающему за нами Даркану, и мило улыбаясь, уточнила:

— Наедине.

«Оригинально», — засияло над князем.

Однако скала содрогнулась и закрылась.

«Что происходит?» — определенно занервничала Грэя.

Внешне же она была невозмутимее скалы, которая только что закрылась стальной стеной.

— Грэя, — я подошла и схватила ее за руку, с прискорбием обнаружив, что кулаки она сжимала с такой силой, что когти кожу пробили и теперь на ладони проступила кровь. Сдержав ругательство, попросила: — Грэя, посмотри на меня.

Вообще заколебалась уже сегодня просить. С утра просить приходится, надоело уже.

Но горничная подчинилась и взглянула мне в глаза. Она была выше, и сильнее, а еще оказалась преданная, как не знаю что... Преданной настолько, насколько нельзя. И вот эта вампирша мне вещала о том, что я должна безмолвно принимать князя и быть покорной ему.

— Не смей, — прошипела я, — никогда не смей даже думать о том, чтобы напасть на князя.

Вампирша вздрогнула, взгляделась в меня и выдала невероятное:

— Княгиня, как вы узнали?

А, черт, мне бы хотелось услышать что-либо типа «Да я? Да ни в жись! Князь ваша судьба, любите всем сердцем, он ваша судьба!». Но нет, судьба определенно решила поглумиться надо мной самым поганым способом.

— Дай слово! — потребовала я. — Дай мне слово, что ты никогда не нападешь на Даркана!

На миг закрыв глаза, вампирша распахнула их лишь когда они стали совершенно алыми. Абсолютно красные глаза с темным ободком радужки. Выглядело все это жуть как.

— Княгиня, — очень сдержанно произнесла Грэя, — князь может читать вас, но он не способен считать мои мысли. Но у вас это получилось. Каким образом?

— Пшшшпшшп... — грустно вздохнула я.

— Спину ломит? — переспросила Грэя. — Такое часто бывает при беременности. Полагаю, вам нужен отдых, а не поездка в город. Я должна уведомить князя о...

И тут я поняла, что она поняла язык не просто другого мира, а целого Океана Гибели или как там его, а она поняла, что я все поняла.

И мы в общем стали такие понимающие. Стоим, такие, все понимаем...

«Как?» — просиял над ней иероглиф.

— Понятия не имею, — с Грэй я могла быть совершенно честной. А потому ко всему нами понятому, так же добавила: — И я не беременна.

Глаза Грэи стали больше раза в два. Ну в полтора как минимум.

— Что?.. — хриплым шепотом переспросила она. — Я... Были некоторые подозрения, ввиду отсутствия следов семени где-либо, но я... Я... Как такое может быть?!

Все что я смогла ответить на это, так разве что:

— Нет семени, нет побегов. Прости, если разочаровала. Но я не беременна. Так что, когда у меня начнутся плохие дни... хотя теперь называть их плохими как-то нетолерантно уже, хороших то не осталось... В любом случае — не смей нападать на князя. Никогда.

Грэя моргнула, возвращая своим глазам прежний темный цвет взамен жутко-красного, и тихо спросила:

— Это потому, что вы полюбили князя?

Наверное, нужно было солгать. Но, учитывая все, что я уже знала о Даркане, я предпочла сказать правду.

— Потому что он убьет тебя, Грэя, причем даже не напрягаясь. Это здесь у нас на Земле он просто страшный и все его боятся, а там, в Изнанке, от одного его имени все монстры и чудовища бегут сломя голову и... и не зря. Пожалуйста, дай слово, что ты никогда не нападешь на Даркана.

Тяжело дыша, Грэя выпрямилась, высвободила ладонь из моих рук, и тихо произнесла:

— Если он попытается вас убить, стоять в стороне я не буду.

— И правильно! — с энтузиазмом поддержала я. — Стоять и не надо. Ты должна бежать, Грэй. Очень-очень-очень быстро бежать, причем – не оглядываясь.

Вампирша выразительно посмотрела на меня, причем с таким выражением, что это мне пора бежать, и желательно в сторону оказания скорой психологической помощи. Тяжело вздохнув, я была вынуждена с одной стороны признать ее правоту, но с другой:

— Грэй, просто поверь мне — не связывайся с Дарканом. Никогда. Даже если он меня кромсать тупым ножом на твоих глазах будет. Надеюсь, ты меня поняла.

И тут стена снова сдвинулась.

— Княгиня, — раздался голос князя из подземного гаража.

Я отступила от Грэи, пристально глядя на нее взглядом, призывающим к благоразумию, и оставалось лишь надеяться, что она прислушается к моим словам. Но уверенности в этом вообще не было.

Даркан вел автомобиль сам. Уверенно, мягко, плавно проезжая повороты, коих на горной дороге было огромное количество, и, к моему большому облегчению, делал он все это молча.

Облегчение длилось не долго.

— Открой бардачок, — приказал князь.

Молча повиновалась. Обнаружила непривычную пустоту — никаких бумаг об автомобиле, никаких кип справочников и страховки, только небольшой прямоугольный контейнер.

— Открой, — новый приказ.

Молча открыла.

Обнаружила стильные очки в серебряной оправе.

— Это для тебя, — сообщил князь.

— Спасибо, обойдусь, — раздраженно ответила.

И уже хотела швырнуть футляр обратно в бардачок, как Даркан произнес:

— Я ношу очки не из желания выразить уважение, причиной является отсутствие желания видеть мысли всех вокруг.

И я вдруг только сейчас поняла, что мои мысли князь читал только при одном условии — когда смотрел на меня. Так вот как это работает!

Повернулась к Даркану. Над ним сияло напряженное «Это третий уровень, она не увидит».

— Я вижу! — сообщила почти гордо.

— Вот, черт, — выругался князь.

И сосредоточился на дороге — на серпантине начался очередной изгибистый виток.

— Значит, вы тоже использовали капли для глаз? — мне действительно стало любопытно.

«Десять лет изнурительных тренировок коту под хвост!» — мысленно выругался князь.

Вслух же сдержанно произнес:

— Разумеется. Но ни слова об этом.

А он мне врал. Самым основательным образом. Ха!

— Значит десять лет тренировок впустую, да? — коварно поинтересовалась я.

И князь дрогнул. Он, но не автомобиль, который вампир продолжал вести столь же спокойно и уверенно, словно он эти десять лет навык чтения мыслей тренировал в условиях прохождения гонок формулы один.

«Так, — просияло над его головой, — а это уже пятый...»

— Да хоть шестой, я все равно вижу, — мне становилось интереснее с каждым мгновением.

А вот князю определенно нет.

Заметно побледнев, он продолжал уверенно вести машину, но вот над ним не слишком уверенно засияло:

«Дддевятый уровень».

И засияло оно помесью иероглифа с руной, но... я все равно все поняла.

— Девятый, — констатировала радостно улыбаясь.

И князь вдарил по тормозам.

Машины занесло на вираже, раздался противный визг тормозных колодок и салон заполнил запах жженной резины. И все же занос был управляемым, угол траектории поворота не опасным для моей жизни, а скорость традиционно вампирская, поэтому дрифтование прошло почти успешно. «Почти», это потому что в самый пугающий миг, когда меня вдавило в кресло, князь, напрочь игнорирующий свой ремень безопасности, левой рукой удерживая руль, правой сжал подголовник моего кресла, и резко наклонившись, поцеловал.

То потрясающее чувство, как если бы бешеный волк, какой-нибудь запредельно агрессивной породы, вдруг настиг, опрокинул на землю, навис сверху, угрожающе рыча и прижался носом к твоему собственному.

Я застыла, в ужасе глядя на вампира и боясь пошевелиться.

Даркан, продолжая прикасаться к моим губам, пристально смотрел в мои глаза.

Мое понимание страха перешло на какой-то новый, запредельный уровень. Теоретически будь это волк, хватило бы одного моего неосторожного движения, чтобы он вцепился клыками или прямо в

лицо, или в незащитную уязвимую шею. Но и с вампиром была та же хрень, абсолютно та же...

— Каиль, — чуть-чуть отстранившись, так что при каждом слове его губы задевали мои, произнес князь, — как ты думаешь, что я могу сделать с тобой?

Я могла даже не думать, я и так знала, что он может сделать со мной абсолютно все, вообще без рамок и запретов.

Цепляясь за какие-то остатки надежды на будущее, я попыталась прочитать мысли Даркана, но над ним не было более никаких слов, только сияние.

— Тринадцатый уровень – твой порог, — вынес четкий вердикт князь.

Его усмешку я ощутила на губах, а следом князь прошептал:

— Ты самое непредсказуемое создание в мире. Самое непостижимое. И самое прекрасное. И раз уж этап комплиментов мы прошли... самое время перейти к стандартным супружеским отношениям. Что скажешь?

— Я согласна, — выдохнула, пытаюсь вжаться в кресло еще глубже, и плевать, что автомобильная промышленность на подобное явно не рассчитывала.

— Серьезно? — искренне удивился князь.

— Более чем, — я и реально была абсолютно серьезна в данный момент. — Не знаю, в курсе ли вы, но почти восемьдесят процентов убийств происходят на бытовой почве. То есть... совершаются супругами.

Улыбнувшись, Даркан медленно произнес:

— Но только менее тридцати процентов из них совершаются женщинами.

Вот скотина, он уже и в статистику залез.

— Хватит, — тихо сказал князь.

И машина остановилась.

Прекратив нависать надо мной, Даркан вновь сел в свое кресло, сжал руль и очень спокойно начал говорить:

— Ты — моя. Без вариантов, без оговорок, без шуток. И я устал ждать, когда ты, наконец, примешь имеющуюся действительность и начнешь вести себя разумно. Понимаю, что эпоха феминизма оказала на тебя определенное воздействие, но, Каиль, тебе придется смириться

с тем, что ты моя собственность. И абсолютно никого не интересует твоё мнение по данному поводу. Даже Навьена.

А вот это было уже... больно.

— Почему ты бросила меня в Изнанке? — вдруг хрипло спросил Даркан.

— Я не бросила... я сбежала, — ответила, сложив руки на груди.

— Бросила, — не согласился с моей трактовкой событий князь. — И меня, и... Навьена.

Я промолчала.

Даркан же продолжил:

— Ты знала, о цели нашего прибытия в Изнанку. Ты знала, что Навьен в опасности, и я спустился за ним и ради него. Ты знала обо всем, и все же... Мне интересно, ты хотя бы на секунду задумалась о том, что я мог бы ринуться за тобой, выволочь обратно на Землю, и оставить Навьена погибать весьма мучительной смертью, чего он, будем откровенны, вполне достоин, учитывая совершенную им глупость.

Ответить было нечем.

Да, гипотетически я была виновата. Но если по фактам... то тоже виновата. Во всем, кроме одного:

— В Изнанке вас заприметила какая-то вампирша. И возжелала. И потребовала, чтобы вы сели в её карету. Как ощущения?

И повернув голову, я взглянула в темные глаза Даркана.

— Что, даже не чувствуете себя виноватым перед «леди» которая назвала вашу встречу «судьбой»?

Вампирский князь заметно помрачнел.

— Или вы поглупели от счастья, услышав как к вам «снизошла» наделенная властью? — добила я.

Мрачный взгляд и спокойное:

— Этого бы не случилось, не попытайся я сохранить инкогнито ради тебя.

— Ммм, и с чего такая «щедрость»? — поинтересовалась язвительно.

Воззрившись на дорогу перед собой, Даркан зло ответил:

— Хотел показать тебе место, где я вырос. Без шума и криков убегающих при моем появлении. Хотел, чтобы ты... неважно.

Ну, неважно, так неважно.

— Вампириша в карете была красивой, а еще уверенной в том, что имеет право получить вас по своему первому же требованию. Когда в следующий раз начнете мне распинаться про то, что я обязана хранить вам верность и чувствовать себя вашей женщиной, просто вспомните ту ситуацию, и поймите уже, наконец, что для меня вы – ровно как и та женщина в карете для вас.

Помолчав, Даркан спокойно произнес:

— Ты упускаешь одну немаловажную деталь, Каиль. На моей стороне сила. И в ситуации с тобой, и в ситуации со встреченной нами вампиршей. На моей стороне неизменно моя сила. И я, в отличие от тебя, способен как защититься от любых посягательств, так и настоять на том, чего желаю.

Я отвернулась и посмотрела через стекло дверцы автомобиля. Там, под горами, простирались живописные долины, угадывались характерные для этой части материка постройки, слышался отдаленный звон колоколов в храме.

— Красиво? — поинтересовался князь.

Да, но...

— В Изнанке было краше, — не сдержалась я.

И тут Даркан тихо произнес:

— Согласен.

Тяжелый вздох и сказанное почти с отчаянием:

— Встретив тебя, я полагал, что теперь жизнь в этой реальности станет для меня... приемлемой. Рядом с тобой этот мир заиграл красками, противостояние и вражда между вампирскими домами перестали восприниматься как... беспросветная рутина. И я даже подумал, что смогу... Смогу жить здесь. Многие ведь так живут — ненавидят работу, но радуются тому, что вернутся домой, где их ждут, где есть та, кто ждет, и потому есть ради кого трудиться, даже в самых невыносимых условиях. Но ты... Это невероятно, Каиль, но ты... полюбила Изнанку больше, чем свой родной мир. Иронично.

Я сидела молча, безразлично глядя на вид открывающийся с горной дороги.

А князь... князь добавил:

— Максимум нахождения в Изнанке для вампира – трое суток. Для человека — двое суток. Но для меня — время не ограничено. Более того, пребывание в Изнанке увеличивает срок моей жизни.

Да куда уже больше?! И так бессмертный же практически!

— Ха-ха, — мрачноотреагировал на мои мысли Даркан. И добавил: — А теперь представь мое удивление, когда стало очевидным, что на тебя Изнанка влияет так же, как и на меня.

Тут я замерла.

Затем медленно повернув голову, в напряженном неверии посмотрела на князя и встретила спокойный прямой взгляд. Даже очков на Даркане не было. А у меня не было причин сомневаться в его словах — Сайнхор тоже говорил что-то подобное.

— А что с вампирскими домами? — тихий, очень осторожный вопрос.

Невесело усмехнувшись, князь спокойно ответил:

— Я уничтожил их будущее.

Жутко звучало, если честно.

Князь же продолжил:

— В настоящий момент дома Харнан, Эторс, Текрад и Мортем принесли вассальную клятву верности дому Даркан. Учитывая понесенные ими потери, на возвращение нового поколения они затратят не менее двадцати лет. Но... им пока неизвестно, что Валиант покинул этот мир, соответственно — способности князей покинут их так же в течение двух десятилетий. Таким образом, все питаемые ими на данный момент надежды, обречены на провал. Я бы мог сказать, что хотел бы увидеть их лица в тот момент, когда до них дойдет истинное положение дел, но... если быть откровенным, мне плевать.

Да ты просто чудовище.

И я уже даже знаю кто хуже — князь или гениальный, но психанутый демон. Не то, чтобы я была поклонницей Валианта, но... твою ж мать, он хотя бы о своей няне позаботился...

О чем я думаю?!

— О бабуле и ее ппшппшп, или как там его, — усмехнулся князь.

И вновь плавно выехал на трассу, а затем ожесточенно надел очки, практически отгораживаясь от меня. Меня бы устроило, если бы он и фактически отгородился. Вот более чем устроило бы.

— Что бы ты хотела услышать от меня? — внезапно спросил Даркан.

Выглядел он отстраненным, несколько вальяжно-меланхоличным, безразличным вполне так...

— Что все кончено, — вот это меня действительно бы устроило.
Если бы все просто было кончено.

Но менее всего я ожидала, что последующими словами князя станут:

— Хорошо. Как пожелаешь.

Всю дальнейшую дорогу мы проехали молча.

Сначала я не узнавала пейзаж за стеклом автомобиля, потом начала примечать некоторые вроде как знакомые детали, потом впереди показался город... Мой город.

Сердце сжалось, смотреть на князя было откровенно страшно, и потому я взидала только вперед, и веря и не веря своим глазам.

Мы подъехали с юго-востока, минуя все пробки потому как жила я не сильно, чтобы в центре и Даркан просто объехал город по дуге, чтобы не пробираться через тормозящий к пяти часам вечера город. Хотя мог бы проехать и напрямик — у нас скорые со включенными мигалками и те в сторону съезжали, когда вампиры включали на своих автомобилях присущие им красноватые проблески маячков.

Мы плавно въехали на окраину. Соблюдая все правила движения доехали до многоэтажной типовой застройки, которая не типовой была только для ее жителей... к примеру таких как я.

И я уже даже почти дышать перестала.

Щелкнул ремень безопасности.

Затем замок на двери.

После дверь с моей стороны распахнулась.

— Я отпускаю тебя, — глядя четко перед собой, произнес Даркан.

Я ушам своим не поверила. Замерла, краем глаза косясь на князя, и даже пошевелиться было боязно — а вдруг проснусь?

— Завтра утром истекает время твоего «отпуска за свой счет», что... можешь спокойно вернуться на работу. Со своей стороны обещаю, что без твоей личной просьбы, не стану преследовать тебя, не буду вмешиваться в твою жизнь и искать встреч. Иди, ты свободна.

Теперь я повернула голову и в упор неверяще посмотрела на князя. Он спокойно встретил мой взгляд, выдержал и его, и произнес:

— Ты же этого хотела — услышать, что все кончено. Так вот, все кончено, Каиль.

Правда?

— Забавно, — усмехнулся Даркан, — даже не снимая очков, все так же читаю твои эмоции, абсолютно без труда. Сейчас ты сомневаешься, что мои слова и мое решение являются правдой, не так ли?

Я невольно кивнула.

Устало покачав головой, князь усмехнулся и произнес:

— У кого-нибудь из соседей есть дубликат ключей от твоей квартиры?

Я прошептала:

— Нет.

— Ясно, — ответил князь, и вышел из автомобиля.

Обойдя машину, помог выбраться мне. И держа за руку, повел к моему дому.

Заметно помрачнел, увидев подъезд, вполне ожидаемо не впечатлился лифтом, мою пошарпанную дверь оглядел подчеркнуто неодобрительно.

— Не было времени ее заменить, — почему-то попыталась оправдаться я.

— Эту дверь даже не то чтобы я, ее любой более-менее сильный мужчина кулаком проломить может.

Где-то в глубине души я вздохнула с облегчением, а то было как-то совсем неловко.

Князь приложил ладонь к замку и тот послушно щелкнул, открываясь.

Дверь для меня галантно распахнули, мою ладонь бережно отпустили, жестом мне недвусмысленно предложили проваливать в свою нору, и более никогда не приближаться к логову тигра.

До сих пор поверить не могу.

Неуверенно сделала шаг, переступая порог. Потом еще один, поморщившись от характерного запаха помещения, которое долго оставалось нежилым.

— Вызвать клининговую службу? — внезапно предложил Даркан.

— Да нет, я сама приберусь, — выбираясь из прогулочных туфель, заверила его. — А вам уже... пора, наверное? — спросила с надеждой.

— Вынужден задержаться, — ответил князь.

Я замерла.

Тяжело вздохнув, продемонстрировав, что мой жест не остался незамеченным, Даркан устало пояснил:

— У тебя нет ключей от этого замка. И нет запасных. Я вызвал службу, дверь тебе сейчас заменят. Можешь идти спать спокойно, я подожду здесь, входить не буду.

Ну и ладно, все равно у меня ни чая, ни даже кофе нет, чтобы хоть попытаться проявить гостеприимство.

— Прощайте, — сказала, не оборачиваясь.

— Доброй ночи, Каиль, — ответил Даркан.

И я все же обернулась.

Офигенски красивый молодой мужчина стоял в полуоткрытом дверном проеме, залитый тусклым светом коридорной лампочки, за которую никто не хотел платить и потому у нее было максимально низкое количество Ватт и света она давала соответственно. И меня всегда это злило, что коридор отвратительно освещается, но сейчас я была этому даже рада — так правда было лучше.

— Я сама могу вызвать мастера для замены замка, — сказала нерешительно.

— Иди уже, — устало сказал князь. — Как бы я не пытался казаться невозмутимым, внутри все обрывается. Так что лучше уйди с моих глаз, я на грани.

Спорить не стала.

Сходила в ванную, приняла душ, с ностальгией повдыхала аромат ржавчины, неизменно присутствующий в городском водоснабжении. Поняла, что мыло у меня паршивое и сушит кожу... да, еще один приступ ностальгии был неотвратим.

В спальне заменила постельное белье, прислушиваясь к шуму у двери, и при этом чувствуя себя спокойно, но как-то... неловко, что ли. Реально, лучше бы просто ушел. Но тут сама виновата — надо было вылезти из автомобиля, как только разрешили, а не сидеть и ждать у моря погоды. Дождалась, на свою голову... в смысле дверь.

Потом шум прекратился, все вроде ушли, и я услышала:

— Знаю, что ты еще не спишь. Дверь заменили. Стену укрепили, она была не намного прочнее двери. Ключи оставляю на столике. Дубликат так же. И... я буду благодарен, если ты хотя бы в течение полугода не будешь заводить никаких отношений. И это не ради меня,

со своими чувствами я справлюсь, но ревность взять под контроль сложнее. Доброй ночи.

И дверь захлопнулась.

Сев на постели, я несколько минут смотрела в пустоту.

Потом сходила, посмотрела на свою новую дверь – здоровенная стальная хреновина, ее не то, что рукой не пробить было, тут и гранатомет не уверена, что справится. Две связки ключей на столе, инструкция по использованию кодового замка, еще инструкция по использованию биометрического замка... и второго биометрического. Это вот реально потрясло – имелись замки, которые отделяли людей от вампиров, в смысле нам, простым смертным, вход был воспрещен. Так вот — тут вход был запрещен вампирам, а простые смертные могли пройти беспрепятственно.

С тремя инструкциями я вернулась в кровать, забралась под одеяло и включила ночник на тумбочке. Что ж, судя по всему, новоустановленная дверь стоила дороже всей моей квартиры... и как половина всего многоэтажного здания тоже.

Долго читала, разбираясь в инструкциях, а потом так и заснула, в обнимку с брошюрами.

Поверить в то, что мне вернули мою жизнь — было безумно сложно. Почти невозможно.

Понять причины, по которым князь так поступил — вообще нереально.

А утром, первое, что я сделал, было подключение к стационарному компу и следом к вебке, что установили в подъезде и на этаже. В подъезде ничего интересного за ночь особо не происходило, а вот на этаже...

Когда мастера, причем вампиры, занимались работой — князь стоял там.

Когда они закончили и ушли, он вошел в мою квартиру, пробыл там менее минуты, видимо просто поставил ключи на стол и перекинулся парой фраз со мной.

Потом вышел и захлопнул дверь.

А потом стоял, привалившись спиной к стене...

Час... два... три...

Уходил, пошатываясь, словно основательно выпивший, но я точно знала, что он и капли алкоголя не потребил.

Потом сидел в машине почти до рассвета.

И лишь когда наступило утро — уехал.

Черт!

Это был тот исход всего этого дела, на который я даже надеяться не смела, и вот тут бы порадоваться бы, но... Так погано на душе было. До невозможности просто. И я сама себя понять не могла, но мне было так жаль Даркана... Безумно жаль. И он прав — в Изнанке я его бросила. Знала, что он спустился туда из-за Навьена, понимала, что меня с собой взял, чтобы в его отсутствие на земле мне вреда не нанесли, все понимала и все же бросила. Не то чтобы я сожалела об этом, в Изнанке оказалось удивительно здорово, но перед Дарканом было стыдно. И неловко. И оправданий — хрен тут оправдания подберешь.

И этот его поступок...

Неужели я его действительно больше никогда не увижу? Хотелось бы конечно, вот реально хотелось бы, но... теперь я думала о том, как он там? Справится ли? Судя по тому, что я уже знала о нем, можно было бы понять, что хреново ему. Очень хреново. Если я для него стала таким же ярким и сказочным открытием как Изнанка, то... То я вообще не знаю, как у него хватило силы воли отпустить меня.

И тут зазвенел будильник.

6:45 — пора было собираться на работу.

Я вытерла слезы, сама не в курсе, откуда они взялись, и пошла собираться в полицейский участок.

Конец второй книги.